ЭПИЧЕСКІЯ

ТВОРЕНІЯ

М. М. ХЕРАСКОВА.

О Боже! Ты великъ, Ты святъ всегда и нынѣ,
Ты въ Духѣ вѣчно святъ, Ты вѣчно святъ и
въ Сынѣ;
Тебѣ созиждутся повсюду олтари,
Тебѣ поклонятся народы и Цари!
Познаютъ всѣ Тебя въ трехъ лицахъ человѣки:
Ты будешь въ нихъ сіять и дѣйствовать во вѣки.

ЭПИЧЕСКІЯ

ТВОРЕНІЯ

М. М. ХЕРАСКОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

Владиміръ.

Плоды Наукъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1820.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Декабря 29 дня 1819 года. *Ординарный Профессоръ и Кавалеръ Алексѣй Мерзляковъ.*

Изданіе сіе принадлежитъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Коммиссіонеру Императорскаго Московскаго Университета Александру Сергѣеву Ширяеву.

ВЛАДИМИРЪ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Вдохни небесное мнѣ, Муза! восхищенье,
Владимирово пѣть святое просвѣщенье,
Которымъ древняя полночная страна
Какъ солнцемъ съ высоты доднесь озарена;
Владимиръ свой народъ преобразилъ, прославилъ,
Кумировъ истребилъ и Богу храмъ поставилъ.
О духъ мой! плавая въ пучинѣ суеты,
Когда ты не лишенъ небесной чистоты,
Какъ голубь полетѣлъ изъ Ноева ковчега,
Его пернатостью, бѣлый и чище снѣга,
Предобразующу земли съ водою миръ,
Лети, крылатый духъ! быстрѣе, чѣмъ зефиръ.
Дерзай, пари, прейди пространный шаръ весь земный,
И масличную вѣтвь внеси въ ковчегъ мой темный;
Рцы, Господи, мнѣ рцы: въ Тебѣ да будетъ свѣтъ!
И важну пѣснь мой духъ во свѣтѣ воспоетъ.
А ты, священный Князь, Россіи просвѣтитель!
Какъ Вѣры былъ святой, мнѣ буди предводитель;
Дозволь представить мнѣ и терны и цвѣты,
По коимъ шествовалъ къ небесной славѣ ты.
Познала тайну ту пространная вселенна,
Котора искони была запечатлѣнна;

Вечерній солнцевъ домъ и южный гдѣ стоятъ,
Евангельски лучи уже народы зрятъ;
Кумиры Ѳивскіе лежали сокрушенны,
И словъ пророчески гадатели лишенны;
Земные жители небесный видятъ рай;
Единъ дремалъ во тмѣ, единъ полночный край;
На осѣняющей горѣ струи Днѣпровы
Курился жертвы дымъ, текли струи багровы.
Безъ пользы крестъ сіялъ, Андреемъ водруженъ,
Передъ кумирами нечистый огнь возженъ:
Жрецы подъ именемъ боговъ народомъ правятъ,
Глаголы ихъ Царя вселенныя безславятъ;
Воспламеняютъ ихъ гаданія войну,
Ихъ руки продаютъ за злато тишину,
Изъ идольскихъ щедротъ позорну куплю дѣютъ;
Корысти собственной, не пользѣ душъ, радѣютъ.
Сокрыта истина, сокрытъ небесный свѣтъ;
Ахъ! щастливъ ли народъ, святой гдѣ Вѣры нѣтъ?

Владимиръ, усыпленъ подъ шумомъ громкой славы,
Составилъ изъ цвѣтовъ вожди своей Державы;
Его правленіе подобилось веснѣ,
Когда поля цвѣтутъ и рощи въ тишинѣ,
Ко благу подданныхъ его Престолъ степени,
Порфира щитъ для нихъ, вѣнецъ прохладны тѣни.
Но славой окруживъ и пышностію тронъ,
Владимиръ подъ вѣнцемъ былъ падшій Соломонъ:
Поработилъ себя презрѣнному кумиру;
Не Богу вышнему, работалъ тлѣнну міру.
Любови пламенной отравой услажденъ,
Блаженства жизни сей искалъ въ бесѣдѣ женъ.
Прикованъ роскоши къ блестящей колесницѣ,
Во узахъ слѣдовалъ развратной сей царицѣ;
И гордость, нашего блаженства первый врагъ,

При блескахъ таковыхъ влагала въ душу мракъ.
Владимиръ обольщенъ былъ міра суетою,
Доколѣ Вѣрою не озаренъ святою.
Лежали сѣмена грѣха въ его крови;
Онъ въ лаврахъ шествовалъ подъ знаменемъ любви.
Не избѣжалъ сей мужъ отъ общаго намъ рока;
Ахъ! кто изъ смертныхъ есть въ семъ мірѣ безъ порока!
Въ нощи безбожія подобенъ бывъ лунѣ,
Какъ солнце наконецъ сіялъ въ своей странѣ.
Такъ мраченъ видъ горы является кремнистой,
Въ которой заключенъ металлъ отъ злата чистой;
Доколь художныхъ рукъ не прикоснется трудъ,
Не источается богатство скрытыхъ рудъ.
О ты, къ которому коснулся Богъ рукою,
И Россамъ благодать проистекла рѣкою!
Отъ сей спасительной и чистыя струи
Меня, о Мужъ Святый! при жаждѣ напои!
И будетъ пѣніе мое красно и стройно,
Твоихъ великихъ дѣлъ, твоихъ похвалъ достойно.

Клонился къ вѣчности уже десятый вѣкъ,
Какъ въ мірѣ возсіялъ и Богъ и человѣкъ,
Сивиллы древнія оракулы молчали,
Додонскіе лѣса жрецамъ не отвѣчали;
Но Кіевъ, истины взирая на лучи,
Дремалъ безбожнаго невѣрія въ ночи.
Какъ будто былъ Творецъ нинѣмъ незнаемъ въ мірѣ,
Являлся тамо Богъ въ безчувственномъ кумирѣ;
То сонная была и мутная вода,
Въ которой небеси не видно никогда;
Сидонскимъ въ ярости Вааловымъ подобны
Жрецы, какъ ихъ кумиръ, толико были злобны.

Для выгодъ собственныхъ служили олтарю;
Для выгодъ олтаря покорствуютъ Царю;
Всегда онъ преходилъ въ его смѣшенномъ нравѣ
Отъ славы ко любви, а отъ любви ко славѣ;
Онъ лавры превращалъ во мирновы цвѣты;
То громъ войны любилъ, то женски красоты.
Уже Россійская вездѣ гремѣла слава:
Во трепетъ ввержена восточная Держава,
Владимиръ бодрственныхъ Сарматовъ усмирилъ,
Кругомъ Дунайскихъ водъ народы покорилъ;
Сверкаетъ молнія его кругомъ Босфора,
Страшится древній Тавръ Владимирова взора;
Летаетъ громкая на западѣ молва;
Какъ вѣтръ пареніе, какъ громъ ея слова:
Молва звучащую трубу въ рукахъ имѣетъ,
Вездѣ летающа, и ложь и правду сѣетъ;
Даетъ дѣяньямъ толкъ, дѣянья паки тмитъ,
Иль вѣетъ какъ зефиръ, или какъ понтъ шумитъ.
Молва и малую повсюду славу множитъ;
Но Княжьимъ именемъ вселенную тревожитъ:
Вѣщаетъ торжества безчисленныхъ побѣдъ;
Со трепетомъ ея глаголы внемлетъ свѣтъ;
Смѣшенно ложь она и истину вѣщаетъ.
Шумящая молва Монарха восхищаетъ:
Онъ чаялъ миръ вкушать, собравъ съ Болгаровъ дань;
Но есть ли тамо миръ, гдѣ съ Небомъ въ Царствѣ брань?
Благодареніе Перуну Царь приноситъ;
Но жертвы отъ него кумиръ иныя проситъ,
Устами пагубныхъ глаголетъ онъ жрецовъ:
Не хощетъ страшный богъ ни агнцовъ, ни тельцовъ;
Ужасный храмъ его темнѣетъ и трепещетъ,

Громъ движется въ рукѣ и молній пламень блещетъ.
Жрецы Перуновъ гнѣвъ изъ блѣдныхъ кажутъ лицъ,
Стремятся къ олтарю и упадаютъ ницъ;
Вѣщаютъ наконецъ сіи слова ужасны:
Твои моленія и жертвы, Князь! напрасны;
Перунъ велѣлъ тебѣ принесть, о храбрый Царь!
Двухъ скрытыхъ Христіянъ для жертвы на олтарь.

Болѣзненно сіе Владимиру велѣнье;
Но ко богамъ еще велико ослѣпленье.
Не чаялъ сей цѣной побѣды онъ купить,
Вѣнцы лавровые слезами окропить;
Но долженъ волѣ былъ кумира покориться.
Печаль въ лицѣ его, въ очахъ крушенье зрится;
Велѣнія изъ устъ произнести не могъ,
И далъ рукою знакъ творить, что хощетъ богъ.
Жрецы, на Христіянъ свирѣпостью разженны,
Сулятъ Владимиру за жертву дни блаженны.
Тогда разсыпались вездѣ клеветы ихъ
На жертву привлещи во храмъ мужей святыхъ.
Гдѣ слабые лучи Евангельски блистали,
Въ пустынѣ близь Днѣпра два мужа обитали;
Подъ сѣнію своихъ недвижущихся крилъ
Духъ Божій сихъ мужей до дня сего таилъ.
Блаженна въ тишинѣ, незлобива, правдива,
То сынъ былъ и отецъ, чета благочестива.
Въ преданіяхъ жрецовъ изобразивъ обманъ,
Устроили они во градѣ Христіянъ.
На сихъ отмщеніе язычниковъ кипѣло,
На жертву крови ихъ, какъ хищный вранъ, хотѣло,
И втайнѣ воинамъ велѣніе даютъ,
Да сихъ пустынниковъ на жертву привлекутъ.

Подвиглася толпа, люта, кичлива, злобна,
Подвиглася, рѣкѣ текущей съ горѣ подобна.
Надъ самой быстриной шумящаго Днѣпра
Возвысила чело высокая гора;
Зеленыхъ рядъ древесъ простерся по вершинѣ,
И примыкался онъ покатистой долинѣ.
По мягкой муравѣ источники вились,
На тучной пажити стада овецъ паслись;
Поющи птицы тамъ между древесъ летали:
Въ убѣжищѣ такомъ Варяги обитали.
Оттолѣ пламенны молитвы до небесъ
Взлетали день и нощь со разтвореньемъ слезъ.
Какъ тихая рѣка, ни чѣмъ непреткновенна,
Господней жизнь текла рукой пріосѣненна:
О коль близка была къ волненію она!
Всевышнему ихъ жизнь явилася нужна;
Насталъ имъ часъ, насталъ плотское сверг-
нуть бремя,
Страдальчески вѣнцы принять настало время.
Клевреты жречески, носящи злость въ серд-
цахъ,
Уже являются на мягкихъ муравахъ.
Все тамо нѣжитъ нравъ, все душу утѣшаетъ;
Но паче благодать жилище украшаетъ.
Когда приближились злодѣи ко святымъ,
Почтенье нѣкое почувствовали къ нимъ;
Но вдругъ предстала имъ недремлющая Злоба,
Какъ тѣнь дрожащая, возставшая изъ гроба;
Нахмуренно чело, у ней туманенъ взглядъ,
Дохнула въ ратниковъ, и оживила ядъ.
Текутъ на верьхъ горы, какъ вихри, пыль віющи,
Въ сердцахъ свирѣпый гнѣвъ, въ колчанахъ
смерть несущи;
Какъ будто разорвавъ густую тучу громъ,
Вломились къ праведнымъ враги въ священной
домъ.

Но Духомъ ли Святымъ незапно наученны,
Иль воплемъ отъ молитвъ небесныхъ отвлеченны,
Выходитъ къ воинамъ почтенная чета.
Сѣдины одного, другаго красота
И варварски сердца на время умягчили;
Но чувства звѣрскія ихъ къ злобѣ ополчили.
Какъ древній дубъ зимой, имѣющъ свѣжій видъ,
Хотя колеблется и снѣгомъ весь покрытъ,
Предсталъ отецъ и рекъ, украшенъ сѣдинами:
Коль грѣшныхъ ищете, се грѣшникъ передъ вами!
Но вопль послѣдовалъ, ужасный вопль словамъ:
Вы оба надобны въ закланіе богамъ!
Въ селенья горнія, для старца отворенны,
Онъ очи обратилъ слезами орошенны,
И рекъ: Ты царствуешь, мой Богъ! на небеси:
Возьми меня туда, но сына лишь спаси.
Но юноша вскричалъ: Хощу умреть съ тобою!
И воинамъ вѣщалъ какъ громкою трубою:
Кто хощетъ въ жертву насъ невинныхъ Божьихъ чадъ?
Вашъ богъ не движется, уста его молчатъ;
Древа не чувствуютъ и камни не желаютъ.
Слова сіи сердца и паче распаляютъ.
Жрецамъ покорствуйте! свирѣпствуя рекли,
И узы наложивъ, ихъ къ жертвѣ повлекли.
Невинность и въ цѣпяхъ величественной зрѣлась,
А злоба мерзостью при торжествѣ одѣлась.
Священная чета когда вступила въ храмъ,
Молчаніе крилѣ распростирало тамъ;
Ихъ мыслей въ небеса святое погруженье
Раждало тайное къ невиннымъ уваженье.
Но прервалъ жрецъ Пламидъ молчаніе свое,
И яростью кипящъ, невиннымъ рекъ сіе:
О вы, враги боговъ! вамъ должно днесь рѣшиться:

Умреть сей часъ, или кумирамъ поклониться!
Умреть! вѣщаетъ сынъ; — умреть! вскричалъ отецъ;
Готовы мы принять страдальческій вѣнецъ!
Единаго въ сердцахъ мы Бога ощущаемъ,
За то пріемлемъ смерть; но васъ за смерть прощаемъ.
Во гнѣвѣ жрецъ вскричалъ: умретъ изъ васъ единъ,
По жребію умретъ сей часъ отецъ, иль сынъ!
Страхъ нѣкій на челахъ у всѣхъ изобразился,
А праведниковъ ликъ сіяньемъ озарился.
Иду на смерть, иду! родитель вопіетъ;
Уже мнѣ жизнь тяжка, утѣхи въ мірѣ нѣтъ!
Богъ счислилъ дни мои, не идолъ, не судьбина;
Предупреждать отецъ во смерти долженъ сына.
Лобзая юноша родителеву грудь,
Увы! вскричалъ, пусти меня на смертный путь!
Не сдѣлалъ ничего я въ жизни сей святаго,
Да удостоюся вѣнца небесъ златаго;
Но сей вѣнецъ твоей заслугой получу:
Ты жизнь мнѣ далъ, тебѣ я жизнію плачу.
Колико ни были язычники жестоки,
Такое прѣніе исторгло слезны токи!
Со каменнымъ своимъ лишь равны божествомъ,
Одни жрецы на то взираютъ съ торжествомъ,
И сына со отцемъ расторгнуть повелѣли;
Но руки ихъ сплелись, сплелись и охладѣли;
Святые не могли разлуки перенесть.
Безсильно тамо зло, гдѣ святость въ духѣ есть!
Жрецы съ кинжалами страдальцевъ окружаютъ,
И въ бѣшенствѣ отца и сына поражаютъ;
Единый кровью сталъ другаго омоченъ.
Такъ, съ отраслями дубъ сѣкирой посѣченъ,
Во вѣтвяхъ масличныхъ вершину углубляетъ,
И древо, кажется, едино составляетъ.

Ихъ души будто два источника слились,
Превыше облаковъ изъ храма поднялись;
Но кровь, которая лице земли кропила,
Та кровь невинная на небо возопила.
До высочайшія дошло степени зло,
И правда начала являть свое чело;
Которы облака невѣріе скрывали,
Какъ будто сквозь туманъ лучи ея сіяли.
Владимиръ ужасомъ, какъ громомъ пораженъ,
Густыя нощи тмой казался окруженъ;
Печаль дрожащими въ его челѣ перстами
Напечатлѣла знакъ глубокими чертами;
Померкло Княжіе лице и свѣтлый взглядъ,
Выходитъ пасмуренъ изъ храма въ вертоградъ,
Но вслѣдъ за нимъ текутъ окровавленны тѣни.
Раскаянье Царя повергло на колѣни,
Раскаянье, тоску могущее вдохнуть,
Пуская тяжкій стонъ, рукой біюще грудь,
Ланиты токомъ слезъ имѣя орошенны,
Власы по раменамъ волнами распущенны,
Раскаянье къ Царю едва простерло взоръ,
Подобно какъ вода течетъ весною съ горъ,
Коль мерзлый горъ хребетъ растопится лучами,
Владимиръ залился горчайшими слезами.
Двѣ души праведныхъ, оставивъ тѣлеса,
На радужныхъ крилѣхъ летятъ на небеса,
Внимаютъ сладкую небесную музыку,
Уже являются безплотныхъ свѣтлу лику;
Уже предѣловъ тѣхъ касаются они,
Гдѣ огненна вода, гдѣ влажные огни,
Гдѣ велѣпіе Божественнаго міра
Составленна изъ звѣздъ небесна славитъ лира.
Но псалмопѣсненный умолкъ священный хоръ,
Когда возвелъ съ небесъ на праведниковъ взоръ:
Еще являются страдальцевъ кровны токи,
И раны видимы у нихъ въ груди глубоки.

Когда уныніемъ дозволено назвать,
Какъ могутъ жители небесны унывать,
Стенанье слышалось превыше звѣздъ сѣдящихъ,
Какъ томный гласъ молитвъ, на небо восходящихъ;
Потоки полились росѣ подобны слезъ.
Безсмертна Муза! пой уныніе небесъ!
Живущихъ выше звѣздъ въ духовномъ чистомъ мірѣ
Святыя жалобы гласи, гласи на лирѣ!
Глаголамъ не земнымъ, о Муза! подражай;
Святое хощешь пѣть, святое воображай.
Молитвы праведныхъ текутъ какъ искры къ Богу,
Но затворенному возносятся чертогу,
Во славѣ гдѣ своей вещей Творецъ сокрытъ;
Ни Ангелъ никакой ихъ внутренней не зритъ.
Поставленъ Божій храмъ твореній внѣ высоко,
Отколѣ Божіе въ міры взираетъ око,
Созданій собственныхъ въ пространну бездну зритъ,
Сіяетъ яко свѣтъ, или какъ огнь горитъ;
Въ безмѣрной высотѣ Святыхъ бесѣдѣ внемлетъ,
И въ нѣдра ихъ свои отъ чистыхъ душъ пріемлетъ.
Одѣянъ свѣтлою небесною зарей,
Въ бесѣдѣ царствуетъ Апостольской Андрей;
Изъ солнечныхъ лучей въ составленномъ чертогѣ,
Вмѣщая Божество и самъ живущій въ Богѣ,
Полночный сей Пророкъ, исполненный любви,
Любви къ Россіянамъ, страдальцевъ зря въ крови,
Возсѣтуетъ, гдѣ нѣтъ ни плача, ни стенанья,
Не плоти и души отъ смутнаго страданья,
Но человѣческихъ скорбитъ о бѣдствѣ душъ,
Какъ можетъ унывать живущій въ небѣ мужъ;
Его небесна плоть въ печали и страданьѣ

Пріемлетъ лунное по солнечномъ сіянье;
Святаго мужа стонъ небесну движетъ связь.
Андрей возводитъ взоръ, къ востоку обратясь,
О Творче всѣхъ міровъ! склонивъ чело, вѣщаетъ,
Почто Тебя не вся вселенна ощущаетъ!
Отъ солнца далека полночная страна,
Должналь и Твоего быть свѣта лишена?
Мной крестъ Спасителевъ воздвигнутъ Рос-
самъ втуне;
Не мыслятъ о Тебѣ, но мыслятъ о Перунѣ.
Доколѣ будетъ кровь на небо вопіять?
Доколѣ Истинѣ въ Россіи не сіять?
Владимиръ славой свѣтлъ, но вѣрой въ сердцѣ
мраченъ;
Или и Ольгинъ внукъ во адъ сойти назначенъ?
О Боже! просвѣти возлюбленный мой градъ,
Да врагъ Твой у Тебя не похищаетъ чадъ!
Слова Апостольски въ лучи совокупились,
Какъ буквы огненны Творцу они явились.
Се нѣкій свѣтъ блеснулъ! — Едва, едва дышу;
Глаголетъ Богъ во мнѣ, не я сіе пишу!
Подобны молніямъ віяся и сверкая,
Незапно небеса расторглись въ край отъ края;
Между блистательныхъ златыхъ небесныхъ горъ
Внимаемый всегда умолкъ поющій хоръ;
Весь міръ объемлющемъ во океанѣ волны
Престали двигаться, утихли, страха полны.
Во пламенныхъ заряхъ Святая зрю Святыхъ,
И сталъ духовный міръ неколебимъ и тихъ;
Многоочитыя не движутся колеса;
Составленна изъ звѣздъ подъемлется завѣса:
Се Богъ! се Богъ грядетъ! темнѣетъ плотскій
взоръ,
Единый Ангельскій вдали я слышу хоръ;
Трисвятъ Господь! трисвятъ! при лирахъ гла-
сы внемлю:

Гдѣ я? — Не чувствую! дрожу! паду на землю!
Обьемлетъ всѣ міры неизреченныи свѣтъ;
Ни звѣздъ блистающихъ, ни солнца въ небѣ нѣтъ.
Склонилъ чело Господь и Ангельскія лиры,
Какъ будто кроткіе весенніе зефиры,
Произвели для всѣхъ міровъ пріятный звукъ;
Священна тишина потомъ настала вдругъ.
Но кто сіи, но кто богоподобны дѣвы,
Одежды Царскія, вѣнцы на нихъ Царевы,
Со умиленіемъ предъ Господомъ стоятъ,
Ихъ ликъ веселіе, спасеніе ихъ взглядъ,
Едина держитъ крестъ, омытъ безцѣнной кровью?
То Вѣра предстоитъ съ небесною Любовью;
Надежда посредѣ съ улыбкою видна,
Вѣтвь пальмова у ней всечасно зелена.
Еще я зрю жену, наперсницу Надежды;
Какъ солнце зракъ ея, какъ снѣгъ ея одежды;
Лежатъ ея власы какъ злато по плечамъ,
Любезна есть она землѣ и Небесамъ;
На лонѣ у нея закланный Агнецъ зрится,
И жаждетъ вся Ему вселенна покориться;
На что пресвѣтлый взоръ она ни возведетъ,
Оттоль уходитъ тма, сіяетъ тамо свѣтъ.
При возсіяніи Создателева трона
Вершина гордая склонилася Сіона;
Померкли свѣтлые небесные огни,
И вспять подвиглися со трепетомъ они;
Въ кристальномъ облакѣ сѣдящи Херувимы,
Въ огнѣ живущіе, огнемъ неопалимы,
Умножили стократъ сіяніе свое;
Носимый Богъ на нихъ Андрею рекъ сіе:
Внемли! — и Божій гласъ свѣтящъ зарями зрится;
Внемли! глаголетъ Богъ: Россія просвѣтится!

Слова сіи по всей вселенной раздались,
Сокрылся Божій ликъ и пѣсни прервались.
Какъ громъ, катящійся воздушными полями,
Живый глаголъ къ Днѣпру относится крылами.
Тогда составился изъ словъ пресвѣтлый крестъ,
И тѣмъ знаменовалъ окрестныхъ святость мѣстъ,
Котора, утренней подобяся Аврорѣ,
Весь Кіевъ озаритъ и всю Россію вскорѣ.
Святые зрѣніе простерли въ вертоградъ,
И тамъ Владимира въ раскаяніи зрятъ.
Колико томенъ Царь, колико былъ нещастенъ!
Гнѣтенью многихъ золъ казался онъ подвластенъ;
Онъ въ памяти прешелъ минувшей жизни дни,
И зритъ, что мраками покрыты суть они;
Раскаянье Царя толь много подавляло,
Что мракъ ночный кругомъ и страхъ усугублало.
Какъ плѣнникъ будто бы въ темницу заключенъ,
Печали въ узахъ былъ онъ мракомъ облеченъ;
Не видно на челѣ его вѣнцевъ цвѣтущихъ,
Ни златотканныхъ ризъ, при свѣтѣ блескъ дающихъ;
Все мрачно внутрь его, и все извнѣ темно,
Величество Царя въ нощи погребено;
Ручьями слезный токъ изъ глазъ его ліется,
По сердцу у него сей голосъ раздается:
Владимиръ! трепещи! не Царь, убійца ты!
Рабъ міра, рабъ страстей и плѣнникъ суеты!...
Внимая страшный гласъ, себя возненавидѣлъ,
И грѣхъ, противный грѣхъ, Владимиръ ясно видѣлъ.
Извился какъ змія, какъ тма ночная чернъ,
Повсюду вкругъ грѣха поросъ колючій тернъ;
Грѣхъ живо видимъ былъ напечатлѣнъ во мракѣ,
Вся гнусность зрѣлася въ его туманномъ зракѣ.
Смолѣ подобный ядъ въ груди его кипѣлъ;

Князь очи отвратилъ и въ небо взоръ возвелъ:
На небѣ видитъ крестъ, кругомъ креста сіянье,
И въ сердцѣ ощутилъ святое трепетанье.
Хотящая ему во мракѣ свѣтъ подать,
Раждаться начала во Князѣ Благодать.
Онъ видитъ Божію непостижиму славу,
Христову во крестѣ начертанну державу;
Надолго онъ своихъ кумировъ позабылъ.
Но тайный крестъ познать не вдругъ удобенъ былъ;
Ему великія препоны предлежали:
Соблазны вкругъ Царя какъ стража окружали.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Между песчаныхъ горъ, гдѣ бурный Днѣпръ свои
Влечетъ сквозь тростники шумящія струи,
Томимы жаждою долины орошаетъ,
И шумомъ пѣсни птицъ въ дубравахъ заглушаетъ;
Со брега надъ водой угрюмый лѣсъ нависъ,
И выдался въ рѣку крутый безплодный мысъ;
Видна глубокая кремнистая пещера,
Кругомъ ея растетъ кудрявая гедера;
Изсохши древеса дрожащу мещутъ тѣнь,
Пещеру никогда не посѣщаетъ день;
Тамъ, кажется, нощныхъ жилище привидѣній,
Убѣжище тоски, вертепъ печальныхъ мнѣній;
Тамъ вѣчный одръ себѣ устроилъ томный сонъ,
И скука мрачная соорудила тронъ;
Тамъ царствуютъ всегда нахмуренны туманы,
Слетаются кругомъ стадами черны враны:
Зломиръ тамъ обиталъ, безбожный чародѣй,
Врагъ неба, врагъ земли, врагъ Бога, врагъ людей;

Во чернокнижіи искусенъ былъ глубокомъ,
Именовался онъ у Кіевлянъ пророкомъ;
Въ пещерѣ съ сонмищемъ бесѣдовалъ духовъ,
Клеврстомъ идоловъ и другомъ былъ жрецовъ;
Тамъ человѣчіи изсохши кости видны,
Шипящія зміи и лютыя ехидны;
Тамъ Ненависть, людей, ни Бога не любя,
Терзаетъ грудь свою и ѣстъ сама себя;
Но паки внутренна ко скорбямъ въ ней родится,
И паки пищею злодѣйства становится.
Тамъ Злоба рветъ власы, тамъ блѣдный Страхъ дрожитъ;
Цѣпями Совѣсть тамъ окованна лежитъ;
Обманъ и Лесть сидятъ, украшенны вѣнцами,
Готовы царствовать надъ слабыми сердцами.
Межъ ими день и ночь волшебствуя Зломиръ,
Геенской прелестью обворожаетъ міръ;
Изъ сей губительной, подобной аду бездны
Взираетъ чародѣй въ нощи на круги звѣздны.
Наукой злыхъ духовъ сей таинствъ нѣкихъ тать
Грядущее хотѣлъ на небѣ прочитать;
Но будто молніи сверкнувшее блистанье,
Разило крестное волшебника сіянье;
Бія себя во грудь, на землю онъ падетъ,
Погибли боги вы, погибли! вопіетъ.
Погибли! мрачныя пещеры отвѣчаютъ,
И паче злобный духъ его ожесточаютъ.
Бѣжитъ со трепетомъ, бѣжитъ ужасныхъ мѣстъ;
Ему грядущее являютъ круги звѣздъ.
Въ разверзтой будто бы онъ хартіи читаетъ,
Что вскорѣ Истина въ Россіи возсіяетъ,
Безбожны капища Владимиръ истребитъ,
Что крестъ, пресвѣтлый крестъ, язычество затмитъ.
Какъ тѣнь тоскующа Зломиръ во градъ влечется,

Зіяетъ адъ подъ нимъ, земля кругомъ трясется,
И небо пламенно въ него кидаетъ громъ:
Онъ къ первому жрецу притекъ, блѣднѣя, въ домъ.
Пламидъ, верховный жрецъ, при старости маститой
Имѣлъ коварный умъ, но образъ сановитой;
Кора злодѣйствъ его ласкательный былъ видъ;
Стяжанія богатствъ себѣ не ставилъ въ стыдъ;
Въ его дѣянія мѣшалось чародѣйство,
Чинимое жрецомъ и благо есть злодѣйство;
Въ глаголахъ крылась лесть, въ привѣтствіяхъ обманъ;
Но сердцемъ былъ жестокъ, какъ будто истуканъ;
Перуну жертвовалъ, его устами славилъ,
Но вмѣсто идола себя онъ богомъ ставилъ,
И властолюбіемъ геенскимъ надымленъ,
И мысли и сердца народа взялъ во плѣнъ.
Необычайное волхвово посѣщенье
Плотскія чувства въ немъ приводитъ въ возмущенье;
Онъ чаялъ душу зрѣть Зломирову одну,
Грядущу въ адскую подземну глубину.
Подобенъ тмѣ ночной, Зломиръ очамъ явился,
И ужасъ изъ волхва въ Пламида преселился.
Такъ дѣйствуетъ душа надъ чувствами у тѣхъ,
Когда въ другой душѣ найдетъ подобный грѣхъ.
Пламидъ покоился, какъ будто спяще море;
Но буря, сонъ отгнавъ, воздвигнетъ бурю вскорѣ.
Возстань, Пламидъ, возстань, нещастный человѣкъ!
Погибъ и ты и я! Зломиръ Пламиду рекъ;
Или грядущаго не есмь уже гадатель?
Или боговъ твоихъ Владимиръ есть предатель?...
Колеблемъ ужасомъ, имѣющъ блѣдный видъ,
Изъ гроба яко тѣнь, съ одра встаетъ Пламидъ.

На сердцѣ выгоды онъ собственны имѣетъ:
Жалѣетъ о себѣ, не о богахъ жалѣетъ.
Когда бы истинный людьми былъ познанъ Богъ,
Роскошствовать бы жрецъ, ни сѣять зла не могъ;
Но тамъ утратится благоустройства мѣра,
Гдѣ царствуетъ обрядъ, иль жреческая вѣра.
Предчувствуя, что ихъ откроется обманъ,
Пламидъ безгласенъ сталъ какъ хладный истуканъ;
Совѣтамъ пагубнымъ волшебниковымъ внемлетъ,
Изъ устъ Зломировыхъ геенскій ядъ пріемлетъ.
Пойдемъ! Зломиръ вѣщалъ, пойдемъ въ Перуновъ храмъ;
Что значитъ въ небѣ крестъ, намъ боги скажутъ тамъ.
Грядутъ въ Перуновъ храмъ, какъ облаки сгущенны,
Въ которыхъ молніи и громы заключенны.
Въ душѣ Пламидовой волшебникъ множа тму,
Свое видѣніе повѣдаетъ ему;
И злость, которая во узахъ сна томилась,
Въ жрецовомъ сердцѣ злость вспрянула, пробудилась.
Терзая грудь свою, сей старецъ вопіетъ:
И такъ противъ боговъ Владимиръ возстаетъ?
Коль мысли Царь въ умѣ питаетъ таковыя,
Страшись престольный градъ и трепещи Россія!
Отмщеніе Пламидъ къ Владимиру питалъ;
Но малымъ каждое злодѣйство почиталъ:
Хотѣлъ, чтобъ воздухъ былъ Владимиру отравой,
Вода была огнемъ, хлѣбъ яствою кровавой;
Желалъ онъ души всѣ въ одну соединить,
Дабы измѣной вдругъ на Князя воспламенить;
Но прежде вопросить во храмѣ бога мыслитъ,

Въ изобрѣтеньяхъ зла его искуснѣй числитъ.
Зломиръ вѣщалъ: воззри на высоту небесъ!...
Взглянулъ на небо жрецъ, но свѣтлый крестъ изчезъ!
Все мрачно сдѣлалось въ полночную годину.
Тогда Пламидъ вскричалъ: я вижу тму едину.
О, что сія, Зломиръ, предвозвѣщаетъ тма!
Природа пасмурный пріемлетъ видъ сама.
Погибель общая конечно неизбѣжна;
Но на боговъ моихъ моя душа надежна:
Имъ свѣтятъ въ тмѣ ночной летающи огни.
Вступили съ трепетомъ въ Перуновъ храмъ они.
Сей храмъ, ужасный храмъ, надъ Боричевымъ токомъ
Стоялъ сооруженъ на холмѣ превысокомъ;
Куреній восходилъ передъ кумиромъ дымъ,
Запекшаяся кровь видна была предъ нимъ.
Зломиръ волшебствовать во храмѣ начинаетъ,
Онъ всѣхъ боговъ прійти изъ ада заклинаетъ.
Въ подземны пропасти проникъ Зломировъ гласъ,
И князь духовъ, смущенъ, изшелъ въ полночный часъ.
Пространный шаръ земный лица его трепещетъ,
Разитъ перунами, онъ молніями блещетъ;
Убійство на челѣ, смерть носитъ во очахъ;
Его вѣнецъ зміи, его одежда страхъ.
Какъ туча, съ шумомъ онъ въ Перуновъ храмъ вселился,
Гдѣ въ гордомъ онъ своемъ кумирѣ веселился.
Познали два волхва присутствіе его,
Вкушаютъ горькій дымъ, не видя никого;
Его пришествіе тѣмъ паче примѣчаютъ,
Что паче ихъ сердца кипятъ и жесточаютъ.
Въ то время сонмище разсѣянныхъ духовъ
По дебрямъ, по горамъ, въ пещерахъ, внутрь градовъ,

Все сонмище сіе какъ буря возшумѣло,
Зломировъ внемля гласъ, во капище влетѣло;
Какъ искры огненны ночную тму прешли!
То были божества, которыхъ Россы чли.
Сомкнулись тучею и стали вкругъ кумира.
Повѣдай силы ихъ, повѣдай свойства, лира!
Употреби въ стихахъ приличный видамъ слогъ.
Шумящъ оружіемъ приходитъ Чернобогъ;
Сей лютый духъ поля кровавыя оставилъ,
Гдѣ варварствомъ себя и яростію славилъ,
Гдѣ были въ снѣдь звѣрямъ разбросанны тѣла,
Между трофеями гдѣ смерть вѣнцы плела;
Ему коней своихъ на жертву приносили,
Когда Россіяне побѣдъ себѣ просили;
Въ суровыя сердца сей богъ себя вмѣстилъ;
Весь Кіевъ обожалъ, его Владимиръ чтилъ.
Во мрачномъ сонмищѣ зрю огненнаго Нія;
Въ немъ ада судію быть чаяла Россія;
Онъ пламенный въ рукахъ держалъ на грѣшныхъ бичь.
Являлся тамо Хорсъ, Семиргалъ, Купало, Зничь.
Я вижу межъ боговъ роскошнаго Услада,
И златовласая съ младенцемъ тамо Лада.
Полель, веселостей богиню провожалъ;
Въ немъ Кіевъ брачные союзы обожалъ.
Тамъ Посвистъ, бурями, какъ ризой, вкругъ увитый;
Тамъ Волосъ, паствы богъ; и Дажбо плодовитый.
Въ чемъ сѣверъ признавалъ священны божества,
То были дѣйствія и свойства естества,
Людскія слабости, сердецъ слѣпыя страсти,
Чрезъ кои міра князь держалъ людей во власти.
Князь міра смертныхъ родъ въ язычество вовлекъ.
Въ Перунѣ зуключенъ, духамъ подвластнымъ рекъ:

О други! вѣдайте, что нашъ злодѣй всемѣстный,
Земныхъ боговъ попрать намѣренъ Богъ небес-
ный!
Въ сію печальну нощь, разгнавъ надъ градомъ
мракъ,
Владимиру уже былъ явленъ крестный знакъ;
Уже сей плѣнникъ нашъ, кичливый, легковѣрный,
Возчувствовалъ къ кресту любови огнь без-
мѣрный,
И вскорѣ насъ самихъ возненавидитъ онъ,
Коль вѣроломству мы не учинимъ препонъ.
Всеобщую напасть и собственну внемлите;
Что дѣлать намъ теперь, какъ дѣйствовать,
судите.

Въ то время Чернобогъ, шумящъ его броней,
Къ Перуну приступилъ, и нощи сталъ темнѣй.
Не вижу страха, рекъ, во предлежащемъ дѣлѣ:
Мнѣ только лишь извлечь Владимира отселѣ;
Оружій бранныхъ звукъ и славы громкій шумъ,
И сердце привлекутъ къ войнѣ и Княжій умъ;
Воспламенѣнія потухнутъ новой Вѣры:
Вы знаете тому безчисленны примѣры.
Влекомый по степямъ и дебрямъ Святославъ,
Закону Ольгину, ни святости не внявъ,
Всѣ мысли обращалъ къ однимъ побѣдамъ мною;
Я многихъ набожность искоренялъ войною,
И многихъ славы громъ отъ Бога ихъ отвлекъ.

Звѣрообразный Ній тогда возсталъ и рекъ:
О сильный Чернобогъ! конечно многимъ слава
Въ любви ко Божеству препона и отрава;
Но славою уже Владимиръ пресыщенъ,
Отъ Вѣры ею быть не можетъ отвращенъ.
Ты самъ, о Чернобогъ! ты самъ тому виною,
Что онъ гнушается побѣдами, войною:
Ты въ браняхъ прославлять его не усыпалъ,
Ты лаврами главу Цареву осыпалъ;

Сей Князь возвысился теперь неимовѣрно;
А смертныхъ награждать не надлежитъ безмѣрно:
Довольно съ нихъ на насъ въ надеждѣ сладкой быть.
Мнѣ мнится, должно страхъ теперь употребить;
И естьли сонмищу сіе угодно будетъ,
Владимиръ небеса и свѣтлый крестъ забудетъ:
Я ужасы ему во смутну мысль вложу,
Геенскими его мечтами поражу;
О вѣрахъ размышлять отнять его свободу,
Разсѣю по всему уныніе народу.
Богъ вѣтровъ рѣчь сію съ досадою прервалъ,
Онъ бурей возшумѣлъ и воздухъ взволновалъ.
Къ чему, онъ говорилъ, къ чему послужатъ страхи?
Опасны ли горамъ и тучамъ тонки прахи?
Изъ дѣтства вышелъ Князь, уже онъ возмужалъ:
Возможноль, чтобы страхъ героя поражалъ?
Не страхъ; . . . но стоитъ мнѣ единаго дхновенья
Отвлечь Владимира отъ Бога и явленья.
Я двигну облака и воды возмущу,
Рѣками дождь и градъ на землю низпущу.
Мнѣ въ буряхъ къ свойственной свирѣпости прибѣгну;
Я грады низложу, дворъ Царскій опровергну;
О вѣрахъ слабый Князь престанетъ размышлять,
И будетъ зданія и стѣны обновлять;
Его усердіе къ кресту какъ прахъ развѣю.
Я лучшихъ средствъ къ тому, о боги! не имѣю.
Тогда отважный Зничь, блистающъ весь извнѣ,
Вѣщалъ: Намѣренья сіи не нравны мнѣ.
Я хижинамъ свѣщу и озаряю троны;
Во мнѣ сіяетъ Фебъ, сынъ древнія Латоны.
Во существѣ огня я Россамъ жизнь дарю,

Питаю, грѣю ихъ, ихъ внутренности зрю.
Хоть бури приключить печали могутъ крайны,
Но всѣ подобныя злощастія случайны.
Когда случайныя злощастія прейдутъ,
Ихъ Россы бодрые въ забвенье приведутъ.
Навѣки отдалить отъ Князя просвѣщенье,
Такъ должно общее воздвигнуть возмущенье.
Я къ таинствамъ моимъ, о боги! прибѣгу:
Въ душахъ у Кіевлянъ мятежъ и бунтъ зажгу,
И возмущенія не потушу дотолѣ,
Не обратится къ намъ Россійскій Царь доколѣ.
Усладъ, прельщающій воззрѣніемъ однимъ,
Сказалъ: Народомъ Царь, народомъ всѣмъ любимъ!
Не могутъ боги ихъ поколебать сердцами;
Россіяне Царей какъ дѣти чтутъ отцами.
Что можетъ чадъ въ мятежъ противъ отца привесть?
Нѣтъ пользы въ мятежахъ. Но роскошь въ мірѣ есть!
Ея пріятности Владимиръ духомъ любитъ;
Громовъ и бурь она скорѣе Царства губитъ.
Пріятны роскоши употребить хощу;
Я Князя ослѣплю, Россіянъ развращу!
Въ забавахъ плавая, кумировъ не покинетъ,
И къ вѣрамъ Царскій жаръ погаснетъ и простынетъ.
Но древній врагъ небесъ, во идолѣ сокрытъ,
Блеснувъ перунами, собранью говоритъ:
О боги! въ прѣніи минуты мы проводимъ,
А дѣла лишь вкругу, не къ самой точкѣ, ходимъ.
Или не помните годины и часа,
Когда повергли мы во трепетъ небеса!
Съ самимъ Творцемъ небесъ войною мы гордимся.
Мы тѣ же! но теперь чего? креста страшимся.
Нѣтъ, боги! слабаго видѣнья не страшусь;
Все тлѣнно для меня; я дѣйствовать рѣшусь.

Твой вымыслъ, Чернобогъ, уваженъ будетъ мною,
Что хощешь развращать Владимира войною:
Духъ гордый паче всѣхъ соблазновъ слава льститъ.
О ты, великій Ній! и твой уваженъ видъ.
Полезно въ крайности разрушить стѣны града;
Полезно бунтъ возжечь, полезна мысль Услада;
Но кратковременны напасти таковы,
А души огорчивъ, не привлечете вы!
Когда совсѣмъ боговъ Владимиръ позабудетъ,
То ваша и тогда нужна намъ помощь будетъ,
Тогда Царя привлечь совокупимся вновь;
А нынѣ, мнится мнѣ, нужнѣй всего любовь.
Народомъ чтимая сего богиня града
Нашъ вымыслъ подкрѣпитъ съ прекраснымъ Лелемъ Лада.
Коль новая любовь Владимира зажжетъ,
Въ забвенье новые законы приведетъ.
Любовь тревожитъ умъ и Царствы разрушаетъ;
Она и тѣмъ язвитъ, чѣмъ сердце утѣшаетъ.
Пусть Росскій внидетъ Царь заутра въ Ладинъ храмъ;
Владимиръ сколь ни гордъ, прельстится дѣвой тамъ.
Сіе въ богининъ храмъ заутра привлеченье,
Волшебникъ! на твое взлагаю попеченье.
Владимиръ будетъ нашъ. О боги! вѣрьте мнѣ,
Что возвеличимся мы паки въ сей странѣ;
Я паки Княжеской душею овладѣю. . . .
Ударилъ страшный громъ съ безбожной рѣчью сею,
И весь затрепеталъ отъ грома стольный градъ;
Слетѣли духи тмы какъ молніи во адъ.
Котора въ сонмищѣ духовъ и паче тмилась,
Душа Пламидова злодѣйствомъ веселилась;
Онъ вѣдалъ, что уже настало торжество,

Когда веселостей ликуетъ божество;
Подобны Грацiямъ когда отроковицы
Приходятъ ради жертвъ во храмъ любви царицы,
Въ лазоревыхъ вѣнкахъ богинѣ пѣснь поютъ,
И больше прелестей заразамъ придаютъ.
О! что бы ни было, вѣщаетъ жрецъ суровый,
Ни Вѣры новыя, ни Богъ не страшенъ новый;
Какими средствами Царя ни уловлю,
На твердыхъ власть мою столпахъ постановлю.
Такъ подлая душа всегда развратно мыслитъ,
Коль благо общее во собственности числитъ.
Нещастный! онъ сего предчувствовать не могъ,
Что къ пущей пагубѣ любви послужитъ богъ.
И тако онъ вѣщалъ коварному Зломиру:
Не медли угодить гремящему кумиру,
Въ чертоги Царскiе, почтенный мужъ, теки,
Владимира во храмъ богининъ привлеки.
Зломиръ, носящiй ядъ во сердцѣ развращенномъ,
Приближился къ Царю во облакѣ сгущенномъ.
Сокрытъ, но явенъ весь наукою своей,
Нашелъ Владимира вздремавшимъ чародѣй;
Имѣя полный умъ чудесностью небесной,
Лежалъ на дернахъ Князь во мрачности древесной.
Тамъ царство приняла святая тишина:
Сiянiе свое простерла вкругъ луна;
По желтому песку рѣка вблизи текуща,
Казалася струи въ молчанiи влекуща;
При стройномъ въ высотѣ движенiи небесъ
Спокоенъ воздухъ былъ, не колебался лѣсъ;
Играло по струямъ сребристое сiянье,
Являя чистыхъ звѣздъ безмолвно трепетанье,
И наводило сонъ колеблемыхъ на ней
Движенье на водѣ вздремавшихъ лебедей;
Простерла нощь кругомъ прозрачно покрывало,

И все со Княжеской душей согласовало.
Зломирѣ на спящаго суровый взорѣ возвелѣ,
И вѣ тихомѣ сердцѣ страхѣ и трепетѣ произвелѣ.
Такѣ ангелѣ тмы вѣ раю жену встревожилѣ спящу,
Супруга нѣжнаго вѣ обѣятіяхѣ лежащу.
Тогда, извлекши мракѣ и силы изѣ луны,
Зломирѣ сложилѣ изѣ нихѣ мечтанія и сны;
Призраки дивные дхновеніемѣ составилѣ;
Россію страждущу Владимиру представилѣ;
Мечтается ему полночная страна
Во узы ввержена, злодѣйствами полна,
Текущій кровью Днѣпрѣ, пылающіе грады.
Среди злощастій сихѣ кумирѣ явился Лады,
И такѣ вѣщалѣ Царю: Когда вѣ мой внидешь храмѣ
И жертвы принесешь, мнѣ тучны жертвы тамѣ,
Не только что твоя страна отѣ зла спасется,
Но щедрость вѣ ней моя рѣками проліется.
Зломирѣ, окончивѣ сны, на Князя вѣ злобѣ дхнулѣ;
Кѣ нему простерся мракѣ; Владимирѣ воспрянулѣ.
Казалось, вдругѣ струи рѣчныя пробудились,
Нахмурились онѣ и движимы явились;
Уже сквозь древеса блистаетѣ солнца ликѣ,
Шумѣ слышится кругомѣ и лебединый крикѣ;
Владимирѣ страшное напомнивѣ сновидѣнье,
Конечнымѣ воображалѣ Отечества паденье.
Отѣ подданныхѣ любимѣ, онѣ подданныхѣ любилѣ;
Вѣ болѣзненномѣ тогда страданьѣ возопилѣ:
Тотѣ подданныхѣ врагомѣ и недругомѣ явится,
Кто можетѣ ихѣ спасти, но ихѣ спасать не тщится!
Чегобѣ ни стоило, Отечество спасу:
Я вниду вѣ Ладинѣ храмѣ и жертвы принесу.
Вѣ сихѣ мысляхѣ шествуетѣ вѣ теремные чертоги,

Гдѣ бурю новую приготовляютъ боги.
Остановляетъ все Владимира въ сей часъ;
Онъ внемлетъ въ высотѣ гремящій нѣкій гласъ:
Постой! въ чертоги, Князь, не шествуй! гласъ вѣщаетъ.
Нощь, кажется, предъ нимъ вторично тму сгущаетъ.
Но всѣ препятствія привыкшій побѣждать,
Владимиръ не хотѣлъ спокойства сердцу дать.
Опасность страхъ другимъ во смутнубъ мысль вложила;
Его итти на страхъ опасность воружила.
Зломиръ, прельстить Царя усердіемъ разженъ,
Орудіемъ своимъ устроилъ Царскихъ женъ;
Ихъ души возмутилъ мучительными снами,
Волшебствомъ дѣйствуетъ и дѣйствуетъ женами.
Едва увидѣли сквозь блѣдну Князя тму,
Текутъ, какъ птицъ стада, онѣ въ слезахъ къ нему.
Простерши на него любови полны взгляды,
О Царь нашъ! вопіютъ, не презри нынѣ Лады;
Намъ обще всѣмъ въ нощи изобразили сны,
Что въ ней спасеніе твое и всей страны! . . .
Владимиръ, слезы ихъ пріемля въ убѣжденье,
Видѣній ощутилъ печальныхъ подтвержденье.
Я вниду въ Ладинъ храмъ, со стономъ отвѣчалъ;
Но много тѣмъ изрекъ, хотя и замолчалъ.
Подобну бурямъ Царь тревогу ощущаетъ;
Ничто не веселитъ и все его смущаетъ;
Бѣжитъ отъ женъ, но ихъ вдали внимаетъ гласъ.
Колеблемой ладьѣ онъ сходенъ былъ въ сей часъ,
Которую валы отвсюду окружаютъ,
То гонятъ къ берегамъ, то въ морѣ погружаютъ:
Явленья дивнаго не позабылъ въ ночи.

Но солнце будто бы, лiющее лучи,
Въ полуденны часы поверхность камня грѣетъ,
Сокроетъ солнце лучь, и камень охладѣетъ:
Такъ сердце Царское теряло теплоту,
Котору ощутилъ къ небесному кресту.
Невѣрiе къ нему свое простерши жало,
Превратно вещи всѣ Царю изображало;
Любовь разсыпала предъ нимъ свои цвѣты,
И женски врѣзала въ разсудокъ красоты;
Всѣ мiра прелести, всѣ пагубныя страсти
Старались удержать Царя въ тиранской власти;
Трубила передъ нимъ въ звучащiй слава рогъ,
Внушая въ слухъ ему: ты самъ, Владимиръ, Богъ!
Тогда велѣлъ вести въ божницу тучны жертвы.
Имѣющее жизнь прiемлютъ боги мертвы:
Сто агнцевъ и телицъ единолѣтныхъ сто;
Жрецы побѣдою своею ставятъ то.
Уже сокрылась нощь въ неизмѣримы бездны,
За нею какъ стада текутъ свѣтила звѣзды;
Зломиръ, питающiй змiиный ядъ и гнѣвъ,
Въ вертепъ скрывается вздремать среди змiевъ.
Въ роскошномъ жрецъ одрѣ сомкнулъ попускалы очи;
Во снѣ его душа была чернѣе ночи;
Воображенiемъ неистовымъ разженъ,
Онъ видитъ Ладинъ храмъ и красныхъ видитъ жен.
Развратныя души изчадiя и дѣйства,
Мечтаются ему великiя злодѣйства;
Устами движетъ онъ и изчисляетъ ихъ;
Уснуло зло на часъ во мракѣ мыслей злыхъ.
Но жребiй знающи Владимировъ Святыя,
Въ зерцалѣ мiра зрятъ судьбу твою, Россiя!
Когда страну сiю Духъ Божiй осѣнитъ,
На небѣ тайну ту ковчегъ златый хранитъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Уже роскошное настало торжество,
Когда красуется любови божество.
Отверзтѣ кумирный храмѣ сластолюбивой Лады,
И движутся къ Днѣпру сосѣдственные грады.
Позорной радостью волнуемый народъ,
По стогнамъ разлился, какъ сонмы бурныхъ водъ.
Казались скачущи на основаньяхъ горы,
Долины злачныя веселы мещутъ взоры;
Зелены вѣтвія богинѣ шлютъ лѣса,
Луга свои цвѣты, сіянье небеса;
Шумящій Днѣпръ въ брегахъ народну радость внемлетъ,
Вѣнчанну тростникомъ главу свою подъемлетъ;
Очами вкругъ обтекъ окрестности свои,
И въ бѣгѣ обуздалъ гремящіе ручьи;
Уставилъ, какъ стекло, въ брегахъ прозрачну воду,
И въ даръ ее принесъ богинѣ и народу.
О солнце! на брега взирая съ высоты,
Съ потоками Днѣпра лучи сліяло ты;
Живительный свой жаръ во влагѣ погрузило,
И таинство любви чрезъ то изобразило.
Украшенъ какъ женихъ цвѣтами зрится градъ,
И превращается въ прекрасный вертоградъ.
Храмъ Ладинъ, пестрыми гордящійся столпами,
Сплетенными изъ розъ обвѣшенъ вкругъ цѣпями.
Богиня, отрока держащая въ рукѣ,
Являлась въ бисерахъ и въ миртовомъ вѣнкѣ;
У ней распущены власы, подобны злату;
За благости ея цвѣты приносятъ въ плату.
Ликуетъ Ладинъ храмъ носящая гора,
Но лики сихъ торжествъ единая кора,
Едино угліе, поверхностью горяще,
Являющее свѣтъ, но тму внутри хранящe.

То мыслей слѣпота, угодная жрецамъ,
Дающа роскоши въ возмездіе сердцамъ.
О Музы! для чего, поющу пѣснь духовну,
Въ сію священну пѣснь мнѣ пѣснь вносить любовну?
Не превращайте вы въ свирѣль трубу мою;
Велите вы, — и что велите, я пою.
Краснѣе утренней зари отроковицы
Несутъ уже цвѣты во храмъ любви царицы;
Преобращается помостъ въ прекрасный лугъ,
И дѣвы юныя кумира стали вкругъ.
Сіянье чистыхъ звѣздъ онѣ изображаютъ,
Которыя луну блестящу окружаютъ;
Взираніе на нихъ веселіе и грѣхъ.
Едина между ихъ сіяетъ паче всѣхъ:
На лицахъ прелести у многихъ раздѣленны,
Лица ея въ чертахъ горятъ совокупленны;
Какъ будто лилія среди простыхъ цвѣтовъ
Сребристыхъ бѣлизной красуется листовъ.
Рожденная во тмѣ языческа закона,
То жрицына была младая дочь Версона.
Пріятности у ней и кротость на челѣ,
И розы на щекахъ родятся при хвалѣ;
Въ глазахъ имѣла тронъ пріятная стыдливость,
Но крылася въ душѣ почтенна горделивость.
Ей первой жребіемъ готовился вѣнецъ,
Который на дѣвицъ взлагаетъ Князь и жрецъ.
Веселость у другихъ въ лицѣ изображенна,
Но цѣломудріемъ Версона окруженна.
Жалѣютъ матери при блескѣ качествъ сихъ,
Что дщерей у себя имѣютъ не такихъ;
Супруги, что супругъ толь красныхъ не имѣютъ;
Что ей подобной нѣтъ, всѣ юноши жалѣютъ:
Зефиры дующи въ распущенны власы
Являютъ на грудяхъ лилейныя красы.

Ненасытимые всего народа взгляды
Отъемлютъ жадный взоръ отъ сластолюбной
Лады;
Версона зрѣніе народа привлекла,
Душей и божествомъ соборища была.
Пламида красота ни чья не уязвляетъ,
Онъ въ мысляхъ тайный ковъ дѣвицамъ состав-
ляетъ;
Приходитъ пасмуренъ передъ богининъ тронъ.
Не пламенну любовь питаетъ въ сердцѣ онъ,
Питаетъ ненависть. . . . Во смутномъ умиленьѣ
Богинѣ возвѣстилъ Перуново велѣнье:
О ты, всесильная богиня! вопіетъ,
Тебя трепещетъ весь, тебя и славитъ свѣтъ;
Неограниченна коль въ силахъ ты неложно,
Яви намъ чудо днесь, явить какое можно;
Боговъ Царю твое вниманіе яви:
Владимира стрѣлой любови уязви.
Въ то время, какъ заря, является у трона,
Очамъ Пламидовымъ прекрасная Версона;
Онъ мещетъ взоры къ ней какъ хищный къ
агнцу волкъ;
Кипящій злобой духъ и въ немъ на часъ умолкъ:
Ея пріятности Пламида поражаютъ;
Но поразивъ его, въ немъ козни умножаютъ,
Которы какъ зміевъ въ груди своей питалъ:
Онъ жертвою своей Версону почиталъ;
Идетъ, и тучи стрѣлъ коварства испущаетъ;
Онъ жрицѣ, матери Версониной, вѣщаетъ:
Въ благополучный день рожденна дщерь твоя;
Спасетъ боговъ и насъ красавица сія.
Тогда, повѣдавъ ей Перуново велѣнье,
Повѣдалъ Княжіе кумировъ отступленье;
Онъ страхомъ душу въ ней, какъ волны, воз-
мутилъ;
Отдай богинѣ дщерь на жертву, говорилъ.

О развращенія непросвѣщенной вѣры,
Гдѣ нѣтъ страстямъ границъ, повиновенью мѣры!
И жалость внутренну и стыдъ отвергнувъ прочь,
На жертву роскошамъ готовитъ матерь дочь.
Не видя вкругъ себя Версона тучь громовыхъ,
Ни молній, поразить невинную готовыхъ,
Спокойна въ сонмищѣ, какъ тихій день, была;
Не молкнетъ вкругъ нее народная хвала.
Она прозрачное спустила покрывало,
Которо тысящи заразъ ей придавало;
Казалось, небомъ то закрылось божество.
Умолкъ народный плескъ, пресѣклось торжество:
Незапно шумъ возсталъ при звукѣ трубъ гремящихъ,
Ко храму шествіе Владимира гласящихъ.
Какъ тучи разогнавъ, являетъ солнце свѣтъ,
Съ такимъ величествомъ Владиміръ въ храмъ грядетъ.
Явились ратники, оружія носящи,
При солнечныхъ лучахъ какъ молніи блестящи;
Ихъ шлемовъ чистота, щитовъ великихъ сталь,
Въ обширной площади огни бросаетъ вдаль;
Доспѣхи воинства подобятся зарницѣ:
Межъ ими шествуетъ Владиміръ въ колесницѣ;
Латонинъ будто сынъ, источникъ свѣтлыхъ дней,
Четырехъ онъ имѣлъ впряженными коней,
Которы бѣлизной подобны снѣгу были.
Версону зрители на время позабыли;
Вниманье ихъ привлекъ ихъ Князь въ златомъ вѣнцѣ,
Лѣпообразное являющій лице.

Простерлась тишина, движеніе престало,
Единое кругомъ величество блистало.
Великолѣпія адъ придалъ торжеству;
Всегда онъ хочетъ быть подобенъ Божеству:
Кумирный храмъ своимъ сіяньемъ окружаетъ,
И въ немъ величество небесъ изображаетъ.
Степеней седмь и седмь вкругъ идола столповъ
Казали пагубныхъ число и видъ грѣховъ;
Изчадія сіи тѣлесныхъ вожделѣній
Стоятъ имъ свойственныхъ въ лицѣ изображеній.
Имѣя видъ жены и нѣкій лестный взглядъ,
Подноситъ сладостный въ сосудѣ Роскошь ядъ;
Безстыдство тамъ въ вѣнцѣ, Веселіе въ порфирѣ,
Соблазнъ перстами бьетъ по многострунной лирѣ;
Желанье вьетъ вѣнки, подъемлясь на крылахъ,
И Пресыщенье спитъ на маковыхъ цвѣтахъ;
Являетъ Прелесть входъ въ развратную божницу:
Владимиръ обожалъ любовныхъ дѣлъ царицу;
Приноситъ жертвы ей, рука его дрожитъ,
Сомнѣніе какъ тма въ груди его лежитъ;
Богиню славитъ онъ, но помнитъ и явленье,
Страшится ей нанесть и Небу оскорбленье.
Пламидъ, сихъ помысловъ проникнувъ существо,
Даетъ рукою знакъ начати торжество.
Дѣвицы, окруживъ кумира въ стройномъ чинѣ,
Со умиленіемъ воспѣли пѣснь богинѣ:
О, нашей юности хранящая цвѣты!
Дай, Ладо, мирное супружество намъ ты!
Мастики передъ ней какъ облакъ воскурили,
И имя Ладино стократно повторили.
Въ то время возгремѣлъ кимваловъ громкихъ звукъ;

Дѣвицы жертвенны, составивъ цѣпь изъ рукъ,
Когда произвела пріятный голосъ лира,
Плясанье начали при пѣсняхъ вкругъ кумира.
Приходятъ предъ олтарь и жрицы и жрецы,
Носящи для дѣвицъ богинины вѣнцы,
Которыхъ на главы священно возложенье
Обязанъ Князь чинить любви во уваженье.
Владимиръ оросилъ, начавъ обрядъ такой,
И руки и чело священною водой.
И се къ подножію блистательнаго трона
Предстала первая прекрасная Версона.
Владимиръ на нее едва, едва возрѣлъ,
Пронзила грудь его любовь быстрые стрѣлъ;
Живое божество ему изобразилось,
Смутились мысли всѣ и сердце воспламенилось;
Теряютъ передъ нимъ пріятности цвѣты,
Темнѣютъ небеса и солнца красоты.
Сынъ Ладинъ въ воздухѣ взвивается крылами,
И напрягаетъ лукъ пернатыми стрѣлами:
Единою успѣлъ Владимира пронзить,
Другою думаетъ Версону поразить.
Какъ лучь въ водѣ, одна во Князѣ погрузилась,
Другая какъ перо по воздуху носилась,
Во грудь Версонину проникнуть не могла:
Уже иная страсть сей гордый духъ зажгла.
Клянется Ладинъ сынъ отмстить пренебреженье.
Пламидъ, сердечное примѣтливый возженье,
Какъ будто движимый небеснымъ духомъ онъ,
Являя важный видъ, выходитъ передъ тронъ,
Вѣнчай, сію вѣнчай! Владимиру вѣщаетъ,
Богиня нѣжностямъ Версону посвящаетъ;
Для блага общаго, по щастливой судьбѣ,
Сія красавица назначена тебѣ.
Пылаетъ радостью во Князѣ кровь горяща.
Версона возстаетъ смутна, блѣдна, дрожаща.

О старче! вопіетъ, какой во свѣтѣ богъ
Любовь предписывать сердцамъ неволей могъ?
Твое пророчество и благо и судьбина
Есть низость рабская и Князю лесть едина;
Въ устахъ ли пастырей обманамъ должно быть?
Свирѣпый жрецъ велѣлъ трубами вострубить,
И вопли заглушить Версоны гордой чаялъ.
Владимиръ нѣжностью, желаньемъ, страстью таялъ;
Великій Царь тогда сталъ малый человѣкъ.
Въ его объятія Версону жрецъ повлекъ;
Но жертвенникъ она руками ухватила,
И будто бы на казнь влекома, возопила:
Когда могущества есть искра у тебя,
Спаси меня, спаси, и тѣмъ прославь себя!
Богиня! отврати жестокую судьбину!
Но, ахъ! безсильна ты, молю я тѣнь едину....
Едва сіи слова Версона изрекла,
Жрецы со гнѣвомъ къ ней и матерь притекла:
Какія ты хулы глаголешь? возопили,
И жертвенны ножи къ Версонѣ устремили.
Иди ко Князю ты, иди сей часъ! рекутъ,
Иль крови здѣсь твоей потоки потекутъ.
Какъ агница главу Версона преклонила,
И смерти у жрецовъ стенящая молила:
Разите! воздохнувъ, разите! вопіетъ.
Незапно велій шумъ въ народѣ возстаетъ.
Стѣсненный сонмъ людей какъ волны раздвигаетъ,
Прекрасный юноша въ богининъ храмъ вбѣгаетъ;
На крыльяхъ, зрѣлося, къ Версонѣ онъ летѣлъ,
Горящіе глаза, видъ огненный имѣлъ;
Познайте! возопилъ, познайте Законеста;
Я вашимъ врагъ богамъ! она моя невѣста!
Я Князю рабское усердіе явлю:
Отдамъ я все ему, ее не уступлю!

При сихъ словахъ они сплелись какъ лозы оба.
Воспламеняется въ жрецахъ кипяща злоба,
И въ пламенныхъ чертахъ видна на лицахъ ихъ:
Да гибнутъ, вопіютъ, невѣста и женихъ!
Да гибнутъ! Ладинъ храмъ навѣки опозоренъ.
О Князь! яви теперь, что ты богамъ покоренъ:
Вели ихъ кровь пролить! . . . Внимая страшну рѣчь,
Владимиръ повелѣлъ чету сію развлечь.
Громовый сей ударъ они, блѣднѣя, внемлютъ,
Колѣни Княжески, рыдаючи, обьемлютъ.
Коль должно подданныхъ казнить за ихъ любовь,
Вѣщаетъ Законестъ, пролей ты нашу кровь!
Передъ безчувственнымъ ты будешь правъ кумиромъ,
А насъ на небеса отправишь вкупѣ съ миромъ:
Я Христіянинъ есмь! . . . Пламидъ вострепеталъ;
Нѣтъ, нѣтъ! такая казнь сладка для нихъ! вскричалъ;
Сего льстеца и страсть Версона позабудетъ,
А онъ гремящему пріятной жертвой будетъ;
Пускай невѣрную его прельщаетъ тѣнь:
Умретъ во храмѣ онъ отнынѣ въ третій день.
Какая тма тебя, Владимиръ! вкругъ одѣла?
Не ужаснулся ты толь варварскаго дѣла!
Ты собственну корысть въ безвинной смерти зрѣлъ,
И сихъ любовниковъ расторгнуть повелѣлъ.
Ихъ пламенны сердца другъ къ другу прилѣпленны,
Ихъ очи во слезахъ другъ къ другу устремленны,
Къ трепещущимъ грудямъ у нихъ прибѣгла кровь;
За нихъ вступается священная любовь.
Но страсть язычникамъ такая не понятна,
Не жалостенъ ихъ вопль, ни прозьба ихъ невнятна;

Надѣются Царя слезами умилить;
Ничѣмъ жрецовъ, ничѣмъ не могутъ умолить.
Клевреты Княжески, какъ боги ихъ, суровы,
Ввергаютъ юношу въ звучащія оковы:
Какое зрѣлище возлюбленной его!
Какая за любовь награда для него!
Версона, крайностью печали подкрѣплена,
Бѣжитъ, кидается, стенящa, изумленна:
Куда его, куда влечете? вопіетъ;
О! естьли за меня женихъ мой кровь прольетъ!
Почто не льете вы мою за Законеста?
Равно виновны мы: я есмь его невѣста!
За почитаніе коль гибнетъ онъ креста,
Почто не гибну я? Я чту, какъ онъ, Христа!
Принять Его законъ я клятвой обязалась.
Въ то время молнія на востокѣ показалась,
И нѣкій слышался въ горахъ песчаныхъ шумъ;
Но подвизаемый Пламидовъ въ мести умъ
Сего явленія еще не уважаетъ;
Не чувствуетъ сей врагъ, что Небо раздражаетъ;
Съ Версониной главы вѣнецъ лазурный рветъ:
О дщерь трекляная! во гнѣвѣ вопіетъ,
Воззри на мать свою безчувственну лежащу,
Почувствуй громъ небесъ и землю вкругъ дрожащу;
Но смерти я тебѣ нещастной не хощу,
И чаю, что тебя богинѣ возвращу;
Пребудь со жрицею во храмѣ затворенна,
Доколѣ ты богамъ явишься покоренна;
Да удалится врагъ отъ сихъ священныхъ мѣстъ!
Лишились памяти съ Версоной Законестъ;
Казалось, смертныя обоихъ кроютъ тѣни,
Упали ихъ главы, упали ихъ колѣни.
Цвѣтамъ подобилась ихъ младость и краса,
Которы острая подрѣзала коса.
При общей жалости народа развлеченны,

Въ различныя они темницы заключенны,
Но души пламенны соединились ихъ;
Любовнымъ нѣтъ препонъ вздыханьямъ никакихъ:
Темница ихъ въ себѣ, ни цѣпь не заключаетъ.
Версону матери подъ стражу жрецъ вручаетъ,
Велитъ во внутренній сокрыть богининъ храмъ;
Онъ чаялъ убѣдить къ любви Версону самъ.
Но Князь ли Кіевскій надежду всю погубитъ?
Кто могъ раба любить, владѣтеля возлюбитъ;
Угаснутъ страсти всѣ, сіяетъ гдѣ вѣнецъ.
Къ надеждѣ путь покрылъ цвѣтами тако жрецъ,
И Князя упоивъ пріятною отравой,
Ласкался увѣнчать свое коварство славой.
Владимиръ, мрачною любовью ослѣпленъ,
Какъ грозный левъ сѣтьми являлся уловленъ;
Не видно на его челѣ самодержавства:
Онъ сталъ рабомъ страстей и узникомъ лукавства,
Въ оковахъ будучи позорна божества,
Не могъ развратнаго докончить торжества.
Какъ храбрый въ брани мужъ съ кровопролитна бою,
Стрѣлою раненый, идетъ въ груди съ стрѣлою,
Погасли вкругъ его блистательны лучи,
Задумчивъ шествуетъ, какъ мрачна тѣнь въ ночи;
Его объемлетъ вкругъ печали облакъ темный,
Стеная онъ вступилъ во Княжій домъ теремный;
Далеко слѣдуютъ рабы его за нимъ;
Едина страсть при немъ, владѣющая имъ:
Ни восклицаній нѣтъ, ни трубъ гремящихъ звука;
Встрѣчаетъ Князя тамъ нахмуренная скука,
И бросивъ на него томленья полный взглядъ,
По всей душѣ его простерла черный ядъ.

Любови пламенной почувствуя побѣду,
Вступаетъ самъ съ собой во смутную бесѣду;
Владимиръ! Князь ли ты? Не Князь, ты подлый рабъ!
На тронѣ силенъ ты, но въ духѣ малъ и слабъ!
Мнѣль властвовать людьми?... собою не умѣю!
Пять женъ и тысящи наложницъ я имѣю,
Но жажду сладости любовныя еще;
Владѣтелемъ земнымъ я славлюся вотще,
Я только бѣдный есмь невольникъ подлой страсти;
Полночный Государь у слабыхъ женъ во власти.
Какой на тронѣ я рабамъ даю урокъ?
Что слабость въ подданномъ, то въ Князѣ есть порокъ!
Вѣщалъ сіи слова, разящій грудь рукою,
И слезы потекли изъ глазъ его рѣкою. . .
Уже склоняется къ часамъ вечернимъ день,
Предстала вдругъ Царю трепещущая тѣнь;
Идущая къ нему, томилася, стенала:
О мой любезный братъ! она возопіяла,
Иль братъ твой Ярополкъ тобою сталъ забвенъ,
Который былъ твоей рукою убіенъ?
Увы! не ввергся я еще въ упробу ада;
Во градѣ странствую, я странствую внѣ града.
Прощаю я тебя; но Богъ убійцамъ мститъ!
Проси ты Господа, да Онъ тебя проститъ.
Довольно ты грѣшилъ отъ слабостей любовныхъ,
Ты грады разорялъ и смерти предалъ кровныхъ;
Не повергай души злодѣйства въ новый мракъ...
Окровавленна тѣнь скрываетъ томный зракъ.
Владимиръ съ трепетомъ течетъ ко братней тѣни;
Но слыша гласъ единъ, повергся на колѣни:
О братъ, любезный братъ! рыдая, возопилъ,
Меня и Богъ проститъ, коль ты меня простилъ.

Владимиръ приложилъ къ дрожащимъ персямъ руку,
То мѣсто указавъ, гдѣ чувствуетъ онъ муку;
Онъ ужасъ во груди и трепетъ ощущалъ,
И бросивъ къ небу взоръ, Творцу міровъ вѣщалъ:
Не знаю, кто Ты есь и гдѣ Ты пребываешь;
Но знаю, что меня къ Себѣ Ты призываешь!
Увы! но можетъ ли мнѣ въ грудь проникнуть Богъ?
Се гордости сосудъ! се роскошей чертогъ!
Я вопля совѣсти въ моей душѣ внимаю,
Но увѣщанія сего не понимаю,
И пресмыкаюся какъ червь грѣховъ въ пыли. . . .
Тогда рыдающій приникъ къ лицу земли;
Его раскаянья до горнихъ досязаютъ,
Сквозь радужны цвѣты небесный сводъ пронзаютъ,
У прага вѣчности склонивъ чело стоятъ,
Не смѣютъ тронуться, вздыхаютъ и молчатъ;
Священнымъ ужасомъ казались пораженны,
Ліющи токи слезъ, надежды отчужденны;
Ихъ взоры томные, дрожащій, скорбный гласъ,
Какъ свѣтъ во тмѣ мелькалъ, какъ огнь лампадный гасъ.
Престолу Божію Архангелъ предстоящій,
Златую во десной кадильницу держащій,
Раскаянья почтивъ благоуханьемъ, рекъ:
О Творче! кается на свѣтѣ человѣкъ,
И стонъ услышался въ Ерусалимѣ новомъ.
Тогда явился Богъ, сдѣянъ вѣчнымъ Словомъ;
Связующую міръ рукою цѣпь держалъ,
И десять вкругъ Его сіяло тѣхъ началъ,
Изъ коихъ создана великая вселенна;
Нетлѣнна сила ихъ и сущность ихъ нетлѣнна;
Пять ранъ Мессіиныхъ раждаютъ въ небѣ свѣтъ,
Изъ оныхъ жизнь на всю вселенную течетъ.

Небесны жители, вкусивъ сіе сіянье,
Старались удержать въ груди свое дыханье;
Дрожащій перстъ они взложили на уста,
Единымъ ухомъ быть казались всѣ мѣста.
Все тамо умолчитъ, все тихо, недвижимо,
Гдѣ Слово Божіе и слышимо и зримо.
Сіяй, глаголетъ Богъ, въ странѣ полночной свѣтъ!
И сѣверъ зрится весь сіяніемъ одѣтъ;
Владимиръ адскую обуздываетъ силу,
Уподобляется небесному свѣтилу;
Его обьемлетъ тма, онъ паки гонитъ тму.
Се жребій, рекъ Господь, назначенный ему....
Адъ мрачный воздохнулъ, слова сіи внимая,
Но хоръ, веселый хоръ былъ слышенъ въ сердцѣ рая.

Но книгу таинства разгнувъ Мессія, рекъ:
Сего спасенья часъ еще, еще далекъ;
Новарствомъ вижу я успѣхи претекновенны,
И дни грядущи тмой, какъ тучей, покровенны.
Вѣщалъ еще, чего постичь не можетъ умъ,
И скрылся. ... Въ небесахъ возсталъ веселый шумъ.

Тогда молва гласитъ гремящею трубой,
Что видитъ трехъ мужей подъ градскою стѣной,
Грядущихъ ко Царю мужей иноплеменныхъ,
Въ Россію вѣры ихъ возставить устремленныхъ;
Шумящая молва наноситъ страхъ жрецамъ;
Но любопытства духъ простерла по сердцамъ.
Князь міра, внемлющій молвы глаголы, страждетъ;
Но вѣрамъ новымъ внять Владимиръ сердцемъ жаждетъ.
Вся твердь наполнилась небесныя музыки,
Побѣдну пѣли пѣснь духовъ безплотны лики.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Скажи мнѣ, древностей вѣщательница, Муза,
Кто были жаждущи съ Владимиромъ союза?
Въ надменныя сердца вселяетъ ревность тронъ,
Ревнуетъ щастіе, ревнуетъ и законъ;
Сія геенска страсть какъ бурный вѣтеръ вѣетъ,
И злыя сѣмяна въ подлунномъ мірѣ сѣетъ.
Громъ славы пастыря вниманье возбудилъ,
Который гордый тронъ на Тибрѣ утвердилъ;
Отвергнувъ рубища, порфирою облекся,
И стража райскаго намѣстникомъ нарекся;
Умыслилъ многія посольства предварить,
И сѣверъ весь жезлу, какъ западъ, покорить.
Ко уловленію смущенныхъ мыслей Царскихъ,
Пришли посланники Израильтянъ Козарскихъ.
Господь своей рукой издревле сей народъ
Какъ по суху провелъ пучиной Чермныхъ водъ;
Отъ Фараонскія работы ихъ избавилъ,
Столпъ огненный въ нощи въ пущи предтечей ставилъ;
Онъ манну сладкую имъ съ неба посылалъ,
Трапезу имъ въ степи, изъ камня воду далъ;
Но родъ Израильскій, сей родъ неблагодарный,
Во внутренности душъ обманчивый, коварный,
Гласъ Божій пренебрегъ изъ устъ Пророковъ ихъ,
Внимая книжниковъ ученію своихъ,
Позорно на крестѣ дерзнулъ распнуть Мессію:
Сей родъ отверженный свой мракъ принесъ въ Россію;
Онъ чаялъ весь народъ словами ослѣпить,
Не дружество его, корысть одну купить.
Потомъ явилися, которы въ ихъ обманѣ
Ни Христіяне суть, ни есть Израильтяне,
Во сластолюбіе поверженный народъ,
Отъ дщерей Лотовыхъ производящій родъ,

Который, сладостьми прельщенный здѣшня
свѣта,
Сомкнувъ глаза, идетъ слѣдами Магомета;
Плотоугодія пристрастные рабы,
О роскошахъ своихъ творятъ они мольбы;
Во Князѣ знающи пристрастное впаденье
Во сластолюбное любови вожделѣнье,
Успѣхомъ своего посольства души льстятъ,
Вожди правленія принять они хотятъ.
Владимиръ, чувствуя въ душѣ его живущу
И силу Божества и совѣсть вопіющу,
И сердца внемля гласъ и разума совѣтъ,
Что идолы не есть ни Богъ, ни Божій свѣтъ;
Что раболѣпное кумирамъ поклоненье
И человѣчеству и Богу оскорбленье;
Что, подданныхъ своихъ вовлекши въ темноту,
Онъ Богу дастъ отвѣтъ за общу слѣпоту:
Кумиро-жертвенну возчувствовалъ химеру,
И въ мысляхъ положилъ избрать иную вѣру.
Подобно въ воздухѣ когда орелъ паритъ,
Не на земный онъ шаръ, на солнце прямо зритъ:
Имѣя въ памяти явленье и Версону,
Всѣ мысли Князь простеръ къ небесному закону,
И вѣру лучшую изъ многихъ вѣръ избрать,
Велѣлъ посланниковъ въ теремный дворъ со-
брать.
Но проповѣданій глаголъ какъ злакъ увянетъ,
Когда содѣйствовать Господь ему не станетъ.
Гдѣ Князь среди вельможъ во время тор-
жества
Въ идоложертвенны вдавался пиршества,
Въ огромной храминѣ, гдѣ стѣны позлащенны,
Посланники кругомъ престола помѣщенны;
Самохотѣнія народу не явить,
Вельможамъ Князь велѣлъ въ совѣтѣ общемъ
быть.

Жрецы изъ сонмища едины изключенны;
Они намѣренья и тѣнью огорченны.
На козни сихъ враговъ Владимиръ не взиралъ,
И хитрость ихъ сердецъ и ропотъ презиралъ.
Такъ солнце безъ препонъ свой дневный путь свершаетъ,
Ни громъ, ни вѣтръ ему въ теченьѣ не мѣшаетъ,
Свершая гордое теченіе свое,
Даетъ твореніямъ и свѣтъ и бытіе.
Уваживъ собственнымъ присутствіемъ собранье,
Владимиръ общее привлекъ къ себѣ вниманье.
Какъ видимъ солнце мы сквозь тонки облака,
Такъ истину онъ зрѣлъ еще издалека.
Въ душѣ онъ ощущалъ возженіе святое;
Не зналъ небеснаго, но презиралъ земное;
Онъ зрѣлъ, что выше всѣхъ твореній человѣкъ,
И тако подданнымъ, сѣдящъ на тронѣ, рекъ:
О Россы! существо мы наше унижаемъ;
Помыслимъ съ важностью, кого мы обожаемъ!
Не возводя умовъ ко свѣтлымъ небесамъ,
Мы злату молимся и тлѣннымъ древесамъ.
Коль есть во свѣтѣ Богъ, и есть Онъ несомнѣнно,
Колико для Него служенье наше тлѣнно!
Не мы кумирами въ сей міръ сотворены,
Но нами виды имъ и званія даны;
Я вѣрами моей души не ослѣпляю,
И преніе имѣть о лучшей дозволяю.
Дозволимъ присланнымъ ихъ вѣры объяснять;
Разсмотримъ наконецъ, которую принять.
Тогда великій шумъ возсталъ отъ предсѣдящихъ,
Подобный сонму водъ, межъ камнями кипящихъ.

Стремится каждый рѣчь изъ посланныхъ на-
чать,
И каждый на нее вельможа отвѣчать;
Но первый, въ буйностяхъ являя душу смѣлу,
Къ начаткамъ прѣнія Сарацинъ пускаетъ стрѣлу;
Утихло сонмище. Онъ къ трону приступилъ,
Внемлите мнѣ! какъ мѣдь звѣняща возопилъ;
Лице багровѣло, глаза его сверкали,
И двигались уста, какъ будто словъ искали;
Воздушный будто огнь, летающій во мглѣ,
Сверкала у него свирѣпость на челѣ.
Конечно, Государь! онъ рекъ, какъ будто въ
гнѣвѣ,
Безумно почитать Творца небесъ во древѣ,
Молиться тлѣнностямъ и камни величать;
Владимиръ! не хощу таиться и молчать:
Во дружествѣ съ тобой мы нужды не имѣемъ,
Великой частію мы Азіи владѣемъ;
Побѣды намъ твои, ни слава не страшна:
Сраженье пища намъ и сладость намъ война;
Но славу мы твою и храбрость возлюбили,
И нашимъ наградить закономъ разсудили.
Неоцѣненный даръ! прими его отъ насъ,
Внемли Божественный, не человѣчій, гласъ!
Даруемъ вѣчное и временное благо;
Жить въ сладкихъ роскошахъ, закона нѣтъ
инаго!
Когда ко прелестямъ твой духъ расположенъ,
Цвѣтущей красоты обрящешь въ небѣ женъ;
Когда ты царствуешь народомъ въ здѣшнемъ
мірѣ,
То будешь ты сіять средь Ангеловъ въ порфирѣ;
У насъ ни идоловъ, ни изваяній нѣтъ,
Межъ нами и Творцемъ посредникъ Магометъ;
Онъ вѣчность сладостнымъ елеемъ умащаетъ,
И только адскій намъ напитокъ запрещаетъ,

Сердца на малый часъ который веселитъ,
Но распаляетъ кровь и разумы темнитъ.
Цвѣтами такову усыпанну дорогу,
Владимиръ! избери и шествуй прямо къ Богу.
Коль искру чувствуешь вниманія въ себѣ,
Мы вѣры таинства повѣдаемъ тебѣ. . . .
Сію строптиву рѣчь давно прервать готовый,
Кифаръ, Пламидовъ другъ, мужъ гордый и суровый,
Кифаръ, котораго и сердцемъ и умомъ
Жрецъ первый обращалъ, какъ легкимъ вѣтръ перомъ:
Онъ зналъ, что къ мудрымъ онъ совѣтамъ не родился,
Но многихъ битвъ числомъ и ранами гордился;
Съ нахмуреннымъ челомъ возсталъ и гордо рекъ:
Но кто вашъ Магометъ? То Богъ, иль человѣкъ?
Сарацинъ отвѣтствовалъ, вопросомъ возмущенный:
Пророкъ нашъ человѣкъ, Всевышнимъ просвѣщенный.
Схвативъ рукой кинжалъ, симъ словомъ заключилъ:
Онъ вѣру защищать кинжаломъ насъ училъ!
Тогда Кифаръ сказалъ, кровавы бросивъ взоры:
Несите таковы къ младенцамъ разговоры!
Мы вѣдаемъ, что есть всемощный нѣгдѣ Богъ;
Но кто изъ смертныхъ съ Нимъ бесѣдовати могъ?
Не ищемъ къ небу мы сомнительной дороги;
Не человѣки здѣсь, почтенны древни боги,
Которы свойственныхъ студенымъ симъ странамъ
Напитковъ грѣющихъ не запрещаютъ намъ.
Мы нужды въ дружествѣ взаимномъ не имѣемъ:

Вы частью Азіи, мы сѣверомъ владѣемъ;
Союза вашего не ищемъ никогда;
Не мы пришли къ тебѣ, но ты пришелъ сюда.
И естьли хощешь ты искать прямаго свѣта,
Кумирамъ поклонись, отвергни Магомета. . . .
Сихъ словъ, досадныхъ словъ, посланникъ не стерпѣлъ,
Онъ гнѣвомъ внутреннимъ и лютостью кипѣлъ;
Зубами заскрыпѣвъ, кинжалъ извлекъ блестящій,
У препоясанья въ златыхъ ножнахъ висящіи,
И съ воплемъ бросился Кифара поразить:
Злословящу хотѣлъ гортань его пронзить;
Но предсѣдящіе Сращина окружили,
Смирили злость его и гордость низложили.
Дабы вниманью вѣръ еще не препинать,
Владимиръ повелѣлъ посланника изгнать.
Остервененъ потекъ Сращинъ, потекъ изъ града,
Какъ звѣрь безъ добычи отъ агничьяго стада.
Владимиръ повелѣлъ собранью умолчать,
Латинцамъ присланнымъ дозволилъ рѣчь начать.
И се, какъ пчелъ рои, Латинцы возшумѣли;
Они въ устахъ сопы, но въ сердцѣ ядъ имѣли.
Гдѣ кругъ сомкнулся ихъ, гнѣздилась хитрость тутъ,
Котору въ наши дни политикой зовутъ;
Она и пустошитъ и населяетъ грады.
О сладостный Пѣвецъ преславной Генріады!
Ты пламеннымъ перомъ изобразилъ ее,
И ей опредѣлилъ на Тибрѣ бытіе;
Живою кистію политику представилъ,
Ко подражанію мнѣ тѣнь одну оставилъ.
Сіе лукавыхъ душъ любезно божество
Пріемлетъ на себя и видъ и существо;
Во старца кроткаго свой образъ превращаетъ;
Въ лицѣ чиновника священнаго вѣщаетъ:

Твоя, о Князь! хвала по всей землѣ гремитъ,
Къ тебѣ усердіемъ край западный горитъ,
Востокъ ты обуздалъ геройскою рукою,
И Грековъ усмирилъ, лишавшихъ насъ покою;
Но вѣдай, чувствовать хоть ты сего не могъ,
Что нашъ содѣйствовалъ тебѣ во славѣ Богъ;
Въ Немъ крѣпость ты свою, въ Немъ мужество имѣешь,
Ты Имъ прославился, ты Имъ благоговѣешь;
Имъ сталъ ты знаменитъ, Имъ твой вѣнецъ цвѣтетъ:
Лишь православія тебѣ недостаетъ,
Сей вѣры, кая намъ отъ сотворенья свѣта
Пророками была вѣщаема и пѣта;
Который съ небеси на землю низходилъ,
Сынъ Божій истину народамъ подтвердилъ,
Запечатлѣлъ ее своей безцѣнной кровью,
Намъ райску дверь отверзъ, возженный къ намъ любовью.
Когда, о Государь! во тлѣнномъ мірѣ семъ
Не хощешь навсегда разрушиться совсѣмъ,
Раехранителя на тронѣ помѣщенный,
Всеобщій пастырь нашъ, отецъ первосвященный
Твой разумъ просвѣтитъ невѣрія въ ночи:
Златыя отъ небесъ имѣетъ онъ ключи;
Врата Эдемскія жезлу его врученны,
Но пастырства его нечтущимъ заключенны;
Святыя зиждетъ онъ предъ Богомъ олтари;
Къ стопамъ его лежатъ поверженны Цари;
Онъ жизнью временной и вѣчной управляетъ,
Приводитъ въ рай людей, во адъ низпосылаетъ,
И хощетъ, подвигъ твой и мужество любя,
Ко стаду своему причислить и тебя.
Еще бы онъ вѣщалъ, къ ласкательству удобный,
Но слышенъ гласъ, трубѣ въ сраженіяхъ подобный;

Какъ левъ проснувшійся Добрыня возстаетъ:
Отъ древнихъ онъ Князей въ Россіи родъ ведетъ;
Сей мужъ, къ Отечеству любовью знаменитый,
На жезлъ свой опершись, на жезлъ, сребромъ увитый,
Латинцамъ рекъ: Но Вамъ Россію покоря,
Поставимъ надъ Царемъ мы вышняго Царя.
Не тотъ Монархъ у насъ, кто небо намъ даруетъ,
Кто рай готовитъ намъ, но кто въ поляхъ воюетъ!
Намъ нужны на враговъ не райскіе ключи,
Намъ нуженъ бодрый духъ, копье, броня, мечи.
То станется, что мы обмануты закономъ;
Но передъ Царскимъ здѣсь о томъ не судимъ трономъ.
Когда мы странствуемъ въ сей жизни какъ слѣпцы,
За то отвѣтствуетъ не Царь нашъ, но жрецы.
Удобноль намъ, стремясь за вашимъ мнимымъ раемъ,
Тому рабами быть, котораго не знаемъ;
Чужіе въ капищахъ поставить олтари,
Царя забыть, избравъ священника въ Цари?
Узнавъ, что хитростью своей не успѣваетъ,
Коварный Римлянинъ на злато уповаетъ;
Богатствомъ думаетъ вельможей ослѣпить,
И ихъ согласіе сокровищемъ купить:
Но честность и въ сіи непросвѣщенны вѣки
Цѣнили всѣхъ вещей дороже человѣки.
Пошли Римляне вспять отъ важнаго труда,
Ни славы не стяжавъ, ни жатвы, ни плода.
Владимиръ, кротости подавъ примѣръ боярамъ,
Дозволилъ возвѣстить о вѣрѣ ихъ Козарамъ.

Какъ мутная вода ихъ движется соборъ,
И лесть потупила коварства полный взоръ;
Имѣя на свои ласкательства надежду,
Лукавство облеклось въ смиренную одежду;
Раскинувъ множество невидимыхъ сѣтей,
Преображается подобно какъ Протей:
Огнемъ оно горитъ, водою тихо льется,
Лобзаетъ агницей, змiей ползетъ и вьется;
Колеблемъ и движимъ дня въ каждые часы,
Неустановленны ихъ разумъ есть вѣсы.
Возсталъ единъ отъ нихъ, простерла хитрость тѣни,
Онъ рекъ, склонивъ чело и преклонивъ колѣни:
У насъ изъ древнихъ лѣтъ единъ извѣстенъ Богъ,
Вручивый намъ завѣтъ Его щедротъ въ залогъ;
Сей истины святой неложная ограда,
Что всѣ законы суть Израильскаго чада.
Единый нашего зовется явный тать,
Другой развратный сынъ, свою угрызшiй мать:
Похитили ихъ свѣтъ у насъ Магометане,
Питавшую ихъ грудь угрызли Христiяне;
Для постыжденья ихъ довольно намъ сего:
Они Мессiю чтутъ, мы распяли Его.

Владимиръ, оскорбленъ толикой клеветою,
Вступаетъ въ разговоръ съ Козаромъ самъ собою:
За что вы распяли Мессiю? вопросилъ;
Иль ваше божество Пророкъ сей поносилъ?
Внушалъ развратные законы Iудеямъ,
Ихъ совѣсть отравилъ и предалъ ихъ злодѣямъ? . . .
Тогда, потупивъ взоръ, Козаръ смущенный рекъ:
Намъ зла не сотворилъ сей мудрый Человѣкъ;
Но предками за то на крестну смерть повлекся,
Что нѣкогда Царемъ Израильскимъ нарекся.
Для важныхъ сихъ еще Онъ распятъ былъ причинъ,

Что Онъ сказать дерзнулъ, что есть Онъ Божій Сынъ;
А мы, ведущіе отъ Авраама племя,
То знаемъ, что Христу прійти еще не время:
Мы ждемъ Его съ небесъ, и чаемъ, что для насъ
Мессію возвѣститъ во громѣхъ Божій гласъ.
Сквозь кровы темные Владимиръ лесть ихъ видитъ.
Великая душа коварства ненавидитъ!
И тако рѣкъ: Когда Мессіѣ должно быть,
Могли во временахъ вы сами погрѣшить;
Но рцыте мнѣ теперь, гдѣ ваше Государство?
Гдѣ ваши грады суть? кому вручено Царство?
Явите намъ щедроты Господнихъ къ вамъ залогъ?
Увы! сказалъ пришлецъ, прогнѣванъ нами Богъ!
Грѣхами навлекли мы казни и напасти,
И наши области въ чужой донынѣ власти;
Но, мудрый Государь! внемли, сему внемли!
Отечество для насъ пространство всей земли;
Какъ праотецъ Адамъ, разставшись съ краснымъ раемъ,
Мы въ потѣ и трудахъ насущный хлѣбъ снѣдаемъ.
Владимиръ рекъ: А вы прельщаете и насъ!
Когда васъ Богъ отвергъ и нынѣ гонитъ васъ,
Убійствомъ вѣра есть у васъ запечатлѣнна,
И мѣста не даетъ вамъ цѣлая вселенна,
Идите прочь отъ насъ! не нуженъ вашъ законъ.
Вѣщалъ, и заключилъ сіе собранье онъ.
Какъ солнце гонитъ вдаль туманы влажнымъ лѣтомъ,
Такъ хитрость разогналъ Владимиръ симъ отвѣтомъ.
Участникъ Княжескихъ совѣтовъ Колосаръ,
Закоренѣлый въ тмѣ, подвигнутъ отъ бояръ,
Съ лукавой кротостью свой умыслъ производитъ,

Къ уединенному Владимиру приходитъ,
И тако рекъ ему: О пресловутый Князь!
Теперь открылась намъ чужихъ законовъ связь;
Они на вымыслахъ единыхъ утверждены,
Или по склонности народовъ учреждены;
Туманомъ покровенъ лежитъ на небо путь,
А въ разумахъ людей всѣ вѣры темны суть.
Намъ боги зримые, ихъ боги имъ незримы,
Равно почтенны суть, равно непостижимы.
Но паче вобрази подвластный твой народъ,
Неукротимую сію пучину водъ,
Которыхъ ежели преданій кто коснется,
Кипитъ, волнуется, тревожится, мятется:
Удобноль общую тревогу укротить?
Къ чужимъ богамъ народъ опасно обратить.
Привыкшій ко своимъ, другаго не постигнетъ;
А принужденіе мятежъ и бунтъ воздвигнетъ.
При вѣрѣ той, о Князь! останься наконецъ,
Котору почиталъ твой предокъ, твой отецъ.
Уже главы у насъ въ кумирствѣ посѣдѣли,
Перуна обожать издревле мы радѣли;
При громѣ возрасли безчисленныхъ побѣдъ:
На что намъ тму на тму, иль свѣтъ мѣнять на свѣтъ?

Такъ суевѣрія разсудокъ въ погруженьѣ
Питаетъ ко вещамъ позорнымъ уваженье!
Владимиръ рекъ въ отвѣтъ неистовымъ словамъ:
Не темны вѣры суть, но непонятны намъ,
И не одна служить не нудитъ древу мертву,
Ни человѣческой не хощетъ крови въ жертву.
Увы! та кровь еще на небо вопіетъ,
Котора въ капищѣ Перуновомъ течетъ,
Противу насъ Творца небесъ ожесточаетъ,
И въ совѣсти меня всечасно уличаетъ.
Но естьли мы народъ могли увѣрить въ томъ,
Что идолъ каменный небесный мещетъ громъ,

То Бога возвѣстивъ, понятія развяжемъ;
Тому учила ложь, тѣмъ истину докажемъ.
Вотъ мысли я мои теперь къ чему клоню!
Иди, намѣренья сего не отмѣню.
Смущенный Колосаръ, полночной тмѣ подобенъ,
Въ совѣтахъ не успѣвъ, пошелъ смущенъ и злобенъ.

Непривлекаемый Князь вѣрой никакой,
Среди сомнѣнія хранилъ въ душѣ покой,
И сномъ отяготѣлъ. Тогда съ высотъ небесныхъ,
О важности его намѣреній извѣстныхъ,
Лучами Свѣта Духъ одѣянъ низлетѣлъ,
Могущій принимать различный образъ тѣлъ:
Невидимый очамъ то Ангелъ былъ хранитель,
Владимировыхъ чувствъ свидѣтель и рачитель.
Возсѣлъ невидимый, на Царскій одръ склонясь,
И томность ощутилъ во тлѣнной плоти Князь.
Изъ маковыхъ цвѣтовъ составивъ сонъ покровы,
Возвергнулъ на него воздушныя оковы;
Отъ затворенныхъ глазъ разгнавъ крылами тму,
Видѣнья дивныя изобразилъ ему,
Не тѣ, которыя отъ плоти происходятъ,
Но кои Ангели съ небесъ въ нощи низводятъ.

На востокѣ видитъ Князь великолѣпный градъ,
И дважды шесть кругомъ златыхъ отверзтыхъ врат:
Тамъ зримы Ангели, врата сіи стрегущи,
Въ бесѣдѣ сладостной побѣдну пѣснь поющи;
Весь градъ является изъ свѣта сотворенъ,
Не солнцемъ, но лицемъ Господнимъ озаренъ;
Тамъ стогны ясписомъ и сардомъ помощенны,
Едемскимъ древеса плодомъ обогащенны;
Повсюду царствуетъ священна тишина;
Въ нетлѣнныхъ тамъ вѣнцахъ является весна:
На пальмахъ видимы повѣшенныя лиры,
Которымъ крыльями касаются зефиры,

И внемлется отъ нихъ пріятный нѣкій звукъ,
Согласнѣе игры искусныхъ самыхъ рукъ.
Тамъ жатвою златой долины вкругъ шучнѣютъ,
Акація и миртъ всечасно зеленѣютъ,
Живое древо тамъ цвѣтетъ у чистыхъ водъ,
Жизнь вѣтвія его, жизнь каждый древа плодъ:
Небесны жители сіи плоды вкушаютъ,
Вкусивъ, пріемлютъ свѣтъ и Бога ощущаютъ.
Объемлетъ оный градъ прозрачный сводъ небесъ,
Граждане возсѣдятъ межъ пальмовыхъ древесъ;
Спокойны ихъ сердца и безмятежны взоры,
Забавы искренны, пріятны разговоры;
Вѣнцы лавровые имѣютъ на главахъ,
Въ лицѣ спокойства лучь, веселость во очахъ;
Лилеямъ бѣлизной подобны ихъ одежды,
И на челахъ печать безсмертныя надежды;
Ни зависти у нихъ, ни льсти, ни скорбей нѣтъ,
Ни бренности земной, ни разслабленья лѣтъ;
Блаженство души ихъ какъ манна услаждаетъ,
Ихъ дружба веселитъ, а вѣчность награждаетъ.
Владимиръ, видя ихъ, подобно какъ елень
Къ прохладнымъ токамъ водъ стремится въ знойный день,
Войти въ небесный градъ Владимиръ тако жаждетъ,
Томится, алчетъ онъ, во сновидѣньѣ страждетъ;
Желаетъ двигнуться въ небесный оный домъ,
Но видитъ огненну рѣку у стѣнъ кругомъ.
Преграда дивная! Владимиръ въ сновидѣньѣ
Почувствовалъ тоску, печаль, изнеможенье;
Предстали вдругъ ему съ Версоной Законестъ,
Держащія въ рукахъ окровавленный крестъ;
Сей крестъ спасенье, сей крестъ утѣха вѣрныхъ.
Чета нещастная была въ одеждахъ черныхъ;
Вѣщала: Коль тебѣ пріятна та страна,
На собственны сей крестъ возвергни рамена,

Достигнуть въ оный градъ обрящешь ты на-
дежду,
Премѣнишь черную намъ въ бѣлую одежду.
Когда ты чувствуешь невиннымъ самъ себя,
То будетъ тяжкій крестъ не тяжекъ для тебя;
Коль сердце чистоты небесной не имѣетъ,
На раменахъ твоихъ сей крестъ отяготѣетъ,
Падешь подъ нимъ! . . . Тогда подставилъ ра-
мо Князь,
И къ граду двигнулся, крестомъ обременясь.
Но камень будто бы, дни многіе разженный,
Рукою на хребетъ Владимира взложенный,
Сей крестъ Владимира и жегъ и бременилъ;
Трепещущія онъ колѣна преклонилъ;
Отъ тяжкаго креста мгновенно отдѣлился,
На землю низлетѣлъ, и скорбенъ пробудился.
По отлученіи сего святаго сна
О коль ему земля казалася темна!
Она являлася ему гробницей мрачной;
Не зрѣлось радости на ней, ни вещи злачной,
Ни мѣста краснаго, ни благословныхъ дней,
Все скучно для него представилось на ней:
Сокровища его, Престолъ и слава тлѣнны,
И двери сладостямъ въ сей міръ запечатлѣнны.
Преходитъ въ памяти мечту небесну онъ,
Не чаетъ, чтобъ одну мечту представилъ сонъ;
Огнь чувствуетъ креста, онъ чувствуетъ дав-
ленье,
И самъ бесѣдуетъ съ собой во умиленьѣ:
Что значитъ оный градъ? что значитъ оный
крестъ,
Который мнѣ вручилъ съ Версоной Законестъ?
О други! ваша скорбь на радость премѣнится:
Мнѣ крестъ когда нибудь не тяжекъ учинится.
Владимирову мысль небесный духъ читалъ,
И свѣтомъ радужнымъ въ чертогѣ возблисталъ;

Явился слабый лучь во сердцѣ потемненномъ,
Какъ малая свѣща во храмѣ затворенномъ;
Подѣйствовалъ въ Царѣ небесный чистый свѣтъ:
Свободу плѣнникамъ онъ въ мыслахъ отдаетъ.
Но прежде, нежель ихъ расторгнутся оковы,
Съ Версоной Законестъ претерпятъ бѣдства новы.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Лукавство не всегда ко злобѣ прибѣгаетъ;
Оно и прелестью людей въ бѣды ввергаетъ:
Свирѣпый оный змій пріемлетъ агнчій видъ,
Лобзая во уста, кинжаломъ грудь разитъ.
Пламидъ намѣренья Владимировы внемлетъ,
Коварство въ нощь не спитъ, во дни оно не дремлетъ,
И древо для него въ чертогахъ Царскихъ зритъ,
И стѣны слушаютъ и камень говоритъ.
Какъ будто плаватель, предвидя бурю въ морѣ,
Вѣтрила корабля перемѣняетъ вскорѣ,
Мнѣ время дѣйствовать! суровый жрецъ речетъ.
Влекомъ коварствами, къ Версонѣ онъ течетъ,
И хитростей съ собой великій сонмъ приводитъ.
Между поющихъ женъ невольницу находитъ:
Весельемъ усладить ея тоскливы дни,
Забавы юныхъ лѣтъ составили они;
Подъ видомъ дружества ей сѣти поставляли,
Версону въ сладости любовны уловляли.
Такъ гласы нѣжные обманчивыхъ Сиренъ
Итакскаго Царя вовлечь хотѣли въ плѣнъ;
Но бодрственный Улиссъ разсудкомъ упреждаетъ
Все то, что слухъ мягчитъ, что сердце услаждаетъ.

Великъ, кто прелести удобенъ презирать,
Которыми сердца стремятся привлекать!
Версона между нимфъ, какъ жертва подъ цвѣтами,
Видна сіяюща одними красотами,
Не внемлетъ пѣнію, на игры не глядитъ,
Потоки слезны льетъ, задумчива сидитъ;
Какъ роза, утренней покрытая росою,
Сіяетъ новою въ слезахъ она красою.
Пламидъ, вступивый къ ней, досаду въ сердцѣ скрылъ,
Онъ звѣрскій образъ свой во агнчій претворилъ:
О! что ты сѣтуешь? вѣщаетъ ей со стономъ;
Когда Владимиромъ гнушаешься и трономъ,
Такъ жалость ощути ко другу твоему:
Помысли, день единъ остался жить ему;
Сей красный юноша надеждою обманутъ;
Заутра прелести его навѣкъ увянутъ,
Творенье лучшее изчезнетъ навсегда;
А льзя его спасти Версонѣ безъ труда;
Спаси его! спаси! едино молви слово,
И милосердіе нещастному готово:
Оставь любовь къ нему! забудь его, забудь!
Владимиру женой, Царицей Россамъ будь.
Версона кроткая, главу склонивъ, молчала;
Потомъ, слезъ полный взоръ подъемля, отвѣчала:
И такъ заутріе назначенъ въ жертву онъ?
Увы! глаза его затворитъ вѣчный сонъ?
Пламидъ, я не молю тебя о Законестѣ,
Но, ахъ! дозволь мнѣ съ нимъ явиться въ храмѣ вмѣстѣ;
Прощусь въ послѣдній разъ я съ тѣмъ, кого люблю,
И Князю мой отвѣтъ и небу объявлю.
Я повинуюся моей нещастной долѣ;

Поди, не принуждай меня къ отвѣтамъ болѣ.
Пламидъ вообразилъ, что смерти грозный часъ,
Что хитрости его, слова и скорбный гласъ
Смягчили твердое Версонино упорство,
Пошелъ, хваля къ богамъ дѣвицыно покорство.
Увы! отъ глазъ ея сокрылся свѣтлый день,
И солнце передъ ней покрыла черна тѣнь;
Со Законестомъ все во свѣтѣ умираетъ!
Но сердце томное надежда озаряетъ:
Такъ бурею въ нощи носимы корабли,
То видятъ иногда, то тратятъ свѣтъ вдали.
Спокойство наконецъ Версону подкрѣпило....
Перуну торжество въ то время наступило.
Созижденъ высоко Перуновъ гордый храмъ,
Онъ тѣни распростеръ далеко по горамъ;
Предъ нимъ всегда горитъ неугасимый пламень,
При входѣ утвержденъ краеугольный камень,
И камнемъ гибели народомъ нареченъ;
Онъ черной кровію казался омоченъ;
На немъ нещастная та жертва трепетала,
Свирѣпости жрецовъ которая питала;
Тамъ смертоносныя оружія висятъ,
Сосуды кровію наполненны стоятъ.
Сей мрачный храмъ вмѣщалъ ужаснаго кумира,
На немъ златый вѣнецъ, багровая порфира;
Извитые въ рукѣ перуны онъ держалъ,
Которыми разить во гнѣвѣ угрожалъ;
Златыя на челѣ имѣлъ велики роги,
Серебряную грудь, имѣлъ желѣзны ноги;
Горѣлъ рубинами его высокій тронъ,
И богомъ всѣхъ боговъ именовался онъ.
Уже плачевное позорище настало,
Но солнце восходя потусклый лучь мешало;
Какъ будто торжествомъ гнушалося оно,
И небо чистое являлося темно.
Тогда изъ мрачнаго невольничьяго мѣста

Влекутъ съ оковами ко храму Законеста.
Но возложенныя оковы на него,
Никѣмъ не тронуты, низпали съ рукъ его.
Считая благодать за лесть и чародѣйство,
Во узы новыя крѣпитъ его злодѣство;
Со поруганіемъ къ закланію влечетъ.
У зрителей изъ глазъ токъ нѣжныхъ слезъ
течетъ:
Коль красный юноша кончаетъ жизнь! вѣщаютъ,
И въ сердцѣ мнимую вину его прощаютъ;
Но взоромъ какъ орелъ онъ зрится бодръ своимъ,
Летаютъ Ангели невидимо надъ нимъ;
Изъ лучезарныхъ крилъ составивъ свѣтлы
кровы,
Преображаютъ вдругъ въ цвѣты его оковы:
Непостижимыя такія чудеса
Во страхъ язычникамъ явили Небеса.
Ко храму Законестъ безтрепетенъ приходитъ,
На камень, на жрецовъ неробкій взоръ воз-
водитъ.
Обьемлетъ воинство божницу вкругъ тогда,
И копіи какъ лѣсъ сомкнулись въ три ряда,
Цѣвницы издаютъ пронзительные звоны;
Но ищетъ юноша единыя Версоны,
Не внемлетъ звуку трубъ, не видитъ онъ мечей,
Онъ ищетъ взорами Версониныхъ очей.
Уже вступаетъ жрецъ въ безбожные обряды;
Бросаетъ Законестъ кругомъ печальны взгляды:
И будто изъ за тучъ блѣднѣюща луна,
Версона зрѣнію представилась томна;
Чело ея тоску и страхъ изображало;
Казалось, ей умреть во храмѣ надлежало.
Такъ въ дни осенніе распущенный цвѣтокъ,
Когда уже начнетъ его теряться сокъ,
Поблеклую главу на стебель преклоняетъ,
Но, умирающій, еще глаза плѣняетъ.

Увы! и можно ли, толь пламенно любя,
Ей жертвой не считать съ любезнымъ и себя?
Вращая огненны и полны злости взоры,
Пламидъ еще вступилъ съ Версоной въ разговоры:
Когда на узника желѣзо возносилъ,
Спасать ли мнѣ его? сурово вопросилъ.
Не можешь ты спасти! Версона отвѣчаетъ;
Рѣшилась я на все! . . . Пускай онъ жизнь кончаетъ!
Рази его! рази! . . . Пламидъ въ сей страшный часъ
Помыслилъ самъ въ себѣ, что искрененъ сей гласъ,
Послушность дѣвину передъ богами славилъ,
И въ сердце ножъ ея любовника направилъ;
Но вдругъ на грудь его Версона прилегла,
И перси обнаживъ, рази теперь! рекла,
Рази обѣихъ насъ! . . . Пламидъ остервененный,
Какъ зміемъ будто бы внезапно уязвленный,
Поднявъ кинжалъ, заклать любовника хотѣлъ.
И се Владимиръ въ храмъ какъ молнія влетѣлъ,
Влетѣлъ, и удержалъ убійственную руку;
Онъ казни часъ узналъ гремящихъ трубъ по звуку.
Престанемъ ближнихъ кровь, вѣщаетъ, проливать,
И право Небесамъ ко гнѣву подавать!
Тѣ боги, кои мной во храмахъ помѣщенны,
Другими жертвами быть могутъ насыщенны:
Се стадо цѣлое даю тебѣ тельцовъ,
Пріятнѣйшія мзды для храма и жрецовъ! . . .
Не умягчается Пламидъ окамененный,
Онъ въ ярости вскричалъ, всѣмъ адомъ воспламененный:
Лукавый Князь! богамъ тельцами ты не льсти,
Клялись мы юношу на жертву принести:
Доколь не поражу на камнѣ Законеста,

Нейду отъ олтаря, не двигнуся я съ мѣста!
Защитники боговъ почтенныхъ въ сей странѣ,
О вы, Россіяне! подайте помощь мнѣ! . . .
И храма юношу довлекъ до половины.
Изторгся старецъ вдругъ народа изъ среды:
Пламидъ! онъ возопилъ, помедли мигъ единъ,
Не убивай его; сей юноша твой сынъ!
Ту истину тебѣ докажетъ въ самомъ храмѣ
Напечатлѣнный знакъ у юноши на рамѣ;
Его въ младенчествѣ похитилъ тайно я:
Я братъ твой Идолемъ; въ насъ кровь, въ насъ кровь твоя!
Незапно мракъ густой Пламида окружаетъ;
Но рамо Законестъ поспѣшно обнажаетъ.
Владимиръ познаетъ, и самъ увидѣлъ жрецъ,
Трепещущъ видитъ онъ, что онъ ему отецъ.
Объемлетъ Законестъ Пламидовы колѣни;
Но черныя жреца уже покрыли тѣни,
Въ очахъ его видна задумчивая ночь,
Отторгся въ ярости отъ Законеста прочь,
И длани вознося, вѣщалъ со громкимъ стономъ:
Клянусь, клянусь, Перунъ! тобою и закономъ,
Клянусь и буду твердъ въ ужасной сей божбѣ:
Я сына умерщвлю, когда онъ врагъ тебѣ!
Владимиръ, отступи! вельможи, отступите!
И на усердіе мое къ богамъ смотрите:
Схвативъ кинжалъ, хотѣлъ сыновню грудь пронзить,
Онъ въ бѣшенствѣ хотѣлъ Версону поразить;
Но яко горлица трепещуща межъ ими,
Версона, дланями схвативъ кинжалъ своими,
Старается жреца смягчить потокомъ слезъ.
Жрецъ руку на нее убійственну вознесъ;
Но Законестъ ему преграду полагаетъ,
Кинжалъ подъемлемый мгновенно исторгаетъ.

Невѣста жениха, женихъ невѣсту спасъ;
Обезоруженна явилась злость въ сей часъ.
Пламидъ, какъ хищный левъ, отмщенія въ пыланьѣ,
Лишенный добычи и жертвы на закланье,
Терзающій власы помостъ ногами бьетъ;
Увы! не плачетъ онъ, отъ злости слезы льетъ;
Бѣснуется и жизнь бѣснуясь ненавидитъ;
Два солнца, какъ Аяксъ, и двѣ луны онъ видитъ;
Тогда онъ возопилъ: О богъ! о богъ огня!
Коль мощенъ ты, карай враговъ, или меня!
Когда не дѣйствуетъ твоихъ перуновъ пламень,
Такъ ты не богъ! ты прахъ! безчувственный ты камень!
Тебѣ для мщенія врученны громы мной;
Что медлишь? поражай! или я недругъ твой!....
Кумиръ затрепетавъ перуны возжигаетъ,
Разитъ Пламида въ грудь и мертва повергаетъ.
Такой нещастливой имѣла злость конецъ!
Едва покрылъ помостъ дрожащимъ тѣломъ жрецъ,
Земля несытая уста свои разверзла,
Пламидова душа и съ тѣломъ вдругъ изчезла.
Но будто бы сама земля гнушалась имъ,
Пламида поглотивъ, извергла черный дымъ;
Наполнился весь храмъ дымленья густотою,
Который обложилъ всю площадь темнотою.
Какъ вѣтры бурные волнуютъ сонмы водъ,
Такъ страхъ восколебалъ стоящій вкругъ народъ;
Народъ, унылый рабъ закоренѣлыхъ мнѣній,
Народъ, боящійся нечаянныхъ явленій,
Мечтаетъ обуявъ, что боги градъ казнятъ,
Жрецову смерть отмстить, волнуяся, грозятъ.
Но лучезарный духъ съ небесъ незапно сходитъ,
Крылѣ распространивъ, сгущенный мракъ разводитъ;
Прекрасный солнца лучь весь городъ озарилъ,

Самъ тартаръ возстеналь, кумиръ внутри завыль;
Разсѣлся на полы краеугольный камень,
Віяся молніи, потусклый мещутъ пламень;
Свѣтило дневное сіяніе даетъ,
И видитъ весь народъ, что страховъ больше нѣтъ,
Что сила грозная Перунова слабѣетъ,
Что громъ въ его рукѣ движенья не имѣетъ;
Что постыжденные предъ идоломъ жрецы,
Таніежъ мрачные, какъ весь народъ, слѣпцы:
Какъ море ощутилъ народъ успокоенье,
Холодность ко жрецамъ, къ Владимиру почтенье.
О Муза! премѣни на время кисть мою,
Я чувствы дружества, не злобу, здѣсь пою;
Владимиръ ощущалъ теперь не страсть любовну,
Но къ страждущей четѣ любовь питалъ духовну;
Изобразила мнѣ картину мысль моя!
На персяхъ Княжескихъ зрю Законеста я,
Владимиръ своего соперника обьемлетъ;
Но знакамъ дружества печальный сынъ не внемлетъ,
Оплакиваетъ онъ погибшаго отца:
Толико нѣжныя чувствительны сердца!
Лобзаньемъ токи слезъ Версона осушаетъ,
Лобзаньемъ горести его не уменьшаетъ.
Лишь только томный гласъ изходитъ отъ него:
Отца увидѣлъ я, и потерялъ его!
Владимиръ рекъ: Хвалю, что ты отца жалѣешь;
Но нынѣ ты во мнѣ, во мнѣ отца имѣешь!
Какъ солнечны лучи въ темницу сквозь стекло,
Ко Законесту въ грудь то слово протекло;
Сокрылись отъ него печали мрачны тѣни,
Обьемлетъ Законестъ Монаршія колѣни,
Въ восторгѣ вопіетъ: будь, будь отцемъ моимъ!
И ту мнѣ, Князь, отдай, которой я любимъ!

Стыдливое чело Версона преклонила,
И взорами сіе прошенье подкрѣпила.
Владимиръ смутну страсть къ Версонѣ погасилъ;
Прямое щастіе онъ въ первый разъ вкусилъ:
Два сердца увѣнчалъ, которыя любили,
Два сердца, мучимы Царемъ которы были!
Возрадуйся, вѣщалъ, супруга и супругъ,
Я вашимъ былъ Царемъ, отнынѣ буду другъ!
Хощу почтить вашъ бракъ веселымъ пиро-
ваньемъ.
Народъ препроводилъ тѣ рѣчи восклицаньемъ.
Казалося, внималъ словамъ сквозь солнцы Богъ!
Владимиръ ввелъ чету въ торжественный чер-
тогъ,
И дружественна видъ не ущербитъ пріема,
Къ трапезѣ пригласилъ и старца Идолема.
Гдѣ тронъ его сіялъ, въ златомъ чертогѣ семъ
Ликуетъ съ ними Князь, ликуетъ Идолемъ;
Приводятся тельцы и жирны агнцы съ паствы,
Простыя ставятся, не жертвенныя, яствы.
Перемѣняюща всечасно роскошь видъ,
Которая душѣ приманчивостью льститъ,
Въ срединѣ пиршества являлась обнаженна,
Въ сосудахъ сребряныхъ и въ чашахъ погру-
женна;
Бесѣдѣ между яствъ напитки подаетъ,
Превосходящіе Гиблейскій сладкій медъ.
Для обонянія, для сладости и взора
Помона тамъ плоды, цвѣты приноситъ Флора.
Что осень щедрая, что лѣто намъ даритъ,
Трапезный тѣмъ чертогъ украшенъ и покрытъ.
Чѣмъ тысяща людей быть можетъ насыщенно,
Для малаго числа во храмѣ помѣщенно.
Является пѣвицъ прекраснѣйшихъ соборъ,
И составляется при лирахъ громкій хоръ;
Побѣды Княжески и мужество воспѣты,

Величество его и мудрые совѣты.
Во пѣснословіяхъ возславилъ громкій ликъ,
Колико щастливъ Князь, колико онъ великъ!
Всѣ радостью сердца казались оживленны;
Но очи Идолемъ имѣетъ потупленны;
Въ глубокихъ мысляхъ онъ являлся погруженъ,
Не слышитъ пѣнія, не видитъ красныхъ женъ.
Владимиръ вопросилъ, привѣтства въ упованьѣ,
Угодно ли ему такое пированье?
И старецъ отвѣчалъ, возвысивъ томный гласъ:
Угодно для Царя, угодно не для насъ!
Когда трапезу мы убогую вкушаемъ,
Быть сердцемъ радостны, ядущи хлѣбъ, желаемъ;
Не нуженъ сладкій медъ, ни пѣсни, ни чертогъ;
Молитва сладость намъ, а пища наша Богъ:
Сердца мы отъ земли къ Создателю возносимъ,
И въ жертву мы себя, вкушая хлѣбъ, приносимъ.
Владимиръ, повелѣвъ пѣвицамъ умолчать,
Со Идолемомъ рѣчь благоволилъ начать:
О старче! мнится мнѣ, ты щастливъ совершенно;
Не жаждуще богатствъ убожество почтенно.
Спокойный духъ даетъ блаженство, а не тронъ;
Бесѣда мнѣ твоя напомнила мой сонъ:
Я духомъ въ нощь сію на небо возвышался,
Гдѣ взоръ мой сладкими мечтами утѣшался;
Я видѣлъ не земный, небесный видѣлъ градъ;
Увы! конечно то жилище Божьихъ чадъ?
Они блаженствуя, умѣренны, незлобны;
Или по истинѣ они тебѣ подобны.
Для старца живо сонъ Владимиръ возвѣстилъ;
Я видѣлъ Божій градъ! съ восторгомъ возгласилъ;
Но, ахъ! почто не могъ я стѣнъ его достигнуть,

Ни пламени прейти, ни тяжкій крестъ подвигнуть?
Повѣдай мнѣ вину препятства, Идолемъ:
Священну мудрость зрю, я зрю въ челѣ твоемъ!
Но старецъ отвѣчалъ: Не возгорди убога!
Единый тотъ премудръ, кто сердцемъ любитъ Бога;
Во снѣ и на яву насъ Богъ къ Себѣ зоветъ;
Нощь часто учитъ насъ; во тмѣ сіяетъ свѣтъ.
Твое видѣніе, о мудрый Князь! не ложно;
Но мнѣ истолковать сихъ таинствъ здѣсь не можно,
И только я скажу, тобой что зримый крестъ,
Который возложилъ съ Персоной Законестъ;
Сей крестъ не тягостенъ, тому пріятенъ будетъ,
Кто къ Богу прибѣжитъ, а самъ себя забудетъ; . . .
Ты видишь, Князь, сію любезную чету:
Развяжетъ нѣкогда она твою мечту.
Владимиръ сей глаголъ со сладостью вкушаетъ,
И тако наконецъ у старца вопрошаетъ:
Повѣдай, какъ спрягли свои сердца они
И просвѣтилися въ цвѣтущи жизни дни?
Какую можетъ вамъ вашъ Князь явить услугу?
Ахъ! будьте други мнѣ, и ввѣрьтеся какъ другу!
Свою главу склонивъ, вѣщаетъ Идолемъ:
Вся повѣсть есть кратка о ней, о мнѣ, о немъ.
Въ моихъ желаніяхъ, о Князь мой! я умѣренъ,
Я другъ тогда Царю, когда Царю я вѣренъ!
Ни титловъ я въ мой вѣкъ, ни злата не алкалъ,
Но щастливъ сталъ тогда, когда Христа сыскалъ;
И ставъ сокровищемъ такимъ обогащенный,
Люблю я всѣхъ людей: се дружбы знакъ священный!

Мой братъ, нещастный братъ, слѣпыхъ кумировъ жрецъ,
Младенцу въ оны дни содѣлался отецъ;
И самъ, безбожія густымъ покрытый мракомъ,
Знаменовалъ его на тѣлѣ адскимъ знакомъ.
Не ради тартара, рожденна для Небесъ,
Сокрылъ я отрока и въ мой вертепъ унесъ,
Въ пещеру никому незнаемаго мѣста.
Сего-то, Государь! ты видишь Законеста;
Во благочестіи воспитанъ мною онъ:
Тамъ истины живой внушенъ ему законъ.
Но слабость юныхъ лѣтъ! . . . я вѣдалъ слабость ону,
И избралъ для него невѣстою Версону.
Супругу кроткому супругои быть должна
Благочестивая и кроткая жена;
Кумирства дѣвѣ сей представилъ я химеру,
И Христіянскую изобразилъ ей Вѣру.
Во благоденствіи сіяли наши дни;
Но злобою жреца затмилися они:
Толико смутныхъ дней да видѣть впредь не будемъ;
Мы зло подъ сѣніію твоихъ щедротъ забудемъ. . . .
Владимиръ старцу рекъ: Вамъ другомъ быть хощу;
Но ту блаженную обитель гдѣ сыщу,
Въ которой скрылся ты? . . . За градскою стѣною,
Вѣщаетъ Идолемъ, мы скрылись съ тишиною;
Въ понурности бреговъ шумящаго Днѣпра
Три стадіи отселе есть малая гора,
Зеленой рощею отвсюду окруженна:
Колико ради насъ такая жизнь блаженна!
Мы Бога чувствуемъ, мы Бога славимъ тамъ;
Богатство наше крестъ, жилище Божій храмъ.
Мы тамо нашу плоть пощеньемъ утруждаемъ,
Въ молитвѣ и слезахъ минуты провождаемъ.

О Князь! мнѣ рабское прошеніе прости:
Къ намъ въ нашу хижину Версону отпусти,
Не сладкій медъ вкушать, но мыслить и поститься,
И свѣтомъ истины дозволь ей просвѣтиться.
Владимиръ на сіе: Ахъ! вамъ ли воспрещу,
Коль другомъ съ вами быть, я другомъ быть хощу!
Друзей, незнающихъ ни лести, ни коварства,
Славнѣе обрѣсти, чѣмъ тронъ и Государства.
Грядите! пріиду и я въ бесѣду къ вамъ.
Рѣчь старецъ произнесъ въ отвѣтъ его словамъ:
Къ намъ путь, о Государь! въ жилище наше труденъ;
Единственъ оный путь, однако обоюденъ:
Кто сердца въ простотѣ стезею сей пойдетъ,
Того пріосѣнитъ священный правды свѣтъ;
Но умствующій духъ впадетъ во тму и въ бѣдство.
Достигнуть къ намъ, о Князь! подамъ тебѣ я средство:
Возьми сей пламенникъ, и нощи въ первый часъ,
Идущъ три поприща, обрящешь въ храмѣ насъ;
Не угаси огня, и вспять не озирайся;
Увидишь страхи ты, но ихъ не опасайся:
То привидѣнія покажутся одни . . . .
Но лучше, Князь! сей путь опасный отмѣни;
Сего не стоимъ мы . . . . Владимиръ слову внемлетъ,
И пламенникъ принявъ, друзей своихъ объемлетъ;
Грядите, имъ вѣщалъ, сей путь мнѣ будетъ въ честь,
Когда опасности на немъ и страхи есть.

Владимиръ вамъ чрезъ то, какъ любитъ васъ,
докажетъ;
Мнѣ дружба твердость дастъ, свѣтильникъ
путь покажетъ.
Царь тмы, рыкающій вкругъ смертныхъ
яко левъ,
Сіе намѣренье умомъ проразумѣвъ,
Что хощетъ Князь сложить геенскія оковы,
Готовитъ пастырю людей препоны новы.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Воздушной въ глубинѣ неизмѣримой бездны,
Гдѣ силы естества содержатъ круги звѣзды,
И перстомъ Божіимъ начертанное въ нихъ
На здѣшній шаръ земный течетъ вліянье ихъ,
Преобращается для чистыхъ душъ во благо,
Въ злощастіе и въ смерть для грѣшника живаго,
Въ воздушной безднѣ сей, утративъ прежній
свѣтъ,
Противникъ Божества изъ древнихъ дней живетъ.
Изъ тмы сгустившейся престолъ его устроенъ;
На немъ сѣдящій царь быть думаетъ спокоенъ;
Повсюду сѣя зло, спокоенъ чаетъ быть:
Но тотъ ли щастливъ есть, не можетъ кто
любить,
Не можетъ кто любить, а только ненавидѣть,
Бѣды и вредъ творить, добра не хощетъ видѣть?
Кометѣ пламенной его подобенъ зракъ,
Одежда бурный вихрь, а плоть сгущенный мракъ;
Какъ громы рѣчь его; сверкающія очи
Подобны молніямъ среди глубокой ночи;
Въ немъ сердце бездна есть, дыхающа огнемъ,

Какъ искры мещуща лежащи злости въ немъ;
Убійство взоръ его, дыханіе отрава,
Утѣха общій плачь, мучительства забава;
Но злобный міра князь хоть мраками одѣтъ,
Пріемлетъ кроткій видъ, являетъ ложный свѣтъ:
Сей свѣтъ есть татское у неба похищенье,
Ввергающе людей во тму и развращенье.
Не рѣдко въ молніяхъ, во буряхъ и въ пыли,
Распростирается князь міра по земли;
Въ туманахъ кроется, въ перунахъ поражаетъ,
Въ дубравахъ Нимфамъ онъ зовущимъ подражаетъ;
Во мрежи онъ влечетъ повсюду смертныхъ родъ,
Таится въ тмѣ ночной, таится въ нѣдрѣ водъ;
Крылами воздухъ весь невидимо обьемлетъ,
Онъ смотритъ внутрь сердецъ, слова людскія внемлетъ,
И душу слабую едва примѣтитъ онъ,
Вселяется въ нее, и въ ней поставитъ тронъ.
Блаженъ, кто къ сердцу дверь содержитъ затворенну
И волю Божеству имѣетъ покоренну!
Любовью къ ближнему и святостію дѣлъ
Мы гонимъ князя тмы какъ горькимъ дымомъ пчелъ;
Но дѣлаемъ въ сердцахъ мы совѣстью нечистой,
Какъ будто бы въ горѣ разсѣлины кремнистой,
Въ которую вползетъ какъ змій грѣха отецъ,
И разродится онъ въ утробѣ наконецъ;
Ненасытимый гладъ къ богатству производитъ,
Въ нощи со грѣшнымъ спитъ, во дни ему предходитъ;
Склоняетъ мысли всѣ и духъ ко суетѣ,
Въ подданство отдаетъ разсудки красотѣ;
Досады, зависть, гнѣвъ, раздоры насаждаетъ,
И яко мощный Царь сердцами обладаетъ.

Не вѣчно въ воздухѣ владычествовалъ онъ,
Его стихія мракъ, огонь и жупелъ тронъ;
Донынѣ бы стенялъ Господній врагъ въ геенѣ,
Рукою мстительной держимый въ тяжкомъ плѣнѣ;
Но падшій Ангелъ сей отъ плѣна и оковъ
Изторженъ силою Адамовыхъ грѣховъ:
Съ тѣхъ поръ начальствуетъ противникъ Божій міромъ,
И мысли ослѣпивъ, всеобщимъ сталъ кумиромъ;
Отъ идоловъ тогда весь міръ отяготѣлъ,
Лишь Богъ въ немъ олтаря, ни храма не имѣлъ.
Увидя съ небеси людей во тмѣ пороковъ,
Не рѣдко посылалъ Господь своихъ Пророковъ;
Казнилъ онъ смертныхъ родъ, водами потопивъ,
Бесѣдовалъ, верьхи Синайски воздымивъ;
Но люди Божіихъ глаголовъ не внушали,
Соблазны демонски ихъ чувства заглушали.
Въ подлунномъ мірѣ семъ змій древній ликовалъ,
Онъ вѣки многіе въ покоѣ пребывалъ;
Сіяніемъ затмилъ его Мессія славу;
Но сѣверну имѣлъ во узахъ онъ Державу;
Онъ въ морѣ былъ прохладъ житейскихъ погруженъ,
Въ пирахъ онъ возлежалъ, прельщалъ въ бесѣдѣ женъ;
Блисталъ подъ лаврами, въ сердцахъ вельможей крылся,
Во капищахъ предъ нимъ нечистый огнь курился;
Народы наполнялъ безбожіемъ умы,
И полночь вся была наслѣдствомъ князя тмы.
Среди громовъ и бурь питая мысль надменну,
Воззрѣлъ въ страну, его державѣ покоренну;

Насытить гордый духъ, въ полночный край
взглянулъ;
Но свѣтомъ озаренъ, смутился, воздохнулъ;
Увидя Кіевски предѣлы, ужаснулся,
Какъ будто океанъ отъ бурь поколебнулся.
Что видитъ у Днѣпра? Онъ видитъ Божій
свѣтъ,
И тучѣ пасмурной подобенъ, возстаетъ;
Кипяще сердце въ немъ кровава зависть гло-
жетъ;
Онъ хощетъ двигнуться, но двигнуться не
можетъ;
Преграда сдѣлалась межъ Кіевомъ и имъ,
И постыждается безсиліемъ своимъ;
Россійскій жребій знать хотѣніемъ пылаетъ,
Постигнуть жаждетъ все, но видѣть не же-
лаетъ;
Желаетъ, мучится и отвращаетъ взоръ
Отъ капищей своихъ и отъ Днѣпровыхъ горъ.
Но Небо гордыя души на возмущенье
Отверзло всѣхъ вѣковъ грядущихъ обращенье,
И будто въ зеркалѣ представило ему
Все то, что сбудется, сквозь облачную тму....
Нахмурилось чело, глаза его блистали,
И связи области его затрепетали.
Во изступленіи увидѣлъ онъ ума,
Что съ Кіевскихъ бреговъ геенска сходитъ тма;
Какъ снѣгъ съ вершины горъ, растопленный
лучами,
Течетъ шумящими въ пространный долъ ручьями,
Сѣдинами горы покрытую главу
Преобразитъ весна въ зеленую траву:
Знаменованные священною печатью,
Горъ Кіевскихъ верьхи сіяютъ Благодатью;
Потоки святости въ Россіи разлились,
И пѣсни въ сѣверѣ священны раздались.

Взирая на сіе, убійца пролилъ слезы;
Какъ громъ звучатъ на немъ безсмертныя желѣзы,
Въ которы Богъ его навѣки заключилъ,
Дабы сіянія небесъ не помрачилъ;
Низверженныхъ духовъ сіи оковы доля,
Обуздана ихъ плоть, но ихъ свободна воля,
Та воля дерзская, пространно море зла,
Изъ темныхъ нѣдръ его рѣкой проистекла,
И сей подлунный міръ издревле заразила,
Во мракъ и тлѣніе всю тварь преобразила.
Князь вѣчной тмы свою погибель познаетъ,
Что узы адскія Владимиръ разорветъ,
Кумировъ истребитъ и къ Богу обратится,
Небеснаго вѣнца лучами озарится.
Задумался; но скрылъ отчаянье свое,
Вращалась мысль его подобная змiѣ,
Угрызшей праотцевъ въ раю сначала вѣка,
И рекъ: Моимъ рабомъ имѣю человѣка!
Дерзнетъ ли слабый рабъ противиться Царю?
Сего мятежника пойду и усмирю!
Опредѣлилъ его намѣреньямъ препону,
И паки приковать къ геенску хощетъ трону;
Онъ слабость чувствуетъ своихъ предъ Княземъ силъ:
Когдабъ не чувствовалъ, ему бы не вредилъ.
Онъ видитъ оную кремнистую дорогу,
По коей Князь пойдетъ со пламенникомъ къ Богу;
На семъ пути Царя намѣрится препнуть,
Во ужасъ привести, прельстить и обмануть.
Орудіемъ своимъ предъизбралъ онъ Зломира.
Творится злыми зло въ предѣлахъ здѣшня міра!
Удобенъ ли благимъ онъ подвигамъ мѣшать?
Но Богъ Владимира дозволитъ искушать,
Дабы толикое въ началѣ искушенье
Доставило ему на небо возвышенье;

Дабы онъ князя тмы, какъ Іовъ, побѣдилъ,
Прославилъ Христіянъ, геенну постыдилъ.
Коварства демонски повѣдайте мнѣ, Музы!
Расторглися на немъ его тяжелы узы,
На время сѣемлетъ ихъ съ предателя Творецъ;
Какъ буря онъ шумитъ и видитъ наконецъ,
Онъ видитъ къ горести въ краю полночномъ міра,
Отъ Византійскихъ стѣнъ грядуща видитъ Кира.
Сей пастырь вѣрныхъ душъ и древній философъ
Являлся Кіевскихъ на крутизнѣ бреговъ;
Онъ преплылъ черную пучину Меотійску,
Оставя древній Тавръ, достигъ въ страну Россійску.
Подъ осѣненіемъ всевѣдущихъ Небесъ,
Евангелія свѣтъ въ страну полночну несъ;
Глаголомъ Божіимъ на подвигъ поощренный,
Онъ шествовалъ лучемъ небеснымъ озаренный.
Сего блаженнаго діаволъ мужа зритъ,
Пылаетъ яростью и къ Кіеву паритъ,
Паритъ, и молніямъ віющимся подобенъ,
Облекся тучею, неистовъ, дерзокъ, злобенъ,
Какъ парусы свои крылѣ распространилъ,
Туманы мыслей злыхъ въ челѣ своемъ носилъ;
Спѣшитъ безбожному въ пещеру ко Зломиру,
Спѣшитъ, но дѣлать зла не забываетъ міру:
Дорогу огненну по воздуху чертитъ,
И тамо сѣетъ вредъ, гдѣ злобствуя паритъ;
Зря кости вкругъ волхва, душею веселится,
И на главѣ его какъ черный вранъ гнѣздится;
Онъ шепчетъ своему любимцу въ уши:
Почто имѣешь даръ творити чудеса,
Свѣтъ солнечный мрачить, предвидѣть тайны звѣзды,
И тѣней призывать изъ вѣчной адской бездны;

Ты надъ стихіями на что имѣешь власть,
Владѣть перунами, у молній силу красть;
Гордишься ты почто искусствами твоими,
Когда не дѣйствуешь и не блистаешь ими?
Ты дремлешь яко левъ въ пещерѣ у себя,
А сѣти и мечи лежатъ вокругъ тебя;
Безсильны были вы, кумирамъ въ оборону,
Во храмѣ Ладиномъ склонить къ любви Версону;
Погибелью боговъ содѣлалась она,
За то Пламидова душа и казнена.
Страшися отъ боговъ и ты, страшися казни,
Иль дѣйствуй ты за нихъ, и жди отъ нихъ
пріязни!
Возстани и препни являющійся свѣтъ:
Изгнать боговъ отсель опасный мужъ грядетъ;
Когда въ престольный градъ развратникъ сей
достигнетъ,
Противу идоловъ мятежъ и бунтъ воздвигнетъ,
Преграды ставь ему, злодѣя истреби:
Приходитъ Киръ сюда; губи его, губи!
Такія словеса волшебникову душу
Увлажили какъ дождь въ изсохшемъ блатѣ сушу;
Они явилися не яко тщетный сонъ:
Увидѣлъ вдалекѣ святаго мужа онъ;
Онъ взоры на него зміиновидны мещетъ;
Не отъ опасности, отъ злобы волхвъ трепещетъ;
Всю силу хощетъ онъ суровости явить,
Но паче хитростью святаго уловить;
Смущаетъ воздухъ весь, весь адъ вооружаетъ
И мрачный свой вертепъ во храмъ преображаетъ;
Собравъ волшебныя видѣнья и мечты,
Онъ кости мертвыя преобразилъ въ цвѣты,
Сухія древеса зеленостью одѣлись,
Пески покрытыми пріятнымъ злакомъ зрѣлись,
Перемѣняется во пѣсни врановъ крикъ,
И не является Днѣпровскій берегъ дикъ,

Онъ видится одѣтъ цвѣтущими коврами,
Зефиры тихіе играютъ межъ горами;
Обманывался слухъ, обманывался взглядъ;
И дебри радостный являли вертоградъ.
Когда сіи чары лукавый волхвъ устроилъ,
Онъ душу адскую на время успокоилъ;
Но паче мудреца привлечь и соблазнить,
Суровый видъ смѣнилъ во кроткій премѣнить;
На обаянія взложивый всю надежду,
Въ бѣлѣйшую снѣговъ облекъ себя одежду,
Согбенный древностью, благочестивъ и сѣдъ,
Являлся будто бы святый анахоретъ.
Ко старцу съ трепетомъ грядущему подходитъ,
Онъ взоры на него смиренные возводитъ;
О мужъ святый! вѣщалъ со кротостью ему,
Ужь скоро черна ночь преложитъ свѣтъ во тму;
Уже являются сребристы лунны роги,
Ко граду въ вечеръ сей не кончишь ты дороги;
Глубокіе прейти обязанъ ты пески,
Ты, старче! утружденъ, твои слабѣютъ мски;
Или моленія убожества отринешь,
Жилище бѣдное пустынниково минешь,
Жилище то, гдѣ я, отъ міра удаленъ,
Молюся тридцать лѣтъ, въ вертепѣ заключенъ?
Имѣю хижину, не возгнушайся тою,
И духъ мой услади бесѣдою святою.
Внимая слово то, своихъ склоняетъ мсковъ
Благочестивый Киръ со путевыхъ песковъ,
Грядетъ волхву во слѣдъ пріятными цвѣтами,
И услаждаетъ взоръ прекрасными мѣстами;
Въ лицѣ пустынника священну кротость зритъ,
Его привѣтствіямъ какъ другъ благодаритъ.
Но старца не покой, погибель ожидаетъ.
Такъ мудрость иногда лукавства въ сѣть впадаетъ!
Едва священный мужъ въ вертепъ его вступилъ,

Зломиръ во слѣдъ ему затворы укрѣпилъ;
Волшебствомъ приложивъ ко входу тяжкій камень,
Сокрылся! . . . Старца вдругъ во тмѣ объемлетъ пламень,
Ему великія являются зміи;
Смущенно смотритъ онъ на ужасы сіи;
Но страхъ сугубится, казалось тартаръ злится,
Пещера хощетъ вся со громомъ развалиться,
Трепещетъ вкругъ земля, унылый слышенъ стонъ,
Смутился бодрый Киръ, и слабъ явился онъ!
Позналъ Зломирово волшебное коварство,
И что не Божіе, то демонское царство;
Дрожащи руки онъ ко небесамъ вознесъ,
Во умиленіи потоки пролилъ слезъ;
Не ужасъ произвелъ такое возмущенье,
Болѣзнуетъ, что впалъ въ обманъ и въ искушенье.
Твори, что хощешь Ты, мой Боже! старецъ рекъ;
Но, ахъ! прости мнѣ грѣхъ! я слабый человѣкъ.
Спасаетъ чистая молящагося вѣра! . . .
Незапно мрачная разверзлася пещера.
Какъ небо, утренней блистающе зарей,
Разгнавый тму, предсталъ Божественный Андрей.
Полночный сей Пророкъ, Апостолъ первозванный,
Вѣщалъ: Не унывай, крѣпися, мужъ избранный!
Врагъ Божій на тебя воздвигъ коварствомъ адъ,
Но съ горнихъ мѣстъ Господь на вѣрныхъ смотритъ чадъ!
Возстани и гряди! геенско искушенье
Не есть ужасное предъ Богомъ согрѣшенье;
Ты грѣхъ раскаяньемъ и токомъ слезъ омылъ,
И днесь толико святъ, колико прежде былъ;

Опасность отъ тебя и страхи отлучаю:
Сей свитокъ я тебѣ во знаменье вручаю;
Невидимъ будешь ты подъ нимъ пріосѣненъ,
И яко въ облакѣ сокрытъ и заключенъ.
Но все сіе, что есть на немъ изображенно,
Тебѣ извѣстно то и будетъ откровенно;
Гряди къ Владимиру и изъясни ему
Ерусалимскій свѣтъ и тартарскую тму;
Изводитъ Кира онъ какъ Лота изъ Содома,
И Законестова привелъ ко прагу дома.
Владимиръ между тѣмъ, лишь дневный свѣтъ погасъ,
Возжегъ свой пламенникъ въ полночный поздній часъ,
Возжегъ и тайными стезями вертограда,
Съ единымъ мужествомъ, выходитъ вонъ изъ града.
Едва полстадіи отъ града отступилъ,
Простерся вкругъ туманъ и Князя ослѣпилъ;
Непроницаемой сгустился онъ стѣною,
Усугублялся мракъ въ долинѣ тмой ночною.
Когдабъ свѣтильника Владимиръ не возжегъ,
Погибели бы онъ конечно не избѣгъ.
Но свѣтлый пламенникъ сіянье разливаетъ,
Лежащій вправо путь и брегъ озареваетъ.
Владимиръ шествуетъ; тогда сквозь нощи тму
Три дѣвы юныя предстали вдругъ ему:
Едина скиптръ златый въ рукѣ своей держала,
Ее толпа рабовъ во узахъ окружала;
Лавровый на главѣ у ней вѣнецъ лежалъ,
Сребристый лунный свѣтъ видѣнье окружалъ,
Величество въ лицѣ начертанно имѣла,
И слава вкругъ нее движеньемъ крылъ шумѣла.
Куда ты шествуешь? Владимиру рекла;
Тебя твоя напасть изъ града извлекла;
Ты преимущество даешь передъ собою

Рожденнымъ рабствовать и ползать предъ тобою;
Лишь перстомъ укажи, едину молви рѣчь,
Версону можешь ты во Княжій домъ привлечь;
Почто въ долинѣ сей въ часы ночные страждешь?
Отъ трехъ обманщиковъ какой ты пользы жаждешь?
Уловятъ въ сѣть тебя коварствами они,
И помрачатъ твои блистательные дни.
Гряди, о храбрый Князь! гряди отсель за мною:
Прославлю я тебя побѣдами, войною;
Или ты избери едину изъ троихъ,
Меня и лучшую изъ красныхъ сестръ моихъ;
Тебя какъ брата чтимъ, тебя какъ друга любимъ,
Мы щастіе твое и славу усугубимъ.
Вторая изъ троихъ, прекрасна яко день,
Отгнала прелестьми густую нощи тѣнь;
На Князя возвела ласкательные взоры,
И въ сладострастные вступила разговоры.
О Князь! рекла она, меня ли презришь ты?
Смотри ты на мои цвѣтущи красоты;
Престолы безъ меня, вѣнцы и лавры скучны,
Мной щастливы Цари и мной благополучны;
Все мертво безъ меня, я жизнь дарю всему;
Отъ старца убѣгай, нейди, нейди къ нему;
Я замѣню тебѣ любовію Версону,
Препроводи меня къ блистательному трону;
Опасный предлежитъ ко Законесту путь! . . .
Бѣлѣйшу мармора она являетъ грудь;
Словами духъ его и взоромъ соблазняетъ,
И колебаться Князь сомнѣньемъ начинаетъ. . . .
Се третія сестра ко Князю притекла.
Я вамъ послѣдую, съ пріятностью рекла.
Сія корыстей рогъ въ рукѣ своей держала,
Въ немъ злата и сребра приманчивость лежала.

О Князь! примолвила, иди обратно въ градъ,
И подданныхъ твоихъ ущедришь яко чадъ;
Не трать ни времени, ни славы, ни покою...
Обьемлетъ нѣжною она Царя рукою.
Владимиръ къ лицамъ ихъ свѣтильникъ свой принесъ,
Незапно красный видъ трехъ сестръ какъ дымъ изчезъ:
Ихъ лики гнусными и черными явились.
Три главные грѣха предъ нимъ изобразились:
Любостяжаніе, и Гордость, злѣйшій грѣхъ,
Плотоугодіе опаснѣйшее всѣхъ.
Соблазны демонски Владимиръ ясно видитъ,
Какъ язвы ихъ бѣжитъ, пороки ненавидитъ.
Избѣгнуть чающа отъ зрѣлища сего,
Видѣнье страшное встрѣчаетъ вдругъ его;
То низилось оно, то паки возрастало:
Чудовище огонь и дымъ изъ устъ метало;
Коснувшись облаковъ своей главой оно,
Изъ тварей въ мірѣ всѣхъ являлось сложено;
Стихіи бурныя крутились въ немъ смѣшенны,
То живы зрѣлися, то жизни вдругъ лишенны;
То будто чистый день сіяло красотой,
То нощи пасмурной мрачилось густотой;
На немъ и рубища являлись и порфира;
Кто былъ то? Умственность была то здѣшняя міра!
Едва отважный Князь приближился къ нему,
Какъ гласомъ трубъ рекло чудовище ему:
Отъ юности твоей вступивъ въ мои предѣлы,
Или ты позабылъ мои оковы, стрѣлы?
Постой, о человѣкъ! кто ты? куда грядешь?
Почто мнѣ почестей, какъ рабъ, не воздаешь?...
Владимиръ, видя тѣнь, къ сраженью устремился;
Но мечь въ его рукѣ мгновенно преломился,

О марморѣ будто бы поверженно стекло. . . .
Склонивъ свою главу, чудовище рекло,
Своей одеждою предъ Княземъ путь закрыло,
Сіи коварныя слова проговорило:
О Князь, отважный Князь! внемли моимъ словамъ;
Я совѣсти твоей сіяніе подамъ:
Ко Законесту ты стремишься и къ Версонѣ,
О лучшемъ думаешь бесѣдовать законѣ;
Достойный славнаго Царя и мужа трудъ!
Достойны и друзья! Но чѣмъ законъ твой худъ?
Который свойственнѣй изъ двухъ для человѣковъ:
У Россовъ знаемый, иль знаемый у Грековъ?
Имъ благо нѣкое на небѣ Богъ сулитъ,
А вашъ блаженствовать на сей землѣ велитъ;
Одни побѣждены, другіе побѣждаютъ,
Имѣютъ первые, вторые ожидаютъ;
Притомъ, когда своихъ отринешь ты боговъ,
Страшись въ желѣзны впасть изъ золотыхъ оковъ.
Извѣстно тяжкое мнѣ бремя Христіянства;
Однѣ угрозы въ немъ, страданія, тиранства.
Безумно, сладости житейскія имѣть,
И вдругъ подвергнуть жизнь страданіямъ хотѣть;
Притомъ и боги клятвъ твоихъ не позабудутъ,
Они тебѣ отмщать, какъ вѣроломцу, будутъ;
Въ день ясный за тобой, въ глухую саму ночь,
Они послѣдуютъ и не отступятъ прочь;
Всѣ муки адскія, всѣ ужасы воздвигнутъ,
Болѣзни, горести главу твою постигнутъ;
Страшися и меня; тебѣ я первый врагъ!
И поражу тебя, лишь только ступишь шагъ. . . .
Тогда простерлися надъ Княземъ темны длани,
Какъ два великіе щита носимы въ брани,

И воздухъ оными гнѣтомый зашумѣлъ.
Владимиръ страхъ и смерть свою проразумѣлъ;
На Идолемовы слова взложивъ надежду,
Повергъ съ себя вѣнецъ и гордую одежду.
Онъ силы ощутилъ душевныя въ себѣ,
И былъ съ чудовищемъ на долгій часъ въ борьбѣ;
Какъ градъ съ его чела кровавый потъ катился,
Владимиръ ослабѣлъ, Владимиръ утомился.
Чудовище Царя прижало ко землѣ;
Послѣдни силы Князь теряющій во мглѣ
Открыть Божественный свѣтильникъ ускоряетъ,
Лице страшилища мгновенно озаряетъ.
Явился Божій врагъ, явился ада князь,
И съ трепетомъ умолкъ, сіянья убоясь;
Подобенъ зрѣлся онъ во совѣсти нечистой
Біющейся волнѣ о берегъ каменистой;
На Князя какъ гора обрушиться хотѣлъ,
И свѣтомъ озаренъ, далеко отлетѣлъ;
Но злость во князѣ тмы вовѣки не минется:
Бѣгущій обольщать Царя еще клянется.
Какъ будто черная съ земли уходитъ тѣнь,
Когда румяная заря выводитъ день,
Незапно грозное чудовище исчезло,
И солнце въ небесахъ златую дверь отверзло.
Владимиръ, адскія препоны разоривъ,
Иль паче слабости душевны побѣдивъ,
Увидѣлъ, что туманъ, какъ предъ Мойсеемъ море,
Рѣдѣлъ, вился, тончалъ и разступился вскорѣ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Уже съ вершинъ древесъ сошла ночная тѣнь,
И ризу по горамъ раскинулъ свѣтлый день;
Румяное чело Аврорино сіяло,
Все въ мірѣ, кажется, раждаться начинало:
Изображается въ величествѣ Творецъ;
Владимиръ труднаго пути позналъ конецъ;
Онъ въ сердцѣ ощутилъ неизреченну сладость,
Печаль изчезла съ тмой, открылась съ утромъ радость.
Когда въ долину ту Россійскій Князь вступилъ,
Гдѣ вкупѣ Законестъ со Идолемомъ жилъ,
Почувствовалъ кругомъ цвѣтовъ благоуханье,
Производящее священное вліянье;
Тамъ длинными цвѣли рядами древеса,
Межъ вѣтвей зрѣлися лазурны небеса;
По злату чистому источники бѣжали,
Поющихъ гласу птицъ въ журчаньѣ подражали;
Стопами на лугу помятая трава
Возобновлялася и зрѣлася жива.
Такъ звѣзды, огненнымъ сіяніемъ возженны,
Бываютъ въ нѣдрѣ водъ въ нощи изображенны;
Поверхность струй зефиръ хотя и возмутитъ,
Зерцало паки въ нихъ кругъ звѣздный возвратитъ;
Встревоженны струи лишь только усмирятся,
Свѣтилы въ глубинѣ, какъ прежде, ясны зрятся.
Владимиръ обращалъ ненасытимый взглядъ,
И чаялъ видѣть онъ небесный вертоградъ,
Который въ сладостномъ увидѣлъ онъ мечтаньѣ.
Коль нѣжное въ душѣ послышалъ трепетанье!
Онъ мыслилъ сна сего увидѣть событіе,
И райское мужей блаженныхъ житіе.
Бросало солнце лучь по воздуху свѣтлѣе,
Земля роскошнѣе, былъ воздухъ веселѣе.

Почувствуя сихъ мѣстъ и видовъ красоту,
Пріобрѣтала мысль и сердце чистоту.
Какъ птички на древахъ сѣдящи возпѣвали,
Казалося, хвалу Творцу ихъ воздавали,
Всѣ вещи зримыя, всѣ красныя мѣста
Казалися имѣть единыя уста,
Небеснаго Царя хотящи купно славить . . . .
Что видѣлъ тамо Князь, не можетъ умъ представить.

Благоуханіемъ наполненъ воздухъ весь,
Нетлѣнность по лугамъ простерла ризу здѣсь,
И животворною кропя луга росою,
Всѣ виды облекла небесною красою;
Всегдашній древеса обогащаетъ цвѣтъ,
Ни корень плотію, ни стебель не одѣтъ;
Лишь только видима подобна древу стала
Та жизнь, которая во древѣ обитала;
Зелены маслины, кустарникъ и цвѣтокъ,
Не тѣло грубое, единъ имѣютъ сокъ.
Натура, облакомъ всечасно окруженна,
Въ подолѣ сей очамъ казалась обнаженна;
О коль была чиста! о коль была красна!
Подобно Божеству являлася она:
О чемъ подумаетъ, уже то въявѣ зрится,
Къ чему дотронется, то все животворится;
На что ни поглядитъ, пріемлетъ бытіе;
Жизнь, радость, красота, ликуютъ вкругъ нее;
Гдѣ дхнетъ она, цвѣты и рощи тамъ цвѣтутъ,
Ручьи бесѣдуя, у ногъ ея текутъ,
И нѣжнымъ горлицамъ въ журчаньѣ подражаютъ;
Озера зеркалы въ поляхъ изображаютъ,
Въ которыхъ видимы кристальны небеса,
Блистаетъ на травѣ жемчужная роса;
Нѣтъ тлѣнности нигдѣ, жизнь, жизнь вездѣ единa;
Пригорки движутся, красуется долина.

Великолѣпія не знаютъ тѣ мѣста,
Пріятная вездѣ прельщаетъ простота;
Является она долины сей въ пространствѣ,
И рощамъ и полямъ во свойственномъ убранствѣ:
Имѣетъ на главѣ лазоревой вѣнокъ,
Порфира у нее прохладной вѣтерокъ;
Вѣтвь скипетръ у нее, увитая цвѣтами,
Эдемскими она сіяетъ красотами.
Тамъ левъ покоясь, съ невиннымъ агнцемъ спитъ,
Колючій тернъ созрѣвъ, не жалитъ, не вредитъ;
Тамъ ястребъ горлицу не гонитъ, не терзаетъ;
Борей покоится, зефиръ цвѣты лобзаетъ.
Владимиръ чаялъ зрѣть одну мечту и сонъ,
Преходитъ медленно мѣста прелестны онъ,
Преходитъ, слѣдуя свѣтильнику возженну.
Увидѣлъ межъ цвѣтовъ тропинку проложенну;
На все внимательный Владимиръ мещетъ взоръ;
То Законестовъ былъ отверстый первый дворъ,
Гдѣ въ полной красотѣ являлася природа,
Толико скрытая отъ мудрыхъ и народа.
Владимиръ дивныя въ преградѣ зритъ врата,
Непреходима есть сквозь оны тѣснота;
Златыми буквами на нихъ изображенно:
Чье сердце чистою любовію возженно,
Кто въ Богѣ хощетъ жить, въ сіи врата гряди;
Но грѣшный человѣкъ страшись и не входи!
Я въ Богѣ жить хощу, Владимиръ размышляетъ,
Любовью чистою душа моя пылаетъ;
Дерзну прейти врата. Онъ пламенникъ возжегъ,
Ко прагу тѣсныхъ вратъ едва, едва прибѣгъ,
Стѣсненны вереи незапно разступились;
Но лишь Владимиръ вшелъ, они совокупились;
И могъ погибнуть онъ въ опасномъ входѣ семъ,
Но вдругъ является почтенный Идолемъ:
Онъ свѣтлый видъ имѣлъ, носилъ одежды бѣлы.

Всѣ подвиги твои рѣшительны и смѣлы,
Простерши руку онъ, смущенну Князю рекъ;
Изъ сихъ стѣсненныхъ вратъ въ единый мигъ
извлекъ.
Носящій плоть свою какъ черную одежду,
О Князь! ты возложилъ на смѣлость всю на-
дежду;
Хотя въ тебѣ душа любовью зажжена,
Но любопытствуетъ и жаждетъ лишь она.
Что ты преодолѣлъ, о Князь, соблазны ада,
Пришествіе сюда есть первая награда;
Врата, сіи врата, къ блаженной жизни входъ,
Чрезъ оны преходить обязанъ смертныхъ родъ;
Тотъ шествуетъ сюда, кто сердцемъ непороченъ,
Ни сладостей плотскихъ, ни гордости не точенъ.
Хотящій свѣтъ въ тебя небесный изліять,
Мнѣ мой законъ велѣлъ отсель тебя изъять;
Его дыханіемъ, Его ведешься перстомъ,
Обрящешь миръ теперь въ жилищѣ семъ от-
верстомъ;
Версону узришь ты со Законестомъ, Князь;
Однако не забудь ихъ съ небомъ вѣчну связь;
Потухнетъ пламенникъ и духъ твой возму-
тится,
Коль паки ко мірскимъ утѣхамъ обратится.
Смущенія въ умѣ Владимиръ не тая,
У старца вопросилъ: Гдѣ хижина твоя?
Мнѣ мнится, Идолемъ! обманутъ я тобою?...
Я нищій предъ тобой, ты Царь предо мною;
Пусть всѣ Цари оберутъ стяжанія свои,
Превысятъ цѣну ихъ сокровища твои;
Богатство наше тлѣнъ, твое, твое нетлѣнно;
Но ты сокровищъ сихъ достоинъ несомнѣнно.
Дороги я къ тебѣ во мрачной тмѣ искалъ,
Но долго адъ меня сюда не допускалъ.
Почто, скажи, когда искать блаженства можно,

Черезъ опасности къ нему достигнуть должно?
Неизглаголанны я вижу чудеса:
Зрю землю новую, зрю новы небеса;
Вездѣ мнѣ райскія мѣста изображенны,
И духъ и зрѣніе мое обвороженны!
Водитель отвѣчалъ: Ты видишь не мечту,
Но обнаженную натуры красоту,
Во мракѣ тлѣнности сокрытую глубокомъ;
Взиралъ ты на нее донынѣ плотскимъ окомъ.
Ко довершенію святой бесѣды ихъ,
Со Княземъ старецъ сѣлъ подъ тѣнью древъ живыхъ,
И тако продолжалъ: Отъ міра отвращенье
Есть наше первое во свѣтѣ очищенье.
Изъ тмы, о Государь! составленъ зримый свѣтъ;
Но въ сей глубокой тмѣ пресвѣтлый Духъ живетъ;
Отъ тяжкихъ мы оковъ не можемъ свободиться,
Лежащій мракъ кругомъ доколь не истребится.
Безцѣнный камень такъ, обземлемый корой,
Не можетъ взоръ прельщать блистательной игрой,
Доколѣ онъ лежитъ въ кремнистомъ заключеньѣ;
Приноситъ свѣтъ ему художника раченье.
Кремнистая кора, то наши суть тѣла;
Душа, то бисеръ въ нихъ и добрыя дѣла.
Не думай, Государь, что басни вымышляю!
Нетлѣнный міръ тебѣ и тлѣнный представляю;
Ты видѣлъ, что одѣтъ густымъ покровомъ онъ,
Во внѣшности вещей имѣетъ мудрость тронъ;
Тма хощетъ царствовать надъ свѣтомъ сокровеннымъ,
А свѣтъ не хощетъ быть у тмы враждебной плѣннымъ;
Сія родится въ насъ безпрестанно брань;

Въ послѣдней Божія поддерживаетъ длань;
Она тебя, о Князь! во мракѣ поддержала,
Когда тебя рука геенска поражала;
Ты искру гордости въ душѣ своей возжегъ,
И бѣдства во вратахъ едва, едва избѣгъ.
Умѣрь, о Государь! силъ внѣшнихъ напряженье;
Свѣтла предъ Господомъ душа въ уничиженьѣ.
Являетъ вся страна какъ въ зеркалѣ сія
Всѣхъ созданныхъ вещей ликъ паки бытія.
Дабы передъ тобой дѣла свои прославить,
Творецъ духовный міръ хотѣлъ тебѣ представить,
Каковъ онъ прежде былъ и долженъ быть каковъ,
Когда онъ тлѣнности изыдетъ изъ оковъ.
Воздай хвалу, о Князь! Создателю вселенной,
Что свѣтитъ Онъ тебѣ еще во плоти тлѣнной.
Но время, Государь, прейти отъ здѣшнихъ мѣстъ
Къ селеньямъ, гдѣ живутъ съ Версоной Законестъ.
Тебѣ являемыхъ садовъ въ странѣ восточной
Сіи предѣлы суть и видъ и образъ точной;
Духовный вѣявѣ міръ тебѣ изображенъ,
Который клятвою небесъ не пораженъ.
Но силы, Князь! твои въ долинѣ истощенны
Быть должны жизненной водою умащенны:
Тогда вознесъ сосудъ на воздухъ Идолемъ,
Сосудъ наполнился сладчайшимъ питіемъ;
Съ молитвой питіе Владимиру вручаетъ:
Вкусилъ, и новыя онъ силы получаетъ,
Князь радости въ душѣ небесны ощущалъ.
Пойдемъ! предшественникъ Владимиру вѣщалъ:
Увидѣть, Государь, сію чету священну,
Потребно въ плоти быть и въ духѣ очищенну;
Преобразилися невѣста и женихъ;
А естьли любишь міръ, не узришь въ славѣ ихъ.

Владимиръ внѣшнія отвергнулъ попеченья,
И помня словеса священнаго ученья,
За Идолемомъ въ слѣдъ съ веселіемъ спѣшилъ;
Потомъ вопросомъ симъ молчанье разрѣшилъ:
Уже ли и сіи мѣста, мѣста блаженны,
Какъ вкругъ лежащія поля обвороженны:
Здѣсь вижу чистый свѣтъ, тму видѣлъ я на тѣхъ.
Кто въ здѣшнихъ благодать, кто тамъ разсѣялъ грѣхъ?
Тамъ горесть и труды, здѣсь райское спокойство;
Какое той страны, и сей какое свойство?
Вѣщаетъ Идолемъ небеснымъ гласомъ лиръ:
Тамъ плотскій видѣлъ ты, а здѣсь духовный міръ.
Сіе отъ тлѣнности въ нетлѣнность преходенье
Не можетъ звѣздное постигнуть разсужденье.
Когда угодно есть сіе святой судьбѣ,
Священна тайна та откроется тебѣ.
Цвѣтущіе луга со старцемъ Князь преходитъ,
И псалмопѣніе въ восторгъ его приводитъ;
Склоняютъ, кажется, вершину небеса,
И слышны нѣкіе поющи голоса;
Зефиры, по цвѣтамъ которы повѣвали,
Ручьи, цвѣты, лѣса, казалось, воспѣвали.
Чьи пѣсни слышу я? Владимиръ вопросилъ.
И старецъ отвѣчалъ: Живыхъ небесныхъ силъ;
Они, слетаяся въ селеніяхъ воздушныхъ,
Все могутъ изъ стихій составить имъ послушныхъ;
Безпрестанные у чистыхъ душъ пиры;
Собравъ летучіе воздушные пары,
То зиждутъ древеса, то горы, то чертоги,
Пещеры мрачныя, холмистыя дороги;
Дхновенья одного ихъ зданья стоятъ имъ,
Преображаются они какъ тонкій дымъ.
Незримыми для насъ составленны руками,

Намъ кажутся они пустыми облаками;
Тѣ души плаваютъ въ полуденны часы
Въ озерахъ сладкія небесныя росы;
Эфирную въ пирахъ онѣ вкушаютъ манну,
Въ Хоривѣ Господомъ Израильтянамъ данну.
Ристаньемъ иногда заемлются они;
Колеса облачко, зефиры ихъ кони.
Когда по воздуху къ другой странѣ преходятъ,
Сгущаютъ тонкій прахъ и бури производятъ;
Все дышетъ радостью и жизнію у нихъ.
Мы чувствуемъ всегда, хотя не видимъ ихъ;
Ихъ слаще пѣніе на лирѣ струнъ звучащихъ.
Ты внемлешь гласы ихъ Версону веселящихъ,
Со Законестомъ въ семъ ликующихъ лугу,
Животворящихъ водъ на злачномъ берегу;
Увидѣть можетъ ихъ, кто міръ возненавидитъ.
Владимиръ къ нимъ грядетъ, и ихъ во славѣ видитъ.
Колико видъ ихъ былъ теперь преображенъ!
Краснѣйшій изъ мужей, краснѣйшая изъ женъ,
Прельщали нѣкогда какъ масличныя лозы,
Теперь являются какъ полны цвѣтомъ розы;
Эдемскіе вѣнцы, сплетенны изъ лилей,
Сіяли у него и на челѣ у ней.
Князь видитъ лица ихъ, глаголы оныхъ внемлетъ;
Стремится ихъ обнять, но тѣнь одну обьемлетъ.
Такъ сонъ въ мечтаніи изображаетъ намъ
Любимый сердцу видъ затвореннымъ очамъ;
Прельщаемый мечтой видѣнье лобызаетъ,
Течетъ за нимъ, но тѣнь какъ облакъ изчезаетъ.
Владимиръ лица ихъ призракомъ признавалъ,
Иль хитрость нѣкую въ мечтѣ подозрѣвалъ.
Но видя Идолемъ въ немъ чувства возмущенны,
О Князь! Царю вѣщалъ, тѣла ихъ очищенны;
Сіянье видишь ты, прозрачность видишь ихъ;
Въ небесну плоть прешли невѣста и женихъ.

Не мысли, что сіе видѣнье чародѣйство;
Коварство чуждо намъ и чуждо намъ злодѣйство;
Но вѣдай, что таковъ былъ первый человѣкъ,
Доколь мірскія тмы ко свѣту не привлекъ;
Онъ въ сердцѣ Божіемъ дышалъ и обращался,
Любимецъ Божій былъ и манной насыщался. . . .
Владимиръ рекъ: Такъ міръ оставили они,
И вижу души я моихъ друзей одни?
О коль они сей міръ недолго украшали!
Сердца друзей своихъ коль мало утѣшали!
Не сѣтуй, Государь! вѣщаетъ Идолемъ,
Еще присутствуютъ они во свѣтѣ семъ,
Еще подлунный міръ собою украшаютъ,
Бесѣды мудрецовъ еще они вкушаютъ.
Гряди трапезу къ намъ небесную вкушать,
Ты можешь слушать ихъ и можешь вопрошать. . . .
Стремится въ мысляхъ къ нимъ Владимиръ восхищенныхъ
На испещренный лугъ подъ тѣнь древесъ священныхъ;
Благоуханіе распростиралось тамъ,
Являлся изъ цвѣтовъ сплетенный одръ очамъ.
Едва подъ тѣнь древесъ приближиться успѣли,
Незримые пѣвцы сладчайшу пѣснь запѣли.
Одушевленнымъ все представилося тутъ:
Казалося, ручьи бесѣдуя текутъ,
Зефиры, чистому уподобляясь духу,
Какъ будто внятныя слова вѣщали слуху;
Цѣлуются листы другъ съ другомъ на древахъ,
Смѣющися цвѣты являются въ лугахъ;
Во пальмахъ видится живое трепетанье;
Раждаетъ все въ умѣ восторгъ и почитанье.
Владимиръ рекъ тогда возлюбленной четѣ:
Я вижу Ангеловъ въ небесной красотѣ;
Колико щастливы, супругъ, и вы, супруга!
Но признаваетель во мнѣ еще вы друга?

Бесѣдуй съ нами, Князь, отвѣтствуютъ они;
Ты мракъ преодолѣлъ и адскіе огни;
Тобой соблазны всѣ мірскіе пораженны,
А души съединикъ, и мы теперь блаженны;
Уже не тяготитъ грѣховная насъ плоть;
Намъ отдалъ прежній видъ и райску жизнь Господь;
Молитвы принялъ Онъ, увидѣлъ наши слезы.
Но время настаетъ полденныя трапезы.
Возсядемъ, Государь, подъ тѣнію древесъ,
И снѣси съ нами хлѣбъ, дарованный съ небесъ.
Украшенъ яствами, цвѣтами испещренный,
Вдругъ холмъ приближился къ бесѣдѣ возвышенный;
Наполнилъ воздухъ весь пріятный ароматъ,
И легче учинилъ дыханіе стократъ;
Плоды явилися въ трапезѣ медоточны,
Какихъ не вѣдаютъ доднесь страны восточны,
Ни Гесперидскій садъ, ни древній оный вѣкъ,
Который здѣшній міръ Астреинымъ нарекъ;
Небесная во снѣдь представилася манна,
Въ безплодной пустынѣ Израильтянамъ данна;
Амбросія видна и сладкій нектаръ тутъ;
Напитки въ чаши ихъ невидимо текутъ.
Тѣ яствы мирную бесѣду насыщаютъ,
Но плоти тяготы они не ощущаютъ.
Подобно огнь, когда металлъ опламенитъ,
Не огрубитъ металлъ, но легче учинитъ:
Въ толикомъ пиршества небесномъ услажденьѣ
Питалася ихъ плоть, питалось разсужденье,
И разливается въ утѣхахъ сладкихъ духъ.
Не громогласная музыка движитъ слухъ;
Музыка пѣсней тѣхъ подобіе имѣла,
Которыя поетъ весною Филомела,
Когда приносятся они издалека;

Нѣжна музыка та, и яко медъ сладка.
Обворожался слухъ, обворожались взоры,
Ихъ мысли веселятъ сладчайши разговоры.
Не о земныхъ вещахъ бесѣдуютъ они,
Бесѣдуютъ о семъ, коль щастливы ихъ дни;
Колико въ мірѣ семъ тѣ люди суть блаженны,
Которыхъ въ благодать всѣ мысли погруженны,
Которы свѣтскую отвергли суету,
Хранятъ святый законъ и сердца чистоту!
Въ бесѣдѣ сладостной съ Версоной Законеста
Ни ложь, ни клевета не занимаютъ мѣста,
Ни суесловія, ни праздныхъ мыслей нѣтъ,
Премудрость ихъ рѣчамъ законы подаетъ;
Ко ближнему любовь, привѣтствы, цѣлованье,
Взаимно дружество и Бога призыванье
Питали души ихъ, благословляли пиръ,
И всѣхъ пріосѣнялъ крылами тихій миръ. . .
Толико новое вкушалъ увеселенье
Владимиръ будто бы въ священномъ изступленьѣ.
Такъ Бога Авраамъ въ Мамвреѣ угощалъ,
Когда Пророка Богъ въ трехъ лицахъ посѣщалъ.
Владимиръ мыслями и духомъ возносился,
И чаялъ, что уже на небо преселился,
Что видитъ свѣтлый рай; тогда признался онъ,
Что не былъ такъ ему пріятенъ Царскій тронъ,
Ни Княжески пиры, ни громкій звукъ побѣды,
Ни слава самая, какъ сладость сей бесѣды.
О Князь! вѣщалъ ему почтенный Идолемъ,
Блаженство наше ты постигнулъ не совсѣмъ;
Ты міръ со сладостьми его возненавидишь,
Когда пріятности селеній сихъ увидишь.
Пойдемъ отсель. . . . Грядутъ излучистой стезей,
Какъ шелъ пустынею Хоривской Моисей.
Тогда широкія представили дороги
Межъ пальмовыхъ древесъ кристальные чертоги;
Тамъ своды радужный живый имѣли цвѣтъ,

Отъ стѣнъ произходилъ неизреченный свѣтъ.
Непостижимое и дивное явленье
Изъ удивленія ввергало въ удивленье.
Князь видитъ предъ собой подобное звѣздамъ
Сіянье чистое кремнистыхъ камней тамъ;
Тамъ солнечны лучи, во златѣ заключенны,
Блистаютъ изъ цѣпей тѣлесныхъ извлеченны;
Освобожденная душа сребра видна,
Сіяющая такъ, какъ свѣтлая луна;
Металлы, получивъ изъ плѣна ихъ свободу,
Изображаютъ тамъ одну кристальну воду;
Всѣ вещи видимы душевныхъ для очей
Во первобытности существенно своей,
Какими созданы они въ духовномъ мірѣ
Невидимыхъ небесъ въ сіяющей порфирѣ:
Нетлѣнны, свѣтлый видъ имущи живота,
Неувядаема была ихъ красота.
Владимиръ, видящій твореній образъ ясный,
Вскричалъ: Не здѣсь ли Богъ, не здѣсь ли рай прекрасный?
Коль вижу я не сонъ, такъ я ликую въ немъ.
Сему отвѣтствуетъ вопросу Идолемъ:
О Князь! сіе не сонъ; на что мы ни взираемъ,
Духъ чистый всѣ мѣста преображаетъ раемъ.
Для непорочныхъ душъ пустыня вертоградъ,
Въ темницѣ свѣтлый домъ, утѣха самый адъ.
Господняя рука кого къ блаженству водитъ,
Тотъ въ плоти небеса и самый рай находитъ;
Не надобно его до горнихъ возвышать,
Онъ можетъ на земли дни райски предвкушать.
Сіи въ умѣ твоемъ щипаемы призраки
Суть вещи, свергнувши съ себя плотскіе мраки,
И стали днесь они такъ чисты, какъ стекло;
Съ нихъ Слово Божіе одежду совлекло.
Блаженство видѣлъ ты и красоту небесну,
Премудрость вышнюю, но міру неизвѣстну;

Но отлучающеся ль когда отъ насъ они,
Коль Вѣры въ насъ горятъ священные огни?
Кто хощетъ въ здѣшнія селенія прибѣгнуть,
Тотъ все тѣлесное обязанъ есть отвергнуть,
Во сердцѣ темнаго сомнѣнья не имѣть,
И данны Божествомъ законы разумѣть.
На правомъ ли пути, и есть ли духъ твой въ Богѣ,
Увидѣть можешь самъ въ кристальномъ семъ чертогѣ;
Познаешь истину, познаешь самъ себя;
Тебѣ зерцало тамъ изобразитъ тебя.
Войдемъ, когда тебѣ себя познать пріятно;
Коль нѣтъ, прости навѣкъ, иди отсель обратно!

Прискорбна рѣчь сія Владимиру была,
Дрожащая слеза изъ глазъ его текла;
Онъ длани къ небесамъ трепещущи возноситъ,
И покровительства отъ вышней Силы проситъ,
И рекъ бесѣдѣ сей: Друзьями будьте мнѣ!
Вы прямо здѣсь Цари, я рабъ у васъ въ странѣ;
Откройте тайность мнѣ святой своей науки....
Съ Персоной Законностъ къ нему простерли руки,
И такъ рекли ему: Введемъ тебя во храмъ:
Но ты не ужаснись себя, Владимиръ, самъ....
Тогда чрезъ нѣкія багряновидны тѣни
Они его ввели на узкія ступени;
Не разъ на лѣствицѣ Владимиръ упадалъ,
Не разъ въ чертогъ войти стремленье покидалъ;
Трудами изнуренъ и потомъ орошенный,
Достигнулъ наконецъ во свѣтлый храмъ священный.

Великій свѣтъ его незапно озарилъ,
Смущенный Князь глаза своей рукой закрылъ;
Но блескъ, въ которомъ онъ стоялъ, не померцаетъ,

Какъ молнія, глаза смеженны проницаетъ.
Тогда внимаетъ онъ священный нѣкій гласъ,
Не рѣдко слышимый внутри сердецъ у насъ,
Но міра суета который заглушаетъ:
Чего ты ищешь, Князь? сей голосъ вопрошаетъ.
Ищу, ищу себя, Владимиръ повторялъ,
Себя, котораго я въ мірѣ потерялъ;
Ищу души моей, ищу достигнуть къ Богу!...
Обрящешь, былъ отвѣтъ, желанную дорогу;
Но ты спокойствіемъ и радостью не льстись;
Тебѣ несносенъ блескъ, отъ блеска отвратись,
Зри вспять себя!... Воззрѣлъ, сіяніе престало,
Владимиръ чистое увидѣлъ тамъ зерцало;
Искусствомъ нѣкакимъ оно сружено:
Все то, что мыслитъ кто, на немъ изложено;
Въ немъ наша чувственность изображенна ясно,
И самыя слова вѣщанныя напрасно;
Всѣ наши слабости, всѣ наши суеты;
О сластолюбіе! тамъ видимо и ты;
Тамъ видны въ лѣностномъ погибши дни покоѣ,
И словомъ, видимо и доброе и злое;
Что дѣлалъ въ животѣ, что мыслилъ человѣкъ,
Изображается какъ въ нѣдрѣ чистыхъ рѣкъ.
Въ какомъ бы и сіе безплодное творенье
При свѣтломъ зеркалѣ явилось потемненьѣ!
Владимиръ жаждою познать себя горитъ,
И внутренность свою наружнымъ окомъ зритъ;
Всѣ сгибы тайныя души своей увидѣлъ;
Владимиръ внѣшняго духовный взненавидѣлъ.
Хоть гордость въ немъ была силъ прежнихъ лишена,
Но зрѣлися ея на сердцѣ сѣмена;
И властолюбіе хотя не воскрылялось,
Но въ глубинѣ души какъ въ облакѣ скрывалось;
Еще тщеславіе сплетало въ мысляхъ вервь,
И сребролюбіе точило плоть какъ червь;

Въ груди, какъ въ нѣкоемъ затворенномъ ковчегѣ,
Таилась чувственность къ любовной сладкой нѣгѣ.
Что слабостью души Владимиръ почиталъ,
Въ томъ корень тяжкаго грѣха теперь позналъ.
Владимиръ, мерзостей отъ сей сгущенной ночи,
Стыдяся, отвратилъ слезами полны очи.
Но Идолемъ вѣщалъ какъ громкою трубой:
Владимиръ! не стыдись, но самъ борись съ собой.
И словомъ паче симъ былъ смутный Князь утѣшенъ.
Въ сей жизни человѣкъ не можетъ быть безгрѣшенъ;
Но ты безгрѣшнѣе изъ сихъ изыди мѣстъ.
Тогда вѣщалъ ему съ Персоной Законестъ:
Сражайся, Князь! и будь надъ плотью побѣдитель!
Смирилъ, смирилъ себя народовъ повелитель;
Стыдяся дѣлъ своихъ, онъ тяжко воздохнулъ,
И паки въ дивное зерцало поглянулъ:
Ту искру видитъ онъ внутри души возженну,
Которой смертному быть должно обновленну;
Явилась темною Владимиру она,
Подъ грудою мірскихъ суетъ погребена;
Сей лучь Божественный и разума свѣтило
Грѣхопаденіе во мрачность обратило,
И въ сердцѣ у того раждаетъ слабый свѣтъ,
Кто въ мірѣ яко Царь страстей своихъ живетъ.
Владимиръ, до сего живущій плоти въ тлѣнѣ,
Находитъ самъ себя страстей въ позорномъ плѣнѣ.
Какъ отрокъ, гордый Царь слезами залился,
И корень истребить страстей своихъ клялся....
Но тщетно человѣкъ такой пибѣдой льстится,

Коль съ нимъ грѣхи попрать самъ Богъ не сбе-
динится.
Тогда Владимиру явилъ еще Господь
Во плоти у него безсмертну скрыту плоть,
Покрытую корой и тлѣнностью одѣту;
Она подобилась зари небесной свѣту,
Какъ утренняя звѣзда, какъ бѣлый ленъ чиста,
Божественная въ ней сіяла красота.
Владимиръ самъ въ себѣ сладчайшій голосъ
внемлетъ:
На маковыхъ цвѣтахъ кто роскошей не дрем-
летъ,
Кто міръ совсѣмъ отвергъ, чей Богу духъ
врученъ,
Тотъ будетъ плотію такою облеченъ.
Но Бога позабывъ, кто тлѣнну служитъ міру,
Хотя златый вѣнецъ, хоть носитъ онъ порфиру,
Хотя пастушій жезлъ: такимъ сіянья нѣтъ;
Они земля, ихъ плоть подземный мракъ возметъ.
Владимиръ возопилъ во сладкомъ восхищеньѣ:
Полезно смертному такое просвѣщенье!
Клянуся именемъ вселенныя Творца,
Что въ подвигахъ такихъ пребуду до конца;
Я нынѣ сладости мірскія отвергаю;
Коль нужно то, вѣнецъ съ главы моей слагаю!
Ты можешь, Государь, найти спасенья путь,
Вѣщаемъ Идолемъ, но въ клятвѣ смѣлъ не будь;
Коль клятва, данная тобой, не сохранится,
Она тебѣ въ напасть и въ жало превратится;
Спасенья вѣчнаго намъ клятва есть залогъ;
Въ ней святость кроется, и первый клялся Богъ;
Хотя внимаема единымъ клятва слухомъ,
Но въ ней спрягается нашъ духъ съ Господ-
нимъ Духомъ.
Отъ Византійскихъ странъ грядущій человѣкъ,
Который въ подвигѣ святомъ проводитъ вѣкъ,

Кирѣ, древній Философѣ, искомый путь покажетѣ,
Какѣ душу учинить угодной Богу, скажетѣ.
Владимирѣ старца зрѣть желаньемѣ воскипѣлѣ,
И только пожелать внутри души успѣлѣ,
Вдругѣ облакѣ передѣ нимѣ низшелѣ и разступился,
И Кирѣ сѣдинами украшенный явился.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

Всѣхѣ видимыхѣ вещей сугубилась краса,
И по лицу земли простерлись небеса;
Какѣ злато чрезѣ огонь искусствомѣ очищенно,
Все краше зрѣлося, все паче освѣщенно;
Благоуханіе повсюду разлилось,
И слаще пѣніе по рощамѣ раздалось.
Вѣ то время возгласилѣ Владимирѣ восхищенный:
Не ты ли видимѣ здѣсь, не ты ли, Кирѣ священный?
Ѣѣ лицѣ являющій блаженство и покой,
Держащій хартію врученную рукой,
Глаголетѣ Кирѣ Царю, глаголетѣ гласомѣ лирнымѣ,
Который наполнялѣ бесѣду чувствомѣ мирнымѣ:
Я грѣшный старецѣ Кирѣ; являяся Царю,
Не собственну мою, Господню власть творю!
Всевышнимѣ изо стѣнѣ изѣятый Византійскихѣ,
Достигѣ я со трудомѣ, достигѣ градовѣ Россійскихѣ;
Но мнѣ ли при моихѣ послѣднихѣ сѣдинахѣ,
Ахѣ! мнѣ ли сѣтовать о скорби и трудахѣ?
Я радѣ, о Государь! радѣ жизни я лишиться,
Священный мой предлогѣ лишь могѣ бы мной свершиться!

Владимиръ симъ словамъ со сладостью внималъ,
И Кира мудраго въ восторгѣ обнималъ;
Но старецъ рекъ: Я зрю содѣйствіе небесно;
Твое стремленіе, Владимиръ, мнѣ извѣстно;
Тебя къ блаженству Богъ и движетъ и влечетъ,
И скоро благодать во грудь твою втечетъ;
Но всѣхъ трудняй побѣдъ надъ чувствами побѣда! . . .
Ты гласъ мой подкрѣпи, священная бесѣда!
Владимиръ возопилъ: Мнѣ явенъ вышній Богъ;
Но, старче, свойствъ Его постигнуть я не могъ.
Я Бога зрю во тмѣ, яви мнѣ Бога въ свѣтѣ....
Киръ тако на сіе сказалъ въ его отвѣтѣ:
Возсядь, о Государь! бесѣдовать со мной;
Мы здѣсь ограждены священной тишиной.
Возсѣли, гласы вдругъ поющихъ замолчали,
Ручьи умолкнули, потоки не журчали;
Престали хоры птицъ поющихъ межъ древесъ:
Казалось, въ лучшій свѣтъ облекся сводъ небесъ;
Цвѣтки приближились, зефиры съ горъ слетѣли;
Какъ будто всѣ внимать бесѣдѣ сей хотѣли.
Отверзъ душевныя Владимиръ ушеса,
И рѣчи полились какъ сладкая роса:
О Князь! глаголетъ Киръ, что вѣдать было нужно,
То внутренно тебѣ открыто и наружно;
Ты зорю истины въ жилищѣ видѣлъ семъ,
И просвѣтилъ тебя искусный Идолемъ;
Священныхъ словъ его не нужно повторенье:
При солнечномъ на что свѣтильникъ озаренье?
Дверь первая тебѣ, о Князь! отворена,
Натура Божествомъ гдѣ есть озарена;
Премудрость Божію ты видѣлъ начертанну,
Но душу не позналъ въ творенія вліянну.
Не льстися никогда постигнуть Божества;

Оно отъ нашего сокрыто существа.
Вовѣкъ Божественныхъ мы таинствъ не измѣримъ;
Но Бога познаемъ, коль Богу твердо вѣримъ.
Всея вселенныя громода, красота,
Есть Вышняго руки единая черта;
Движеніе міровъ лишь перста мановенье;
Дыханье тварей всѣхъ единое дхновенье;
Во славѣ искони Создатель пребывалъ,
Во бытіи своемъ единъ существовалъ;
Еще небесна твердь звѣздами не сіяла,
Но мудрость Божія вселенну озаряла.
Ни солнца не было, ни моря, ни земли,
Но Богъ смотрѣлъ на нихъ изъ вѣчности вдали.
Какъ зодчій, предъ собой имѣя начертанье,
Обьемлетъ разумомъ предбудущее зданье:
Такъ Богъ вселенну зрѣлъ, въ ней плавалъ какъ Творецъ,
Начало бытія Онъ видѣлъ и конецъ;
Все видѣлъ, вѣчными одѣянъ небесами,
Какъ наше бытіе мы ощущаемъ сами.
Парящій Божій Духъ надъ мрачной бездной зри;
Живѣе молній Онъ, блистательнѣй зари;
Безбрежный окіянъ вселенной Онъ преходитъ,
Во тмѣ Онъ свѣтится, творенья производитъ;
Проистекаетъ Онъ изъ Божьихъ вѣчныхъ устъ.
И міръ наполнился, который зрѣлся пустъ;
Изъ мыслей Божіихъ изтекшее творенье
Пріемлетъ образъ, чинъ, порядокъ, озаренье;
Напечатлѣлъ Себя во существахъ Господь,
Его премудрость намъ вѣщаетъ кажда плоть.
Сѣдящъ со славою на тронѣ Богъ высокомъ,
Молчащимъ озарялъ свое созданье окомъ;
Все было въ тишинѣ, все стройно, все красно;
Но возмутилося твореніе одно:

Вина смятенія и корень шума злостный,
Во глубинѣ вѣковъ былъ Ангелъ свѣтоносный;
Изъ темныхъ нѣдръ своихъ онъ гордость почерпнулъ,
Въ немъ духъ премудрости смутился и уснулъ;
Возникли мрачныя въ разсудкѣ помышленья,
Самъ собственно въ себѣ искалъ увеселенья;
Во свѣтлое свое влюбленный существо,
Не въ Богѣ, но въ себѣ почтилъ онъ Божество:
Тогда сокрытый мракъ въ груди его развился,
Со свѣтомъ смѣшенъ сталъ и пламенемъ явился,
Затмилась чистота бѣлѣюща какъ снѣгъ,
Палъ Ангелъ, и кругомъ стихіи онъ возжегъ;
Разстался навсегда съ небеснымъ свѣтлымъ домомъ,
Во преисподнюю низверженъ Божьимъ громомъ!
Мятежны Ангелы, послушные ему,
Съ нимъ купно со небесъ въ бездонну пали тму.
Но врагъ усилился потомъ въ стихійномъ мірѣ;
Ты самъ его почтилъ въ Перуновомъ кумирѣ,
И Богомъ всѣ его народы признаютъ,
Нетлѣннаго въ вещахъ которы тлѣнныхъ чтутъ.
Палъ Ангелъ; но Творецъ златаго въ нѣдрахъ вѣка
Какъ перстомъ начерталъ сей міръ и человѣка.
Труднѣе всѣхъ наукъ, некончимая вѣкъ,
Для человѣка есть наука: человѣкъ;
Изъ міра цѣлаго Всевышнимъ сокращенный,
Онъ самъ во существѣ міръ малый, совершенный;
Изъ тварей всѣхъ извлекъ чистѣйшее Господь,
И вдунулъ духъ живый въ его небесну плоть;
Онъ точка средняя, онъ сердце всей природы,
Въ немъ воздухъ и земля, въ немъ скрыты огнь и воды.
Какъ солнце возсіялъ сей образъ Божества,

И помрачилъ всего пригожство естества;
Но услаждался онъ своею славой мало!
Внемли паденія Адамова начало. . . .
Священну повѣсть Киръ внимательно протекъ,
Какъ созданъ былъ и палъ изъ свѣта человѣкъ.
Истолковалъ Царю преданій смыслъ буквальный,
Потомъ открылъ и свѣтъ и духъ во буквахъ дальный.
Святыя письмяна, онъ рекъ, суть тайный храмъ:
Яснѣе вышнихъ звѣздъ премудрость скрыта тамъ.
Во всю вселенную какъ крылья простирая,
Премудрость Божія преходитъ въ край изъ края;
Не умаляется, не тратитъ силъ Она,
Всегда равно свѣтла, всегда равно сильна;
Все въ мірѣ зритъ Она, и все одушевляетъ;
Родитъ, къ рожденію всю тварь приготовляетъ;
Она есть Божій лучь, Она великій свѣтъ;
Ничто нечистое со свѣтомъ не живетъ;
Она прозрачное Господнее зерцало,
Есть Божій ликъ, и съ Нимъ не разнствуетъ ни мало;
Единственна Она, но дѣйствуетъ во всемъ;
Она цѣла вездѣ, не рушится ни чѣмъ;
Ліется на людей обильнѣй водныхъ токовъ,
Всему даетъ животъ и дѣлаетъ Пророковъ;
Свѣтила дневнаго прекраснѣе горитъ,
Звѣздамъ даетъ законъ и блески имъ даритъ;
Она Господнее дыханіе и слово,
Содревно Божеству, всегда во тварях ново;
Природы всей Она распредѣляетъ чинъ,
Вселенныя душа, Спаситель, Божій Сынъ!
Отца и Духа намъ который указуетъ,
Онъ цѣпь, что кажду тварь съ Творцемъ ея связуетъ.

Кто сей Господній ликъ? ты сдѣлаешь вопросъ;
То Богъ и Человѣкъ, Спаситель нашъ, Христосъ.
Тебѣ повѣдалъ я Адамово паденье,
Повѣдалъ грѣхъ его, повѣдалъ искушенье;
Но вѣдай, Князь! и вѣрь, что древо и Адамъ
Не есть никто другой, но все сіе ты самъ;
Добро и свѣтъ и мраки въ насъ вмѣщенны,
Мы должны быть въ раю, иль адомъ поглощенны.
Тебѣ о томъ плодѣ, о Князь! я возвѣстилъ,
Которымъ праотцевъ лукавый змій прельстилъ;
Пресвѣтлая ихъ плоть, во мрачность обращенна,
Въ убійственномъ плодѣ вся злость была вмѣщенна;
Коварство, гордость, лесть, надменности ума,
Пороки скотскіе, болѣзнь и смерть сама,
Все крылось яко змій въ плодѣ, толико маломъ,
И всякое добро своимъ убило жаломъ,
Единой не могло въ плодѣ отравы быть,
Могущей изъ сердецъ надежду истребить.
Отъ кающихся Богъ не вовсе отвратился,
Онъ, весь надеждой ставъ, въ сердцахъ у нихъ свѣтился.
Женой содѣянну на небеси вину,
Въ завѣтѣ положилъ очистить чрезъ жену.
Сію-то истину язычники познали,
Когда они кивотъ Пандоринъ воспѣвали!
Создатель, тварь свою покоя и любя,
Намъ Сына даруетъ, намъ даруетъ Себя.
Низверглись грѣшники въ неизмѣримы бездны;
Но люди ихъ Творцу еще, еще любезны.
Толико милосердъ быть можетъ Богъ единъ!
Въ срединѣ всѣхъ вѣковъ родился Божій Сынъ.
Весь міръ Всевышняго угодно было Сыну
Возставить всѣхъ вещей чрезъ сердце и середину;

Во человѣчествѣ очистить кажду плоть,
Да паки свѣтить въ нихъ какъ солнце ихъ
Господь.
Гонимый праотецъ Создателевымъ гнѣвомъ,
Отъ древа погубленъ, спастися долженъ древомъ:
Спаситель смертью грѣхъ Адамовъ умертвилъ,
Но воскресеніемъ вселенну оживилъ;
Онъ все то примирилъ, что Богъ изрекъ во гнѣвѣ.
Коль сердце, Государь, испортится во древѣ,
Изсохнетъ корень весь и вѣтви отпадутъ;
Древа паденія намъ образъ подаютъ:
Какъ будто въ древѣ мы въ Адамѣ поврежденны,
Въ Христѣ очищены и снова возрожденны.
Да паки свѣтится во человѣкахъ свѣтъ,
Преподанъ новый намъ Мессіею завѣтъ;
Не можетъ зримымъ Богъ для тварей учиниться
И въ человѣчествѣ благоволилъ явиться.
Но тѣмъ спасенья нѣтъ, не знаетъ кто Христа;
Священникъ Божій Онъ, Онъ сердце, Онъ уста,
Онъ вѣчная душа, Онъ то живое тѣло,
Которо въ небесахъ сіяніе имѣло,
Которымъ былъ Адамъ въ сіяніи одѣтъ.
Двумя путями, Князь, во свѣтѣ всякъ идетъ.
Внемли сему, внемли, и ты увидишь нынѣ
Два оные пути въ предивной сей картинѣ;
Ее Апостолъ мнѣ въ странѣ твоей вручилъ,
Который твой народъ спасенію училъ.
Что будетъ здѣшній край, край свѣтомъ
озаренный,
Сіе глаголетъ крестъ, Андреемъ водруженный.
Врученну хартію священный мужъ открылъ;
Владимиръ взоръ въ нее внимательный вперилъ:
Небесной кистію на ней изображенно,
Что людямъ въ будущемъ судѣ предположенно;
Которa послѣ бурь намъ красны дни сулитъ,
Во свѣтѣ зрится тамъ дуги небесной видъ;

На немъ изображенъ какъ солнце Мужъ сѣдящій,
Въ одной рукѣ вѣсы, другою пальмъ держащіи;
Небесны Ангели летаютъ вкругъ Него,
Трепещутъ и они передъ лицемъ Его;
Пресвѣтлый зрится градъ отверзтый одесную,
И бездна, пламенемъ горящая, ошую.
Владимиръ возопилъ: Коль страшны виды тутъ!..
Киръ Князю отвѣчалъ: Се Божій вѣчный судъ!
Дорогу видишь ты цвѣтущу, равну, пряму:
Се путь, кто древнему послѣдуетъ Адаму;
Тамъ слава громкая съ трубами смертныхъ ждетъ,
Тамъ гордость на поляхъ кровавы лавры жнетъ,
Тамъ злато, тамъ пиры и прелести плотскія;
Но въ вѣчный мракъ ведутъ веселости такія.
Взгляни, о Государь! на тѣсный путь Христовъ:
Онъ скользокъ, нѣтъ на немъ ни злата, ни чиновъ;
Но въ нѣдра самъ Господь идущаго пріемлетъ.
Со удивленіемъ тогда Владимиръ внемлетъ
Сладчайше пѣніе небесныхъ вышнихъ силъ,
И видитъ градъ, гдѣ Богъ святыхъ мужей вмѣстилъ;
Златые зримы тамъ престолы утвержденны,
На коихъ возсѣдятъ тѣ старцы треблаженны,
Въ послѣднихъ временахъ которы грѣшнымъ судъ
Въ совѣтѣ Божіемъ торжественно рекутъ.
Написанныхъ вещей такое оживленье
Царя повергло въ страхъ, повергло въ умиленье;
Трепещущую грудь слезами оросилъ,
И воздыхающій у Кира вопросилъ:
Повѣдай, старче, мнѣ, какое грѣшнымъ бѣдство
Готовитъ въ вѣчности судящій Богъ въ наслѣдство?
Яви мнѣ, отче мой, цвѣтущій оный путь,
Которымъ горняго селенья досягнуть?

Кирѣ тако на сіе: Создатель смертныхъ роду
При ихъ паденіи оставилъ имъ свободу;
Свободны суть они едино избирать:
Иль въ небѣ вѣчно жить, иль вѣчно умирать.
Мы въ Богѣ движемся, мы въ Богѣ мыслимъ, дышимъ,
Но, ахъ! не зримъ Его, не чувствуемъ, не слышимъ.
На насъ нашъ Богъ съ небесъ безпрестанно зритъ,
Глаголетъ въ молніяхъ, во громахъ говоритъ;
Кипящія моря, колеблемыя горы,
Всевышняго слова, суть Божьи разговоры;
Бесѣдуетъ Онъ къ намъ при солнцѣ, при лунѣ,
Вѣщаетъ въ буряхъ намъ, вѣщаетъ въ тишинѣ.
Когда печалями Онъ смертныхъ посѣщаетъ,
Когда насъ милуетъ, я Богъ вашъ! намъ вѣщаетъ;
Но мы, подъ тяжестью своихъ мірскихъ оковъ,
Самихъ себя любя, не слышимъ Божьихъ словъ,
Не слышимъ, буйствуемъ, тщеславимся, гордимся,
И падшимъ ангеламъ подобны становимся,
Иль тварью дѣлаемъ Творца мы своего. . .
Есть стадо малое у Пастыря сего,
Которо истину и чувствуетъ и внемлетъ;
Но весь оставшій міръ подъ тѣнью смерти дремлетъ.

О Князь! несходственной различности вонми
Между блаженными и грѣшными людьми:
Зри первыхъ въ Божіи обѣтія грядущихъ,
Ликующихъ въ садахъ, на небеси цвѣтущихъ;
Ты видишь грѣшниковъ, падущихъ въ вѣчный мракъ,

Всевышній отвратилъ отъ нихъ пресвѣтлый зракъ;
Сей гнѣвъ уныніе такое производитъ,
Какъ будто бы душа изъ тѣла вонъ изходитъ.
Померкнутъ звѣзды вдругъ и солнце и луна,
Парящихъ крылъ своихъ лишатся времена,
Изчезнетъ океянъ, вселенная увянетъ,
Растаютъ небеса и страшный судъ настанетъ;
Всѣхъ тварей возбудить Всевышній повелитъ.
Се Ангелъ съ высоты, какъ бурный вихрь летитъ;
Боязни вкругъ него на крыліяхъ несомы,
Живыя молніи, глаголющіе громы;
Двѣ ноги у него какъ огненны столпы,
Колѣна облака, туманъ его стопы;
Какъ буря рамена, молніевидны очи,
Одѣтъ онъ тучами чернѣе темной ночи.
Вострубятъ Ангели въ ужасный оный часъ,
И вся вселенная услышитъ трубный гласъ.
Какъ будто молнія за молніей сверкая,
Или Ирканскій левъ, въ глухихъ степяхъ рыкая,
Вдругъ звучная труба надъ бездной возгремитъ,
Что смерть похитила, то паки возвратитъ.
Явится въ оный часъ не новое творенье;
Но паки бытія явится озаренье.
Зри таинство суда! смотри, о Князь! внемли,
Се паки человѣкъ изходитъ изъ земли;
Ничто онъ былъ, сталъ прахъ, изъ праха вновь родится;
Богъ тако все творитъ, то льзяль сему дивиться?
Но здѣсь затворятся раскаянью врата,
И судъ намъ изрекутъ Господнія уста. . . .
Колико страшенъ адъ, то здѣсь напечатлѣнно.
Явилось все тогда предъ Княземъ оживленно;
Какъ будто подлинно отверзся адъ предъ нимъ,

Онъ пламень чувствуетъ, вкушаетъ горькій дымъ;
Ему глубокая въ туманѣ бездна зрима,
Обширностью своей она неизмѣрима;
Кругомъ великаго пространства изваянъ
Зіяетъ пламенемъ горящій океанъ;
Изъ мрака вѣчнаго сложились тверды своды,
Погибшихъ навсегда лишающи свободы;
Тамъ нѣкій тусклый свѣтъ простерся по земли,
Подобный зареву, свѣтящему вдали;
Но темный оный свѣтъ не зрѣніе прельщаетъ,
Лишь только ужасы геенски освѣщаетъ.
Отчаяніе тамъ, терзающе власы,
Клянетъ текущіе въ мученіяхъ часы;
Тамъ Скука царствуетъ, склонивъ чело въ колѣни;
Повсюду царствуютъ тоскующія тѣни,
И грѣшнымъ ихъ грѣховъ изображаютъ ядъ.
Грызенье совѣсти лютѣйшій самый адъ!
Тамъ дышущая Грусть, одушевленны Страхи,
Тамъ въ вихряхъ грѣшники вращаются какъ прахи;
Со пламеннымъ бичемъ ужасна Месть видна,
Зміями хищными увита вкругъ она,
Подобны молніямъ повсюду взоры мещетъ,
Весь воздухъ стонетъ вкругъ, земля подъ ней трепещетъ;
Какъ черная смола въ ней кровь, въ ней кровь кипитъ;
Все кроетъ смертный сонъ, но Мщеніе не спитъ;
Чреватo злобами, и день и нощь страдаетъ,
Рожденно Зло отъ ней золъ тысящи раждаетъ;
Изчадія сіи, разсыпавшись какъ градъ,
По безднѣ рѣются и грѣшниковъ разятъ,
Недремлющи вовѣкъ, вовѣкъ они не праздны,
Мученья грѣшникамъ изобрѣтаютъ разны.

О! кто страдаетъ здѣсь, Владимиръ возопилъ,
И смертный сонъ его еще не усыпилъ?
Киръ тако на сіе: Се сластолюбецъ страждетъ;
Онъ похотей плотскихъ по смерти въ адѣ жаждетъ;
Но прелестей мірскихъ во преисподней нѣтъ,
И сей глотаетъ огнь, его который зжетъ;
Преображаются житейскія прохлады
Во адѣ въ горькій дымъ, въ пронзительные яды.
Неправедны судьи тамъ слезы тѣ піютъ,
Обиженны отъ нихъ которыя ліютъ.
Владимиръ вопросилъ: Чья тѣнь толь горько стонетъ?
Я вижу, что она въ горящей безднѣ тонетъ,
Схватиться думаетъ за что ни есть она,
Но гибнетъ, кроется и не находитъ дна.
Се тѣнь, вѣщаетъ Киръ, тѣнь грѣшника такова,
Который никому не сдѣлалъ въ жизнь покрова,
О благѣ собственномъ во дни свои радѣлъ,
Нещастныхъ презиралъ, о ближнихъ не жалѣлъ.
Никто о немъ теперь по смерти не жалѣетъ:
Достойное сей грѣхъ возмездіе имѣетъ! . . .
Се грѣшника несетъ кипящій кровью валъ,
Для выгодъ собственныхъ онъ друга предавалъ;
Ко прелестямъ мірскимъ исполненный любови,
За щастіе платилъ цѣною ближнихъ крови.
Простри твой взоръ, простри ко грѣшнику сему;
Онъ, чая свѣтъ найти, впадаетъ въ вѣчну тму;
Во преисподнюю лежитъ ему дорога:
Се черная душа, враждующа на Бога.
Онъ въ жизни истину небесну отвергалъ,
И суемудрствуя, другихъ въ обманъ ввергалъ.

Владимиръ старцу рекъ: Но чьи мнѣ зрятся тѣни,
Въ геенне вышнія заемлющи степени?
Мнѣ мнится, что они, во мракѣ обувъ,
Другъ друга утѣснивъ, свергаются стремглавъ?
Се души гордыя! вздыхая Киръ вѣщаетъ:
Геенна страсти ихъ, ни тма не укрощаетъ;
О коль сія гнусна, о коль презрѣнна страсть!
Восходятъ въ высоту, дабы имъ глубже пасть.
Здѣсь казни нашими устроенны дѣлами:
Мучитель изъязвленъ горящими стрѣлами;
Неправосудіе, суровость, зависть, лесть,
Пріобрѣтутъ себѣ во тмѣ кромѣшней месть.
Въ кипящихъ плаваютъ металлахъ сребро-
любцы;
На острыхъ возлежатъ кинжалахъ душегубцы;
Унылостію всѣ наполнены мѣста.
И льзяль отрадѣ быть? здѣсь нѣтъ, здѣсь
нѣтъ Христа!
Здѣсь нѣтъ Ходатая, ни Пастыря для грѣшныхъ,
Оставлены они въ страданьяхъ безутѣшныхъ;
Богъ всякое добро отъ ада отлучилъ,
И адъ въ самомъ себѣ всѣ злости заключилъ.
О благѣ въ вѣчности и мысли потушенны,
Надежда тамъ чужда, покоя всѣ лишенны;
Напрасно страждущій на помощь смерть зо-
ветъ,
Сей бѣднымъ помощи, во адѣ смерти нѣтъ. . . .
Киръ тако рекъ Царю, потоки слезъ ліющій:
Вотъ жребій, Государь! людей развратныхъ
ждущій.
Но пусть не кроетъ тма, пускай не бу-
детъ мукъ,
И грѣшникъ наконецъ преходитъ въ вѣчность
вдругъ;
Но есть ли мукамъ симъ подобное мученье,

Навѣки отъ лица Господня отлученье?
Возможноль бытію мучительнѣй страдать,
Какъ ей Создателя вовѣки не видать?
Къ источникамъ своимъ во свѣтѣ все стремится.
Коль горько тварямъ съ ихъ Творцемъ не съединиться!
И можно ли тогда соединиться съ Нимъ,
Когда Онъ чистый свѣтъ, мы тмою быть хотимъ?
Но, ахъ! и муки есть, ахъ! есть онѣ конечно,
И будетъ грѣхъ казнимъ не временно, но вѣчно.
Грѣхъ есть пріемлемый самоизвольно ядъ,
Который яко цѣпь влечетъ людей во адъ;
И долженъ грѣхъ въ сію стихію превратиться,
Какую привлечетъ, какою заразится. . . .
Тамъ будетъ гнѣвъ огнемъ, суровость вѣчнымъ льдомъ,
Болѣзни, скрежетъ, плачь, развратностей плодомъ;
Въ уныніе впадутъ разсыпанные нравы,
Отнимутся отъ нихъ навѣчность всѣ забавы;
Оставитъ сѣмена живуща въ сердцѣ злость,
Душа возстраждетъ такъ, какъ ноющая кость;
Тѣ муки, грѣшниковъ которы ожидаютъ,
Заблаговремянно они въ себѣ раждаютъ,
И краткихъ жизни сей въ теченіи минутъ
Что сѣяли они, то въ вѣчности пожнутъ.
Во пламенныхъ волнахъ тѣ души погрузились,
Которы на земли кумирамъ поклонились,
Кумирамъ и богамъ, не каменнымъ однимъ,
Но гордости своей и прелестямъ мірскимъ,
Мздоимству, роскошамъ, плотскимъ увеселеньямъ,
Стяжанью, клеветамъ, душевнымъ ослѣпленьямъ.
Здѣсь видишь грѣшникамъ готовые огни,

Коль не покаются, кончая жизнь, они. . . .
Ни жертвы, ни слова Создателю не внятны,
Лишь чистыя сердца одни Ему пріятны.
Зри, души на судѣ страдальцевъ возстаютъ,
Отмсти за нашу смерть! на небо вопіютъ.
Прочти на ихъ челахъ, прочти напечатлѣнны
Убійцевъ имяна, кѣмъ были умерщвленны.
Се братъ мой Ярополкъ! Владимиръ возопилъ,
И токомъ горькихъ слезъ ланиты окропилъ.
Се братъ твой! Киръ сказалъ; и грѣхъ равно казнится,
Царемъ, иль подданнымъ убійство учинится.
Не мысли, что единъ лишаетъ жизни мечь;
Лишаетъ жизни взглядъ, черта одна и рѣчь.
Начальникъ, или Князь, во гнѣвѣ ихъ суровомъ
Убить невиннаго единымъ могутъ словомъ.
Неправеднымъ судомъ кто ближняго убьетъ,
Подобно яко тать Творцу отвѣтъ даетъ. . . .
Владимиръ возопилъ: Такъ буду я конечно
За братню смерть страдать, страдать во адѣ вѣчно:
Я каюсь во грѣхѣ! . . . О старче! но скажи,
И узы тяжкаго сомнѣнья развяжи:
Толь щедрый ли Творецъ и Богъ свое созданье
Удобенъ осудить на вѣчное страданье?
Киръ тако на сіе: Богъ, тварей сотворивъ,
Ко тварямъ милосердъ, однако справедливъ.
Мученья слѣдствія дѣлъ нашихъ, не отмщенье,
Рай воздаяніе, мытарствы очищенье;
Не щедрый насъ казнитъ перуномъ Богъ своимъ,
Но сами мы себя дѣяньями казнимъ.
Когда златый песокъ со прахами смѣсится,
И злато яко прахъ презрѣнно становится,
Теряетъ чистоту, теряетъ блескъ оно,
Во грудѣ темноты является темно.

Всякъ грѣшникъ злато есть, со прахами смѣшенно.
Когда во свѣтѣ все, все будетъ совершенно,
Въ улику совѣсти, въ страданіе душамъ
Явится предъ судомъ Спаситель міра намъ;
Намъ раны Онъ свои, намъ кровь свою покажетъ;
За васъ Я пострадалъ, за васъ Я умеръ! скажетъ;
Я съ вами плотью былъ и кровью сопряженъ,
Но вами, грѣшники! забытъ, пренебреженъ,
Поруганъ, убіенъ! . . . Се движетъ Богъ громами,
И Я иду къ Нему, иду судиться съ вами.
Владимиръ возопилъ: Что дѣлать я могу,
Да муки вѣчныя и казни избѣгу?
Увы! я совѣстью терзаюсь обоюдно:
Мученье горько мнѣ, спастися въ мірѣ трудно!
Не трудно, Государь, премудрый старецъ рекъ;
Не ради вѣчныхъ мукъ родится человѣкъ;
Дорогу къ небесамъ, покрытую цвѣтами,
Наполнить мы хотимъ колючимъ терномъ сами:
Противу нашихъ силъ мы совѣсть бременимъ,
И тягостнымъ завѣтъ Всевышняго чинимъ.
Законовъ не далъ Богъ, о Князь! сіе не ложно,
Которыхъ смертному исполнить не возможно.
Какъ чадамъ предписалъ намъ подвиги Творецъ;
Начало горько ихъ, но сладостенъ конецъ.
Но отвратимъ, о Князь! печальны наши очи
Отъ поражающей и страшной вѣчной ночи:
Смущаетъ мысль твою видѣніе сіе.
Къ Едему обрати вниманіе твое;
Воззри на горнія селенія прекрасны,
Законамъ естества которы не подвластны;
Здѣсь крылія свои простерла тишина,
Здѣсь вѣчность началась, изчезли времена;
Змій древній узами лежитъ во тмѣ окованъ
И бракъ торжественный для Агнца уготованъ;

Во градѣ Божіемъ устроенъ общій пиръ,
На пиръ сей приглашенъ преображенный міръ.
Женихъ въ Божественной является коронѣ
Съ Его невѣстою на лучезарномъ тронѣ;
Съ Нимъ старцы на златыхъ престолахъ возсѣдятъ,
Какъ звѣзды лики ихъ сіяніемъ блестятъ:
Се добрые Цари къ трапезѣ пріобщенны,
Вельможи кроткіе межъ ими помѣщенны.
Тѣ, коихъ можетъ быть преступниками чтутъ,
Во славѣ видимы, въ одеждахъ свѣтлыхъ тутъ.
Почтенны пастыри ликуютъ въ Божьемъ градѣ,
Которы о своемъ пеклись духовномъ стадѣ;
Трапезой Ангели сихъ пастырей почли,
Они ихъ свѣтлый ликъ носили на земли. . . .
Тѣ слезы, бѣдные которы проливали,
Имъ слезы перлами и сладкимъ сотомъ стали;
Изчезла здѣсь алчба и жаждущаго гладъ;
Для праведныхъ отверзтъ, для сирыхъ Божій градъ.
На лонѣ Жениха во славѣ люди зримы,
Что были на земли обидимы, гонимы,
Презрѣнны, мучимы, людьми утѣснены;
Всѣмъ лавры страждущимъ торжественны даны.
Душевной гордостью, о Князь! прельщенъ не буди;
Предъ Божіимъ лицемъ равны, равны всѣ люди:
Вельможа, рабъ и Царь сіяютъ въ Богѣ тамъ;
Не по степенямъ Онъ, но судитъ по дѣламъ.
Нечистой мѣста нѣтъ душѣ во градѣ злачномъ,
Она прійти должна во одѣяньи брачномъ;
Благочестивыхъ душъ градъ Божій есть чертогъ,
Всѣ люди въ немъ сыны, отецъ симъ чадамъ Богъ;
Въ селеніяхъ они прекрасныхъ обитаютъ,
Изъ свѣта въ лучшій свѣтъ всегда перелетаютъ;

Одни веселости и мысли у Святыхъ,
Единая душа, едино сердце въ нихъ;
И словомъ, будто бы настроенная лира,
Согласны части всѣ Божественнаго міра.
Такой на небесахъ вкушалъ блаженный вѣкъ,
Доколь не согрѣшилъ въ Едемѣ человѣкъ;
Когда бы на земли и мы не согрѣшали,
Мы здѣсь бы райскія утѣхи предвкушали.
Но зри всего конецъ въ послѣднихъ временахъ,
Гдѣ наши Богъ дѣла измѣритъ на вѣсахъ;
Зри Божіе лице какъ молніи блестяще,
И правосудіе престолу предстояще;
Сквозь многія оно проникнувъ времена,
Всѣхъ грѣшныхъ съ трепетомъ читаетъ имена.
Молніеносный взоръ Всевышній обращаетъ,
Идите отъ Меня проклятіи! вѣщаетъ.
Сей страшный гласъ по всей вселенной возгремитъ,
Вся міра внутренность трепещетъ и дрожитъ,
Зіяютъ пламенемъ дыхающія бездны.
Коль страшны грѣшникамъ, о коль минуты слезны!
Сраженъ перунами, безбожникъ въ тму падетъ,
Среди жестокихъ мукъ грабитель вопіетъ;
Подъ тяжкою горой вращаясь гордый, стонетъ;
Мучитель пораженъ, въ волнахъ кипящихъ тонетъ;
Казнится явно зло, казнится тайный грѣхъ:
Богъ хощетъ, кажется, низринуть въ бездну всѣхъ.
Но Милость, восходя престола на степени,
Повергласъ во слезахъ предъ Богомъ на колѣни,
Умильность на челѣ, любовь въ очахъ у ней;
За грѣшныхъ молится, и Богъ внимаетъ ей:
Онъ, книгу давъ суда возлюбленному Сыну,

Изгладитъ всѣхъ грѣховъ изъ книги половину,
Седьмицею седьмь кратъ на каждый день проститъ,
И кто призналъ свой грѣхъ, Онъ въ рай того вмѣститъ;
Устроитъ небо тѣмъ, устроитъ землю нову,
Которы яли плоть и пили кровь Христову.
Тогда разверзутся надъ бездной небеса,
И животворная польется низъ роса;
Очистится весь міръ, вселенна смерть забудетъ,
Единый Пастырь въ ней, едино стадо будетъ.
Старайся быть въ числѣ избранныхъ Божьихъ чадъ,
Съ Мессіей внидешь въ рай, съ Адамомъ внидешь въ адъ.
Всевышній каждаго къ раскаянію нудитъ,
Но по дѣяніямъ, и по щедротамъ судитъ.
Не отлагай ни дня, ни отлагай часа,
Всегда къ намъ близокъ путь иль въ адъ, иль въ небеса;
Единаго изъ двухъ ты жертвой становишься;
Каковъ при смерти былъ, таковъ къ суду явишься.
Кумирною доднесь еще покрытый тмой,
Въ грѣхахъ лежащу плоть крещеньемъ, Князь, омой;
Тогда сомкнетъ уста для Россовъ преисподня,
Не ты ее сомкнешь, сомкнетъ рука Господня;
Пойдешь ты къ небесамъ съ степени на степень. . . .
Царь древо вѣтвисто, народъ древесна тѣнь;
Вершину гордую куда оно склоняетъ,
Съ нимъ купно тѣнь свои мѣста перемѣняетъ.
Крещеніемъ, о Князь! Россію озари,
И Богу разумъ твой и волю покори.
Не мысли, что даю совѣтъ престолъ оставить;

Ты долженъ, Князь, владѣть, ты долженъ
Царствомъ править;
Порфира, на твои взложенна рамена,
Велитъ тебѣ носить правленья бремена;
Вѣнецъ, глава твоя которымъ покровенна,
То знакъ, что правда съ нимъ должна быть
сопряженна.
Жезлъ пастырскій, или врученный скиптръ
Царямъ,
Подобитъ стражамъ ихъ, а подданныхъ стадамъ;
Коль истину въ виду имѣло ихъ правленье,
Сторичное они получатъ вожделѣнье;
Но Царь неправедный, каковъ ни славенъ онъ,
Не оправдится тѣмъ, что онъ наслѣдилъ тронъ.
Едину всѣмъ отверзъ Господь къ себѣ дорогу:
Пастухъ и Царь идутъ сквозь тѣсны двери
къ Богу.
На небо путь найти, не всѣмъ оставить свѣтъ;
Спастися можетъ всякъ и въ мірѣ кто живетъ.
Люби ты ближняго, терпи, имѣй смиренье,
Душа твоя и плоть получатъ озаренье.
Версону съ женихомъ представь, о Князь! себѣ:
Что сдѣлалъ Богъ для нихъ, сулитъ сей Богъ
тебѣ,
И будетъ плоть твоя чиста, свѣтла, нетлѣнна.
Сію-то истину должна познать вселенна!
Владимиръ, погруженъ въ задумчивость,
молчалъ,
И тако наконецъ онъ старцу отвѣчалъ:
О Киръ, премудрый Киръ! дай малое мнѣ время
Съ народа и съ меня кумирно свергнуть бремя;
Священной важности исполненъ твой законъ,
Но тяжекъ для меня и труденъ мнится онъ:
Колико будетъ онъ для подданныхъ труднѣе!
Тяжелѣ для очей, чѣмъ свѣтитъ свѣтъ яснѣе.

Привыкли мы ко тмѣ. . . Едва онъ рекъ, въ той часъ
Военныхъ звучныхъ трубъ промчался быстрый гласъ,
Весь воздухъ возшумѣлъ, громъ звуки умножаетъ;
Владимира печаль и ужасъ поражаетъ,
Трепещетъ сердце въ немъ, онъ съ воплемъ говоритъ:
Иль гибнетъ мой престолъ, иль близко брань горитъ!
Съ иноплеменными народъ мой въ ополченьѣ:
Коль бѣдственно мое отъ града отлученье!
Онъ рекъ, и вдругъ какъ дымъ изчезла прелесть мѣстъ,
Сокрылся съ старцемъ Киръ, съ Версоной Законестъ;
Затмились небеса, изшелъ туманъ подземной;
Владимиръ ощутилъ себя въ дубравѣ темной.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Повѣдай, Муза, мнѣ звучащихъ трубъ вину,
Предвозвѣщающихъ кровавую войну!
О царствующе зло во всѣ текущи вѣки,
Война! когда тебя забудутъ человѣки?
И сокращаючи свои недолги дни,
Когда почувствуютъ, что братья суть они?
Смягчатся ли когда жестокосерды нравы,
И кровь престанутъ лить для тщетной въ мірѣ славы?

Но возмущающій Владимира въ сей часъ
Не ратныя трубы внимался звучный гласъ,
То врагъ невинности, блаженства и святыни,
Противникъ Божій былъ, отецъ и князь гордыни;

Во мрачномъ облакѣ какъ въ тмѣ нощной сокрытъ,
На Князя онъ вдали смущеннымъ окомъ зритъ;
Пріосѣняемый сладчайшимъ свыше миромъ,
Владимиръ вкупѣ былъ у Законеста съ Киромъ.
Проникнувый умомъ въ сію святую связь,
Свирѣпствомъ воскипѣлъ безбожный ада князь;
Тогда кровавому дозволилъ Чернобогу
Разсѣять бранную вкругъ Кіева тревогу,
Бесѣду Кирову съ Владимиромъ пресѣчь,
Изъ райскихъ Князя мѣстъ тревогою извлечь;
Покрытыя поля тѣлами онъ оставилъ,
Звучащъ бронями вкругъ, ко граду путь направилъ;
Какъ буря возшумѣвъ, бросая грозный взоръ,
Составилъ звуки онъ между песчанныхъ горъ,
Тѣ звуки явное подобіе вмѣщали,
Когда народы брань народамъ возвѣщали.
И Днѣпръ изъ береговъ вступивый на траву,
Подъемлетъ тростникомъ вѣнчанную главу,
Бросаетъ очи вкругъ, онъ слухъ свой приклоняетъ,
И тише течь волнамъ въ брегахъ повелѣваетъ.
Достигъ къ Владимиру гремящій звукъ во слухъ,
И воспламенилъ его ко бранямъ склонный духъ.
Со страхомъ матери военный шумъ внимаютъ,
Къ трепещущимъ грудямъ младенцевъ прижимаютъ.
Какъ въ ратномъ полѣ конь ко брани знака ждетъ,
Звучитъ броздами вкругъ, копытомъ землю бьетъ,
Подъ храбрымъ всадникомъ какъ бурный вихрь крутится,
Грызущій цѣпь въ устахъ, ко битвѣ конь стремится,

Такъ воинъ звукомъ трубъ, внимаемыхъ вкругъ стѣнъ,
Ко битвѣ чаемой являлся подгнѣтенъ,
Геройскимъ духомъ бодръ, ко славѣ ополченный,
Выноситъ мечь и щитъ, кумирамъ посвященный;
Покрыта кровію броня на немъ звучитъ,
Уже онъ мыслями къ сраженію летитъ.
Тамъ жены рвутъ власы, и Царскій дворъ теремный
Покрылъ въ сіи часы печали облакъ темный.
Владимиръ между тѣмъ, дубравой окруженъ,
Грядетъ отчаяньемъ и страхомъ пораженъ;
Летаютъ вкругъ него мучительныя тѣни,
И подгибаются подъ нимъ его колѣни;
Какъ облакъ разлилось уныньe по челу,
Печаль раскинула кругомъ густую мглу.
О! кто меня спасетъ? смущенный Князь взываетъ;
Но звукъ одинъ его взыванью отвѣчаетъ;
Біеніе ключей, древесъ унылый шумъ,
Влагаютъ трепетъ въ грудь, вселяютъ ужасъ въ умъ;
Владимиръ рекъ: Увы! я бѣдствовать достоинъ!...
Рекущему сіе предсталъ въ личинѣ воинъ;
Чешуйчата броня являлася на немъ,
Цвѣтъ пламенный имѣлъ его пернатый шлемъ;
О Князь! онъ говорилъ, скитаясь въ сей пустынѣ,
Познай ты Кирово, познай лукавство нынѣ;
Онъ прелестью вовлекъ тебя въ сію бѣду;
Но слѣдуй мнѣ, тебя во градъ препровожду.
Князь рекъ: Коль хощешь быть щедротъ моихъ достоинъ,
Мнѣ громкихъ трубъ вину повѣдай, храбрый воинъ!

Не Неболь въ гнѣвѣ насъ перунами разитъ?
Не брань ли намъ съ какой Державою грозитъ?...
И Небо намъ грозитъ, вѣщаетъ сей, и брани;
Съ народа требуютъ твои злодѣи дани;
Забугская Орда кругомъ осѣла градъ,
И нѣтъ уже тебѣ въ него свободныхъ вратъ;
Извѣстна только мнѣ единая дорога,
Дорога тайная внутрь Царскаго чертога;
Межъ горъ она лежитъ. О Князь! послѣдуй мнѣ,
И мы въ престольной градъ достигнемъ въ тишинѣ;
Среди отчаянья которые рыдаютъ,
Тебя рабы твои какъ бога ожидаютъ.
Что долженъ дѣлать Царь среди толикихъ бѣдъ?
Увы! онъ шествуетъ водителю во слѣдъ.
Гладка лежащая стезя была въ началѣ;
Но въ дебри падала, чѣмъ шествовалъ онъ далѣ,
И въ гору уперлась кремнистую потомъ.
Увидѣлъ пропасти, стремнины Царь кругомъ,
Висящи камни онъ увидѣлъ надъ главою,
И тысящи ехиднъ ползущихъ межъ травою;
Услышалъ врановъ крикъ, звѣрей ужасный ревъ,
И въ сердцѣ ощутилъ сомнѣніе и гнѣвъ.
Куда мы шествуемъ? Владимиръ вопрощаетъ.
Въ чертоги Царскіе, водитель отвѣчаетъ;
Отъ каменной горы единъ ко граду шагъ.
Владимиръ понялъ вдругъ, что сей водитель врагъ;
На прежнюю стезю помыслилъ возвратиться,
Но рапникъ силою повлечь Царя стремится.
Тогда мечемъ себя Монархъ вооружилъ,
На воина напалъ, повергнулъ, низложилъ,
И хощетъ прочитать онъ въ ярости безмѣрной,
Кто сей измѣнникъ есть, въ груди его невѣрной;
Но мнимый воинъ сей во трепетѣ своемъ

Колѣна преклонивъ, пернатый свергнулъ шлемъ:
Коль красное лице Владимиру открылось!
Какъ полная луна въ нощи оно свѣтилось;
Упали бѣлые на рамена власы,
Въ лицѣ явилися дѣвически красы;
Подобны розовымъ цвѣтамъ ланиты алы,
Слоновый зубъ чело, ея уста коралы.
Владимиръ уповалъ, что онъ Версону зритъ;
Но дѣва голосомъ сладчайшимъ говоритъ:
За что, о Князь! за что меня ты умерщвляешь;
Иль подданными быть любимымъ не желаешь?
Коль такъ, пронзай мнѣ грудь! мое злодѣйство тутъ,
Пусть чувства вѣрности со мною вдругъ умрутъ.
За вѣрность умереть колико доля слезна!
Мнѣ слава моего Царя была любезна.
Стрегущая въ лугахъ за сей горой стада,
Вельможами къ тебѣ отправлена сюда;
Заросши тернами пути кремнисты, тѣсны,
Единой мнѣ, о Князь! въ дубравѣ сей извѣстны;
Въ долинѣ, гдѣ цвѣты лазоревы цвѣтутъ,
Тебя за сей горой твои вельможи ждутъ.
Что ты въ дубравѣ сей, я свѣдѣнье имѣла,
Въ одеждѣ я моей тебѣ предстать не смѣла,
Я скрыла слабый полъ подъ шлемомъ и броней,
И утѣшалась тѣмъ, къ тебѣ идуща въ ней;
Я радостную мысль въ умѣ своемъ питала,
Что въ жизни разъ нужна Отечеству я стала.
Владимиръ тронутъ былъ, внимая рѣчь сію,
И руку простиралъ со трепетомъ свою,
Возставилъ дѣву онъ. Смущаяся душею,
Рѣшился слѣдовать въ цвѣтущій лугъ за нею.
Едва онъ шагъ ступилъ, гласъ нѣкій съ высоты
Вѣщалъ Владимиру: въ соблазнъ впадаешь ты!
И словъ дѣвицыныхъ и взоровъ опасайся:
Се адская мечта! бѣги отъ ней, скрывайся!

Благоразумія позналь Владимиръ гласъ,
На дѣву онъ воззрѣлъ какъ ярый левъ въ той часъ,
Бѣлѣйшу мрамора схватилъ руками шею;
Прелестница тогда явилась вдругъ змiею,
Вокругъ Владимира въ три круга извилась,
И жаломъ тройственнымъ во грудь его впилась.
Владимиръ, гибнешь ты! моя трепещетъ лира.
Но въ помощь ко Царю текуща вижу Кира;
Онъ перстомъ ко змiѣ касается своимъ,
Изчезла вдругъ мечта и превратилась въ дымъ.
Владимиръ во слезахъ поборника обьемлетъ,
И рѣчи таковы отъ Философа внемлетъ:
О Князь! ты гордости не чаялъ быть въ себѣ,
Но вся она, какъ змiй, гнѣздилася въ тебѣ;
Ты гласа трубнаго, Владимиръ, ужаснулся,
Но знай, что звукомъ трубъ какъ отрокъ обманулся;
Ни градъ твой не горитъ, ни Ордъ Забугскихъ нѣтъ,
Но въ сердцѣ у тебя сраженье возстаетъ:
Возстала гордость въ немъ, возстали въ немъ соблазны,
У коихъ виды суть для насъ многообразны;
Когда быть кажутся разсѣянны во прахъ,
Скрываются въ груди и дѣйствуютъ въ сердцахъ.
Такъ море вдругъ валы кипящiе подъемлетъ,
Коль кормщикъ корабля, не чая бури, дремлетъ:
Ты льстился, Князь, вздремать у брега въ тишинѣ,
Но первый звукъ трубы подвигъ тебя къ войнѣ.
Познай, что жаждущiй свой адскiй гнѣвъ насытить
Князь мiра восхотѣлъ отъ насъ тебя похитить;
Онъ звуки въ воздухѣ напрасны произвелъ,
Но скоро во своемъ намѣреньи успѣлъ:

Ты жаждою къ войнѣ кровавой воспалился,
Ко суетамъ мірскимъ отъ Бога обратился.
Дубрава темная, то совѣсть есть твоя;
Во шлемѣ дѣва, Лесть; Тщеславіе змія!
Но время, Государь, къ престолу возвратиться;
Еще я разъ хощу съ тобою примириться;
Себѣ печали, Князь, и мнѣ не приключай,
Надежду не въ себѣ, но въ Богѣ заключай....
Но что, Владимиръ рекъ, страны не вижу оной,
Гдѣ жили Идолемъ, гдѣ Законестъ съ Версоной?..
Гдѣ рощи злачныя, гдѣ красныя мѣста?
Сія дубрава быть мнѣ кажется пуста;
Не вижу я древесъ, ни сихъ цвѣтовъ нетлѣнныхъ,
Не внемлю вѣянья зефировъ оживленныхъ;
Гдѣ дѣлось все сіе, гдѣ скрылися они?
Или друзей моихъ уже пресѣклись дни?...
Киръ тако отвѣчалъ: О Царь! они нетлѣнны,
Но гордостью твоей отсюда удаленны,
Съ Версоной Законестъ взошли на небеса,
Сокрылся Идолемъ въ дремучіе лѣса.
Но ты, Владимиръ, ихъ когда нибудь увидишь,
Коль міра суеты совсѣмъ возненавидишь;
Когда ты побѣдишь, Владимиръ, самъ себя,
То будутъ всѣ мѣста Едемомъ для тебя;
Но прелестей мірскихъ доколѣ не забудешь,
Ты жертвою страстей и умственности будешь...
Князь въ сердцѣ нѣкое спокойство ощутилъ,
Со Киромъ шествіе ко граду обратилъ;
Своимъ пришествіемъ народъ свой удостоилъ,
Вельможей, Царскій дворъ и стражу успокоилъ.
Но врагъ небесныхъ силъ не могъ спокоенъ быть,
Ни злобу обуздать, ни мщеніе забыть,
Раздоры посѣвать его прямое свойство,

Умыслилъ Княжіе похитить онъ спокойство;
Ни чѣмъ въ намѣреньяхъ злодѣйскихъ не успѣвъ,
Восчувствовалъ въ себѣ на Князя вящшій гнѣвъ.
Быстряй весенняго помчался онъ зефира,
Находитъ межъ костей сѣдящаго Зломира.
Подобную громамъ простеръ къ волхву онъ рѣчь,
Велѣлъ ему мятежъ противъ Царя возжечь;
Онъ вѣдалъ то, что Киръ въ ту нощь явится въ градѣ,
И зло въ волхва пренесъ, вмѣщенное во адѣ.
Въ то время наступилъ позорный сей обрядъ,
Который пренесенъ жрецами въ стольный градъ,
Почерпнутый обрядъ изъ таинствъ Елевзискихъ,
Съ наукой смѣшанный принятіевъ Изискихъ,
Котору Пиѳагоръ въ Италію принесъ,
О преселеніи душъ нашихъ и тѣлесъ.
Жрецами тайна та потомъ отъ Тавровъ Скиѳскихъ,
Теряя корень свой, достигла странъ Россійскихъ;
Ужасенъ сталъ обрядъ, испорченъ, поврежденъ,
На мерзости одной геенской утвержденъ;
Не сокровенную священную Магію,
Но черную ввели язычники въ Россію,
Младенческую кровь учащу проливать
И тѣней изъ гробовъ усопшихъ призывать;
Едино только въ ней осталось наставленье:
Изъ тѣла въ тѣло душъ по смерти преселенье;
Завѣсой таинства жрецы скрывали то.
Быть общества не могъ участникомъ никто,
Ни Царь, ни судія, ни славный въ браняхъ воинъ,
Когда принятія кто не былъ удостоинъ;
И не имѣлъ о нихъ понятія народъ. . . .
Торжествовалися они изъ года въ годъ.
Подъ кровомъ тмы нощной за градскою стѣною
Сихъ тайнъ сообщники скрывались съ тишиною,

И совершалися кровавы жертвы тамъ,
Ужасныя самимъ пустынничьимъ мѣстамъ;
Являлись тѣни имъ, ходящи истуканы;
Но хитрость то была и жречески обманы.
Въ такое общество, когда померкнетъ день,
И горы Кіевски покроетъ мрачна тѣнь,
Два юноша вступить назначенными были;
Другъ друга юноши какъ братія любили:
Единъ вельможинъ былъ Кифаровъ сынъ изъ нихъ,
Другой Свѣтиды былъ, его сестры, женихъ;
Какъ крины сельные всѣ трое процвѣтали,
Едина въ нихъ душа, едину мысль питали.
Заремь, Кифаровъ сынъ, Заремь имѣлъ жену,
Нѣжнѣйшимъ дружествомъ имъ тремъ сопряжену;
Женихъ его сестры, Стенаръ, лица пріятствомъ,
Разсуднкомъ процвѣталъ, породою, богатствомъ.
Кифаръ въ сынахъ своихъ любовь къ богамъ возжечь,
Или отъ новаго закона ихъ отвлечь,
Кифаръ сихъ юношей во богомерзки тайны
Ввести черезъ стези умыслилъ обычайны.
Обрядамъ суетнымъ священный придалъ видъ,
Которые печать ихъ скромности таитъ.
Воображенье ихъ наполнилъ удивленьемъ,
И убѣдилъ сердца покорства впечатлѣньемъ.
Какъ агнцы кроткіе являются они,
Въ постѣ и бдѣніи проводятъ многи дни;
Вся міра суетность была у нихъ забвенна,
Лишь только не была любовь искорененна:
Любезныхъ не могли въ пощеніи забыть,
Однихъ любили ихъ, весь міръ преставъ любить;
Едино чувство ихъ любовное питало.
Уже и время ихъ принятія настало.

Хаоса древняго задумчивая дочь,
Желѣзный скипетръ свой уже простерла ночь;
Покровъ раскинула, звѣздами испещренный,
Вступила въ храмъ небесъ, отвсюду разтворен-
ный;
Сіяетъ свѣтлая въ ея челѣ луна,
И сыплетъ маковы цвѣты изъ рукъ она.
Какъ бурные валы другъ въ друга ударяютъ,
Одни раждаются, другіе умираютъ:
Такъ, извиваяся мечтанія и сны,
Раждаются и мрутъ, толпясь кругомъ луны.
Сіе небесное недремлюще свѣтило
Блистательны глаза на Кіевъ обратило;
Его сребристый блескъ трепещетъ межъ древесъ,
Отверзся очесамъ лазурный сводъ небесъ,
Неизчислимость звѣздъ и неба безконечность:
Не спитъ едино зло, но сладко спитъ безпеч-
ность!
И возвѣщается вамъ, юноши, сей часъ,
Который разлучитъ съ возлюбленными васъ.
Въ глубокой тишинѣ Кифаровъ голосъ внемлютъ,
Другъ друга двѣ четы рыдаючи обьемлютъ;
Какъ будто вѣчная разлука настаетъ,
Кифаръ отшествію ужасный знакъ даетъ.
Слова его какъ громъ по сердцу раздаются,
Казалось, души ихъ съ слезами изліются.
Въ молчаніи грядутъ Кифару въ слѣдъ за градъ;
Но мысли ихъ летятъ къ возлюбленнымъ назадъ;
Ихъ голосъ юноши внимаютъ удаленны,
Имъ лица кажутся въ нощи напечатлѣнны;
Являются вблизи любезны тѣни имъ,
Приближатся, и вдругъ изчезнутъ яко дымъ.
Кифаръ уныніе такое осуждаетъ:
Тотъ носитъ хладъ въ груди, любовью кто
не таетъ!
Вы слабы, юноши! Кифаръ сынамъ речетъ;

Какъ будто агнцевъ ихъ къ закланію влечетъ.
Ведетъ своей рукой во пропасть ихъ подземну,
И заключаетъ тамъ однихъ въ пещеру темну:
О чада! бодрствуйте, въ пещерѣ имъ вѣщалъ;
Вамъ ужасъ предлежитъ и страшный часъ наталъ.
Единый страхъ для нихъ, едино огорченье,
Съ любезными въ часы текущи разлученье;
Въ пещерѣ рыцари бесѣдуютъ о нихъ.
Незапно бурный вихрь извлекъ изъ мрака ихъ.
О Муза! отъ тебя ничто не сокровенно
Во глубинѣ вѣковъ, что въ безднахъ погруженно;
Ты мрачны таинства удобна освѣщать,
Но то вѣщай, что намъ дозволено вѣщать!...
Се вихря бурнаго крылѣ ослабѣваютъ,
И юношей у вратъ желѣзныхъ оставляютъ.
Со громами врата отверзлися для нихъ,
Сіянье тусклое блеснуло въ очи ихъ;
Окружены они высокимъ темнымъ боромъ,
Великій сонмъ людей обьемлютъ мрачнымъ взоромъ,
Дубовые вѣнцы лежатъ на ихъ главахъ,
Угрюмость звѣрская написана въ очахъ,
Во истуканы все казалось превращенно.
Явилось мѣсто имъ въ срединѣ возвышенно;
Подобилось оно позорищнымъ мѣстамъ.
Курится жертвенникъ огнемъ зеленымъ тамъ,
И озаряетъ всю пустыню блѣднымъ свѣтомъ,
Какъ томную луну въ нощи туманы лѣтомъ.
Младенецъ въ пеленахъ на олтарѣ лежалъ;
Тамъ чаши сребряны и жертвенный кинжалъ;
Покрыты мхомъ сѣдымъ въ тѣни являлись гробы,
Хранящіе тѣла внутри земной утробы.
Казалось, восходилъ на верьхъ усопшихъ прахъ,
Вездѣ уныніе, повсюду блѣдный страхъ;
Но все сіе одно волшебное искусство,

А ужасъ чуждое для юношей былъ чувство;
Повсюду царствуетъ безмолвна тишина.
Сквозь вѣтвія древесъ свѣтилася луна,
И дебрямъ ужасу сіяньемъ придавала,
Казалось, будто вся пустыня унывала.
Незапно сонмища молчанье прервалось:
Кровавой жертвою служенье началось.
Обрядовъ демонскихъ Зломиръ вступаетъ въ дѣйство,
Совокупляетъ онъ съ обманомъ чародѣйство;
Онъ мѣсто заступилъ верховнаго жреца,
И воплями у всѣхъ поколебалъ сердца;
Держащій пламенникъ, покрытъ вѣнкомъ дубовымъ,
Со взоромъ приступилъ ко олтарю суровымъ,
Дрожащимъ гласомъ пѣснь волшебну возгласилъ,
Нечистою водой собранье оросилъ. . . .
Ахъ! что мое перо, ахъ! что изображаетъ?
Онъ жертвеннымъ ножемъ младенца поражаетъ.
О! какъ изъ рукъ кинжалъ не выпалъ у него!
Онъ въ чашу сребряну пріемлетъ кровь его.
Тогда сообщники какъ звѣри возопили,
Они чело свое сей кровію кропили.
Геенѣ жертву ту Зломиръ принесшій, рекъ:
О други! не умретъ вовѣки человѣкъ;
Перуну въ жертву сей младенецъ принесенный,
Лишенный живота, есть нынѣ духъ нетлѣнный;
Кто тако кончитъ жизнь, благополученъ тотъ,
Получитъ вѣчный онъ за временный животъ.
Что истину реку, что я не лицемѣрю,
Я опытомъ теперь васъ, братія, увѣрю.
И началъ души онъ умершихъ призывать,
Словами страшными весь тартаръ заклинать.
Какъ громы гласъ его по дебрямъ раздавался;
Его ужасныхъ клятвъ самъ тартаръ ужасался.
Незапно мракъ покрылъ лазурный сводъ небесъ,

Вѣтръ бурный возшумѣлъ, реветъ и ломитъ лѣсъ,
Подъемлетъ прахъ густой, колеблетъ все, терзаетъ,
Крилами онъ шумитъ, гробницы отверзаетъ,
И тѣни страшныя подъемлются изъ нихъ;
Стенанье горестно, ужасны крики ихъ.
Но прахи, клятвою геенской пораженны,
Являлись сонмищу совсѣмъ преображенны:
Ихъ человѣческій первообразный видъ
Во яростныхъ звѣряхъ, въ чудовищахъ сокрытъ;
О бывшемъ существѣ понятіе имѣютъ,
Но въ звѣрскомъ образѣ какъ звѣри свирѣпѣютъ.
Другіе какъ зміи вкругъ жертвы обвились,
Младенческой крови изъ чаши напились.
И тѣнь младенцева свѣтла, какъ день, явилась!
Но ярость лютая въ упившихся вселилась:
Невинна грѣшныхъ кровь должна остервѣнить!
И начали они другъ съ другомъ брань чинить.
Наполнилъ страшный вопль дремучую дуброву;
Блѣднѣя сонмище на брань глядитъ сурову;
Но брань взаимную чудовищей прервать,
Ихъ гласомъ сталъ Зломиръ гремящимъ призывать,
Водой волшебною чудовищъ окропляетъ,
И паки души ихъ во гробы посылаетъ;
Какъ будто молнія вода такая жжетъ,
Духъ каждый внутрь земли со трепетомъ течетъ.
Лишенныхъ въ небеса достигнуть всей надежды,
То въ разныя облекъ Зломиръ людей одежды,
И зрителямъ явилъ во образѣ духовъ,
Возставшихъ изъ пустыхъ затворенныхъ гробовъ.
Кумиродѣйственникъ такъ часто лицемѣритъ,
И безразсудна чернь жрецовъ обманамъ вѣритъ.

Который мысли симъ видѣньемъ возмущалъ,
Вы души видѣли, Зломиръ ко всѣмъ вѣщалъ:
Се души, отъ боговъ которы уклонились,
Они изъ прежнихъ тѣлъ въ другія преселились:
Звѣрями сдѣлались преступники сіи,
Иль пресмыкаются по смерти какъ зміи,
И будутъ въ сихъ тѣлахъ дотолѣ помѣщенны,
Доколѣ пламенемъ не будутъ очищенны.
Се тайна, свято мы которую хранимъ!
Мы ею божествамъ обязаны своимъ;
Чертоги вѣчности жрецамъ отверзты ими,
Они, сходя съ небесъ, бесѣдовали съ ними,
Натура скрытая отверзла имъ покровъ.
Нещастенъ, таковыхъ не взлюбитъ кто боговъ!
Кто волѣ ихъ жрецовъ не станетъ покоряться,
Противу тѣхъ земля и воды возгорятся,
Почувствуютъ они по смерти божій гнѣвъ,
И души ихъ прейдутъ въ чудовищъ и зміевъ.
Намъ боги сто вѣковъ предательство отмщаютъ;
Они прощаютъ все, измѣны не прощаютъ;
Вы казни видѣли, которы навлекли
Тѣ души, божества которыя не чли;
Лишенны мирныхъ дней вовѣки таковыя,
Они ужаснаго во царствѣ страждутъ Нія,
Имѣющаго свой внутри земли престолъ
И окруженнаго кипящимъ моремъ золъ.
Но жребій не таковъ для душъ благочестивыхъ:
На небесахъ они въ селеніяхъ щастливыхъ,
Гдѣ море радостей, гдѣ тысящи прохладъ,
Ликуетъ съ ними Зничь, Полеля и Усладъ,
И будутъ ликовать съ богами безконечно;
Блаженство душъ такихъ не временно, но вѣчно.
О вы, которыхъ мы хотѣли просвѣтить
И нашихъ избранныхъ въ сообщество вмѣстить,
О юноши! моимъ глаголамъ вы внемлите,

Вы съ нами щастіе безсмертное дѣлите.
Дабы во благѣ семъ увѣрить паче васъ,
Я души приглашу блаженныя въ сей часъ.
Но должны вѣдать вы и твердо должны помнить,
Что свято вы сіе обязаны исполнить,
Что души повѣлятъ благочестивыхъ вамъ;
Сомнѣнье малое противно есть богамъ.
То слово, кое слухъ собранія разило,
Владимиру бѣдой изъ самой тмы грозило;
Не въ силахъ будучи воздвигнуть мятежей,
Прибѣгло сонмище къ коварству адскихъ лжей.
Зломиръ ко олтарю со трепетомъ подходитъ,
На жертвенникѣ огнь дхновеньемъ производитъ;
Сіянье тонкое повсюду разлилось,
И благовонное куренье извилось.
Волшебникъ предъ огнемъ повергся на колѣни,
И началъ призывать благочестивыхъ тѣни:
О души, небесамъ назначенны свѣтить!
Благоволите насъ, о души! посѣтить. . . .
Вдругъ началъ свѣтъ вдали со мраками сливаться,
Пустыня ризою сіянья одѣваться;
Преображается угрюмый дебрей видъ. . . .
Съ толпою свѣтлыхъ душъ является Пламидъ,
И приближается къ огню въ одеждахъ бѣлыхъ,
Блистаетъ слабый лучь въ очахъ его веселыхъ;
Пріятнымъ окомъ онъ воззрѣлъ на весь соборъ,
Воззрѣлъ, но вдругъ померкъ его веселый взоръ,
Сіяніе лица во блѣдность премѣнилось,
Подобно мертвому Пламиду учинилось;
Печали томный мракъ его чело облекъ,
Стенаніямъ во слѣдъ пуская стоны, рекъ:
О, что, полночная страна, въ тебѣ я вижу!
Какъ я любилъ тебя, такъ нынѣ ненавижу.
О чада! вы пришли въ пустыню ликовать;

Вы души съ небеси дерзнули призывать;
А нощь сія боговъ навѣкъ отъ васъ сокроетъ....
Рыдая возопилъ, и съ нимъ пустыня воетъ.
Но паки рѣчь сія простерлась отъ жреца:
О братія! иль вамъ не вопіютъ сердца,
Что нашихъ рушится кумирницъ постоянство,
Пріемлетъ корень свой во градѣ Христіянство,
Грозитъ Отечеству и капищамъ бѣдой:
Крещаетъ нашихъ чадъ злодѣй боговъ водой;
И естьли корень сей тотчасъ не истребится,
То древо отъ него великое родится,
Которо вѣтвями Россію осѣнитъ,
Кумировъ изженетъ и капища затмитъ!
Я вижу нѣкій свѣтъ у береговъ Днѣпровыхъ;
Увы! я Христіянъ во градѣ вижу новыхъ.
Иль нѣтъ, иль нѣтъ сыновъ толь ревностныхъ изъ васъ,
Которыбъ за боговъ вступилися въ сей часъ?
Дерзайте зла сего, дерзайте къ отвращенью,
И вѣры новыя отъ плевелъ къ очищенью!
Коль нѣтъ, иду на васъ со жалобой къ богамъ,
И здѣсь торжествовать не дозволяю вамъ.
Кто кровью клятвенной себя изъ васъ обяжетъ,
Что смертью Христіянъ онъ въ сей нощи накажетъ,
Ликуйте!... Рѣчь сію со гнѣвомъ произнесъ,
Покрылся облакомъ и съ ликомъ душъ изчезъ.
Сокрылася мечта, соборище уныло;
Не о жрецѣ оно, о торжествѣ тужило.
Но въ сонмищѣ единъ Зломиръ спокоенъ былъ;
Онъ вымысломъ такимъ сомнѣнье истребилъ:
О чемъ печалимся, о чемъ и сожалѣемъ?
Иль храбрыхъ мы людей межъ нами не имѣемъ?
Дабы во торжествахъ грядущій годъ протекъ,
Или небесный жрецъ намъ средства не изрекъ?

Онъ только Христіянъ желаетъ истребленья:
Сіе ли можетъ насъ лишить увеселенья?
Тогда отважный мужъ, единый изъ бояръ,
Собранья изъ среды изторгся вдругъ Кифаръ;
Подъемля къ небесамъ трепещущія длани,
Онъ рекъ: Хоть кровь моя истощена во брани,
Чело и ко богамъ моя усердна грудь
Моими ранами запечатлѣнны суть,
Лишила мужества меня моя сѣдина,
Нѣтъ силы у меня; однако есть два сына:
Отъ крови моея единый есть рожденъ,
Другой со дщерію моею обрученъ;
Въ нихъ искра храбрости моей возобновится,
И въ нихъ Кифаръ боговъ защитникомъ явится.
А естьли Христіянъ губить не захотятъ,
Ихъ больше за моихъ не почитаю чадъ.
Такія словеса Зарему и Стенару
Подобны слышались громовому удару;
Единъ изъ нихъ отца лишался своего,
Другой, что въ мірѣ есть дороже для него.
Ко тамскому сердца несклонны убіенью,
Но храбрость идоловъ ихъ движетъ къ защищенью.
Слова Зломировы, Кифаровъ грозный взглядъ,
И въ нѣжныя сердца вливаютъ гнѣвъ и ядъ.
Подходятъ юноши; мечи у нихъ блистаютъ,
И долгомъ Христіянъ убійство почитаютъ;
Но ихъ стремленіе Зломиръ остановилъ,
Злодѣйство новое собранью объявилъ:
О братія! вѣщалъ, по древнему уставу,
Хотящи защищать боговъ и честь и славу,
Обязаны сперва ужасну клятву дать
Противу ихъ враговъ меча не покидать,
Доколѣ сихъ враговъ не оросятся кровью.
Коль вѣрной ко богамъ горите вы любовью,
Не сомнѣваюся о важной сей любви.

Но погрузивъ мечи въ младенческой крови,
Клянитесь, юноши, клянитесь предъ богами,
Что вы врагамъ боговъ хотите быть врагами,
И принесете ихъ на жертву небесамъ,
Ктобъ ни былъ оный врагъ, хотя Владимиръ самъ.
При словѣ таковомъ ихъ совѣсти мятутся;
Но къ олтарю подшедъ, два юноши клянутся,
Въ крови, которая ліется какъ ручей,
Клянутся, омочивъ концы своихъ мечей.
При клятвѣ сей лице у юношей блѣднѣло,
Сокрылася луна и небо потемнѣло.
Кифаръ, въ сынахъ своихъ отважность возбудить,
Клянется къ граду самъ дѣтей препроводить:
Свидѣтель быть хощу ихъ ревности, вѣщаетъ,
И кровь принесть богамъ на жертву обѣщаетъ;
Я жизни, говоритъ, ни чьей не пощажу,
Омытый кровью мечь предъ вами положу.
Тогда Зломиръ сказалъ, ночнымъ покрытый мракомъ:
Вамъ будетъ нѣкій свѣтъ водителемъ изнакомъ,
Гдѣ Христіянское коварство въ нощь сію
Дерзнуло нашихъ чадъ повергнуть въ сѣть свою.
О други божества! къ отмщенію спѣшите,
Грозящу искру намъ пожарами тушите;
Похвально божества защитниками быть,
И славно общую опасность истребить;
Васъ боги избрали злодѣевъ на попранье.
Кифаръ и юноши оставили собранье.
Веселье по сердцамъ мгновенно разлилось,
Обрядомъ торжество полночно началось:
Соборище тогда какъ буря возшумѣло,
Вакханговыхъ торжествъ подобіе имѣло.
Разсудокъ тмящіе, смущающи покой,
Напитки пьянственны ліются тамъ рѣкой,
Позорны сладости плотскія возжигаютъ,

Въ забвеніе стыда и въ буйство повергаютъ;
Огни великіе въ пустынѣ возгнѣли,
И гнусной роскошью своихъ боговъ почли.
Но цѣломудренны отъ сей позорной ночи,
Читатель! отвратимъ сердца свои и очи;
Намъ зрѣлище теперь иное предлежитъ,
Которое сердца и души возмутитъ.
Кифаръ съ печальными и храбрыми сынами
Безмолвно шествуетъ подъ градскими стѣнами;
Вдали является имъ нѣкій слабый свѣтъ,
И мѣста знакъ людей крещаемыхъ даетъ;
У самаго Днѣпра свѣтильники блистали,
Гдѣ прежде мирные Варяги обитали;
Рукою Кировой подъ сей горою Богъ
Язычниковъ изъ тмы въ небесный велъ чертогъ.
Уже единое свѣтильниковъ видѣнье
Произвело въ сердцахъ убійцъ ожесточенье;
Кифаръ, остервенѣнъ, вѣщалъ своимъ сынамъ:
Теперь явить любовь къ кумирамъ должно намъ!
Но что, о юноши! ахъ! что вы ужаснулись?
Ихъ слухамъ голоса знакомые коснулись,
Но то считалъ Кифаръ единою мечтой;
Течетъ предъ ними онъ, какъ змій во тмѣ ночной.
Спускаются съ горы: тогда изъ струй Днѣпровыхъ
Изшедшихъ Христіянъ въ одеждахъ видятъ новыхъ;
Священну длань на нихъ взлагаетъ Философъ,
И съ ними предаетъ проклятію боговъ.
Но крестъ лобзающихъ убійцы не познали;
Кинжалы извлекли, на Христіянъ напали;
Окровавленныя повергшися тѣла. . .
Увы! почто заря изъ волнъ морскихъ взошла?
Вдругъ солнце небеса лучами озарило;
Но кое зрѣлище язычникамъ открыло!

О! какъ я зрѣлище такое воспою!
Заремъ супругу зритъ и мать въ крови свою!
Кого ты поразилъ, Стенаръ! твоей рукою?
Изъ сердца кровь течетъ Свѣтидина рѣкою.
Нещастный! ты пронзилъ невинну грудь мечемъ!
Благочестивый Киръ сокрылся между тѣмъ.
О коль плачевное для юношей видѣнье!
Кровавы раны суть сердецъ ихъ прободенье.
Разитъ, какъ громъ разитъ убійцевъ сей уронъ,
И души отходя, влекутъ ихъ души вонъ.
Свѣтида, чувствуя во сердцѣ смертну муку,
Простерла томную къ возлюбленному руку,
Вздохнула, и навѣкъ лишилась живота,
Увяла, яко цвѣтъ, дѣвичья красота;
Но вздохъ, послѣдній вздохъ прекрасныя Свѣтиды
Преобразилъ печаль въ печальнѣйшіе виды.
Едва затмился свѣтъ въ возлюбленныхъ очахъ,
Погасла съ свѣтомъ ихъ и дружба во сердцахъ,
Два друга прежнія любви не ощущаютъ,
Взаимную вину другъ другу отомщаютъ.
Какъ будто молнія, блестящая въ ночи,
Уже сверкаютъ ихъ убійственны мечи;
Остервенѣнные, разятъ они другъ друга! . . .
Сынъ, матерь, братъ, женихъ, невѣста и супруга,
Смѣшали вы свою въ единъ источникъ кровь!
И кипарисами вѣнчалася любовь.
Кифаръ и слезы лить являлся неудобенъ;
Онъ древу молніей сраженну былъ подобенъ:
Стоитъ близь мертвыхъ тѣлъ какъ каменный кумиръ.
Тогда предсталъ ему благочестивый Киръ;
Онъ взоры на него печальные возводитъ:
Единый взоръ такой въ немъ чувства производитъ.
Многопечальный мужъ! вѣщаетъ Киръ ему,

Познай теперь, познай языческую тму,
Почувствуй гнусное Зломирово злодѣйство!
Сіе убійство есть нощныхъ соборищъ дѣйство;
Ты умыслъ, можетъ быть, противъ Царя имѣлъ,
И здѣсь мечемъ пронзить Владимира хотѣлъ;
Но собственной бѣдой за умыслъ твой наказанъ.
Что мыслилъ, то Кифаръ признаться былъ обязанъ;
Но Киръ вѣщалъ: Коль ты отвергнешься боговъ,
И хощешь воспріять святый законъ Христовъ,
Не самъ, но силою молитвъ моихъ смиренныхъ
Я возвращу тебѣ ко жизни умерщвленныхъ....
Кифаръ при словѣ семъ слезами залился,
И вѣрить во Христа торжественно клялся;
Не чувствуетъ уже природнаго злодѣйства,
Онъ самъ бы пролилъ кровь для выкупу семейства;
Въ недовѣреніи однако пребылъ онъ,
Что возвратитъ ему толь тяжкій Киръ уронъ.
Киръ блѣдныя тѣла водою окропляетъ,
Молитвой пламенной безгласныхъ оживляетъ.
Рыдающій Кифаръ обьемлетъ чадъ своихъ;
Отверзтый видитъ взоръ, онъ внемлетъ гласы ихъ,
И клятвы соблюсти священно постоянство,
Со всѣми чадами пріемлетъ Христіянство.
Ужь быстрая молва летитъ изъ устъ въ уста,
Творятся чудеса что именемъ Христа;
Вниманье къ новому раждается закону.
Законъ простеръ лучи къ Владимирову трону;
Но сердца въ Князѣ онъ еще не возжигалъ,
Владимиръ день отъ дня крещенье отлагалъ.
Какъ облакъ дѣлаетъ свѣтилу дней затмѣнье,
Такъ ввергло въ мракъ потомъ Владимира сомнѣнье.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Отколь проистекъ Сомнѣнья черный ядъ,
Владимира смутилъ и заразилъ весь градъ?
Сквозь множество вѣковъ явилось мнѣ видѣнье;
Не свѣтлыхъ то небесъ, геенны порожденье;
Изъ бездны высоко на воздухъ вознеслось,
Возвысило главу, трикраты извилось;
Имѣя темное, но видимое тѣло,
Какъ ризой небеса и шаръ земный одѣло,
Простерлися его шумящія крылѣ;
Зміи вращаются на пасмурномъ челѣ,
Уста кровавую пустую мещутъ пѣну,
Мнѣ мнится, вижу въ немъ вмѣщенну всю геенну.
О! кто тебя въ сей міръ, о! кто производилъ?
Изъ сердца лютаго князь тмы тебя родилъ.
Познавъ, что хитростью своей не успѣваетъ,
Что истина свое сіянье разливаетъ,
Лютѣйшую онъ злость изъ нѣдръ своихъ извлекъ,
И страшну дщерь сію Сомнѣніемъ нарекъ;
Но тмы во пеленахъ едва она явилась,
О бытіи своемъ въ семъ мірѣ усумнилась;
Взирая на нее, и самъ ея отецъ
Въ сомнѣніе пришелъ, что онъ ея творецъ.
Сомнѣнье не могло во царствѣ тмы вмѣститься,
Какъ дымъ по всей землѣ текло распространиться;
Старается оно изъ самыхъ древнихъ лѣтъ
Во тму преобращать небесный чистый свѣтъ,
Кидаетъ тонкія свои повсюду мрежи;
Впадаютъ мудрецы, впадаютъ въ нихъ невѣжи.
Теперь, опредѣливъ къ странѣ полночной путь,
Врагъ Божій ей велѣлъ въ Россіи ядомъ дхнуть.

Да Истины святой при первомъ озареньѣ
Ко Слову Божію вселитъ недовѣренье,
Владимира своей отравой заразитъ,
Въ Христовомъ таинствѣ обманъ изобразитъ.
Тогда Сомнѣніе отъ смутныхъ водъ Стигійскихъ
Прешло пещаныя моря степей Ливійскихъ,
Гдѣ вѣчно царствуетъ Хаоса сынъ Раздоръ;
Но отвратила злость отъ волнъ песчаныхъ взоръ:
Паритъ, гдѣ лаврами она была увита,
Отъ Моавитскія земли до Асфалита,
Гдѣ беззаконный жилъ въ Содомѣ смертныхъ родъ,
Отколѣ изведенъ рукой Господней Лотъ;
Увидѣла верхи златые Гезевона,
Моавскій гдѣ стенаалъ Царь въ узахъ у Сегона;
Явилися ему Аранскіе брега,
И полны влажности Раавскіе луга;
Летяще на востокъ, потоки видитъ быстры
Кристаловодныхъ рѣкъ Меандра и Каистры,
Гдѣ Лика, гдѣ Ефесъ, гдѣ Сардъ, Пергамъ цвѣтутъ,
Но днесь развалины едины видны тутъ;
Тамъ терны дикіе стопами попираютъ.
Не люди лишь одни, и Царства умираютъ!
Сомнѣнію вдали народы предлежатъ,
Которые поитъ водой своей Ефратъ;
Поля, которы Тигръ волнами орошаетъ,
И гдѣ Алфей струи съ Аретузой мѣшаетъ;
Тамъ воскресающій всегодно Адонидъ,
Финикіянскихъ женъ ввергаетъ въ вѣчный стыдъ.
Когда приближилось оно къ Ерусалиму,
Почувствовало всю себя огнемъ палиму;
Увидило оно святыню оныхъ мѣстъ,

На коихъ возсіялъ животворящій крестъ,
Гдѣ Божій Сынъ свой гробъ, цѣлебный гробъ оставилъ,
Которымъ искупилъ родъ смертныхъ и прославилъ,
Въ которомъ человѣкъ съ Мессіею воскресъ;
Святую гору зритъ, иль паче дверь небесъ:
Сомнѣнье пламенны къ Голгофѣ взоры мещетъ,
Летитъ отъ града прочь, ярится и скрежещетъ;
И предрекло оно, что въ поздны времена
Святый разрушатъ градъ чужія племена.
Дорида предлежитъ его строптиву оку,
И распростерлося Сомнѣнье по востоку.
Слезъ капли полились, его смутился взоръ,
Когда со высоты взглянуло на Босфоръ;
Потупило чело и Грековъ ненавидитъ,
Что Византійскія священны стѣны видитъ,
Гдѣ прежде многія имѣло торжества,
И въ лицахъ славилось земнаго божества,
Тамъ нынѣ зритъ оно великолѣпны храмы,
Предъ Богомъ истиннымъ курятся ѳиміамы,
На олтаряхъ златыхъ безкровну жертву зритъ;
Ярится и отмстить Византіи грозитъ.
Изъ устъ геенску мглу какъ дымъ густый пустило,
Пареніе свое на полночь обратило:
Горящимъ угліямъ его подобенъ зракъ;
Простерся какъ туманъ къ Днѣпру Сомнѣнья мракъ.

Но кто спускается съ небесныя вершины?
Се Отрокъ, крылія имѣющъ голубины,
Въ составленномъ изъ звѣздъ является вѣнцѣ,
Щедрота на челѣ, любовь въ Его лицѣ;
Во облакѣ златомъ на шаръ земный низходитъ,
Сынъ Божій свѣтлый взоръ на фурію возводитъ;
Какъ молнія разитъ ее Мессіинъ взглядъ;

Подвиглась вспять она, скрывается во адъ;
Низвергнувшись во тму, крылами зашумѣло,
Но воздухъ заразить Сомнѣніе успѣло;
Иль быть дозволила небесна власть тому,
Да съ вящшей славою разгонитъ адску тму.
О Муза! возвѣсти, когда сей ядъ излился,
Кто первый ядами Сомнѣнья заразился?
Виной единаго ты многихъ оправдай! . . .
Нечистый совѣстью, то рыцарь былъ Рогдай;
Гремящую стяжавъ себѣ въ семъ мірѣ славу,
Рогдай въ Россійскую обратно шелъ Державу;
Сей воинъ силой былъ во бранѣхъ знаменитъ,
Онъ ужасъ былъ врагамъ, Россійскимъ войскамъ щитъ.
Его пришествіе Молва предупредила,
Она съ восточныхъ странъ въ Россію преходила,
Вѣщала подвиги, гремѣлъ какими онъ;
Коль много подкрѣпилъ и защитилъ Коронъ,
Коликихъ онъ побѣдъ вѣнцами увѣнчался,
Гдѣ съ рыцарями онъ на битвахъ ни встрѣчался;
Онъ въ трепетъ приводилъ недружныхъ Россамъ Ордъ.
Но былъ колико храбръ, толико былъ и гордъ;
Во всю вселенную свою разширивъ славу,
Почтенну мыслилъ быть Россійску имъ Державу;
Душевныхъ качествъ онъ отмѣнныхъ не имѣлъ,
Но властвовать вездѣ и первымъ быть хотѣлъ.
Толико нравъ крутой и склонности упруги
Прощались за его Отечеству услуги.
Но славу онъ свою возвысивъ высоко,
Во умствованія вдавался глубоко:
Кто мнѣніямъ его противился любимымъ,
Тому являлся онъ врагомъ непримиримымъ;
При первомъ преніи пылалъ въ Рогдаѣ гнѣвъ;
Онъ аспидъ сердцемъ былъ, а храбростію левъ.
Толикой гордости впадетъ въ обуреванья,

Кто любитъ собственны едины дарованья.
Рогдай Владимиромъ въ число вельможъ причтенъ,
Подъ тѣнью Кіевскихъ шатеръ раскинулъ стѣнъ.
Сомнѣнье мрачное, подобно темной ночи,
Его объемлетъ вкругъ, его смущаетъ очи;
Весь воздухъ сѣмена Сомнѣнія питалъ;
Воитель пилъ сей ядъ и воздухъ сей глоталъ.
По свойству гордыя души непостоянства,
Почувствовалъ вражду противу Христіянства.
Такъ чашу многія сомнѣнія испивъ,
Не вѣрятъ, что законъ Мессіинъ справедливъ.
Рогдай межъ Греками три лѣта обращался,
Онъ кротостью святыхъ отшельцовъ восхищался;
Пустынныхъ жителей въ вертепахъ посѣщалъ,
Отъ варварскихъ въ степяхъ набѣговъ защищалъ;
Имѣлъ довѣренность Монарховъ Византійскихъ
Къ союзу вѣчному съ Доридой странъ Россійскихъ;
Но нынѣ, встрѣченный народною молвой,
Что Греція даетъ законъ Россіи свой,
Сомнѣніе въ груди носящій, въ градъ приходитъ;
Сомнѣніе влечетъ, его Сомнѣнье водитъ.
Бронею рыцарской Рогдай себя облекъ,
Пришелъ къ Владимиру, и такъ предъ тономъ рекъ:
Я слышалъ, Государь, что ты, забывъ кумировъ,
Сталъ вѣрить во Христа, совѣтъ пріемля Кировъ;
Но вѣдаешь ли, Князь, коль хитръ сей человѣкъ?
Изъ Грековъ старецъ сей коварный самый Грекъ.
Страшись его рѣчей, страшись души и нрава:
Хоть медъ на языкѣ, въ душѣ его отрава.

Владимиръ, снисходя воителю сему,
Со кротостью вѣщалъ сіи слова ему:
О храбрый мужъ! всегда ты праздность не-
навидѣлъ,
Ты странствовалъ вездѣ, народы многи видѣлъ;
Средземный, слышалъ я, ты преплылъ океянъ,
Ты зрѣлъ язычниковъ, ты видѣлъ Христіянъ:
О первыхъ вѣдаю, повѣдай о послѣднихъ,
Нашелъ ты Царствамъ ихъ полезныхъ, или
вредныхъ? . . .
Воитель, опершись на ратно копіе,
Подумавъ нѣсколько, Царю вѣщалъ сіе:
Я видѣлъ Христіянъ, и самъ тому свидѣ-
тель,
Что подлинно у нихъ въ почтеньѣ добродѣ-
тель. . . .
При сихъ его словахъ Сомнѣнья мутный ядъ
Наполнилъ какъ туманъ Рогдаевъ быстрый
взглядъ.
Онъ тако продолжалъ: Я видѣлъ ихъ служенье,
Могущее привлечь къ восторгамъ воображенье;
Но сколь торжественно и пышно есть оно,
Лишь воображеніе и трогаетъ одно.
Какъ пламень ихъ мольбы предъ олтаремъ пы-
лаютъ,
Но никакихъ слѣдовъ въ сердцахъ не оставляютъ;
Не видно, чтобъ законъ имъ свѣтъ вносилъ
въ умы:
Всѣ Греки таковыжъ внѣ храмовъ, какъ и мы;
Тѣжъ царствуютъ межъ нихъ нестройства и
раздоры;
Не точность святость ихъ, а только разговоры.
Обряды новые имъ далъ ихъ новый Богъ,
Но видно, ихъ сердецъ преобразить не могъ;
И естьли видима какая въ Грекахъ разность,
Такъ робость то одна, или безпечна праздность.

О Князь! я не читалъ ихъ таинственныхъ книгъ,
Но отъ Византіи Египта я достигъ,
Раифску степь прешелъ, Фаранъ и Фиваиду;
Но что же моему представилося виду?
Не храбрыхъ рыцарей, не войски видѣлъ тутъ,
Одни пустынники въ глухихъ степяхъ живутъ;
Тамъ дѣти у отцевъ закономъ похищенны,
И грады цѣлые стоятъ опустошенны.
Когда не погашенъ сей будетъ къ небу жаръ,
То вскорѣ весь земный опустошится шаръ,
Законы естества они пренебрегаютъ,
Не защищаются они, не посягаютъ;
Земля чужда для нихъ, ихъ царство небеса,
И только слышны въ ихъ вертепахъ чудеса,
Цѣльбы, видѣнія, мечтательные страхи;
Преобразилися всѣ рыцари въ монахи.
Въ безмолвномъ житіи когда ихъ посѣщалъ,
Не рѣдко отъ враговъ сихъ нищихъ защищалъ;
Не похваляюся, я истину вѣщаю. —
Но сею повѣстью, мой Царь, твой духъ смущаю;
Я сердца твоего тревожить не хочу;
Есть много, что вѣщать, однако умолчу.
Владимиръ на сіе: Твое недовѣренье
Лишь вящшее во мнѣ раждаетъ подозрѣнье;
Коль, видя подданный Царя, вельможей, тронъ,
Не скажетъ истины, не любитъ Царства онъ.
Къ чистосердечію Рогдая призываю,
Какъ другъ о томъ прошу, какъ Царь повелѣваю. . . .
Очами все Рогдай собраніе обтекъ,
Не буду скроменъ я теперь предъ вами, рекъ;
Представлю ясно вамъ Ахейско Государство,
Представлю дружбу ихъ, представлю и коварство.
О царь! мои слова внемли и разсуждай!
Не знаетъ клеветы, не знаетъ льсти Рогдай.

Въ началѣ я скажу, о Князь! къ твоей отрадѣ:
Въ Россію шествуя, когда я былъ въ Царь-градѣ,
Какъ другу сердце мнѣ Ахейскій Царь открылъ,
И съ важностью слова такія говорилъ:
Когдабъ Владимиръ Князь вступилъ во Христіянство,
Межъ нами утвердить союза постоянство
Мою сестру бы съ нимъ я бракомъ сочеталъ.
Не требуй отъ меня о сей Княжнѣ похвалъ:
Я въ мірѣ красоты не знаю ей подобной;
Но мышлю, духъ къ любви имѣя неспособной,
Что пала Фригія, что Троя сожжена,
Тому причиною Ахейская жена.
Сулятъ Ахеяне священные союзы;
Но сей союзъ, о Князь! одни златыя узы,
Которы, съ кротостью возвергнувъ на тебя,
Принудятъ Греки насъ боготворить себя.
Владимиръ рекъ тогда: Рогдай! ты дерзко мыслишь;
Скажи мнѣ, льстивыми съ чего ты Грековъ числишь?
Сей миръ, который былъ межъ нами заключенъ,
Сей миръ на истинѣ донынѣ утвержденъ.
Рогдай на то: Я вѣкъ не льстилъ и не лукавилъ;
О Грекахъ говорить меня ты самъ заставилъ.
Спрягайся съ ихъ Княжной, прими ты ихъ законъ;
Но прежде накажи бунтующій Херсонъ.
Я вѣдаю, что ты, о Князь! великодушенъ,
Ты Грекамъ миръ даришь, а миръ отъ нихъ нарушенъ:
Херсонцы въ плѣнъ берутъ Россійски корабли;
Нѣтъ подданнымъ твоимъ покоя на земли;
Сіи искусные въ коварствѣ человѣки
Въ неволю продаютъ и грабятъ Россовъ Греки.
Когда въ восточной я столицѣ пребывалъ,
Въ неволѣ страждущихъ Россіянъ познавалъ,

Которы присланы во узахъ изъ Херсону.
Я жалобы за нихъ принесъ ко Царску Трону;
Но коль ругательный имѣлъ отъ нихъ отвѣтъ!
Не боги люди суть, не весь исправить свѣтъ;
Вотъ Греки каковы! Но естьли имъ не можно,
Такъ намъ, когда не всѣхъ, исправить Грековъ должно:
Личину овчую съ волковъ, о Князь, сорви,
И стада своего имъ пастыря яви. . . .
Но я ли, будучи непросвѣщенный воинъ,
Совѣты подавать Владѣтелю достоинъ?
Готовъ къ сраженію, коль надобенъ мой мечь;
Коль кровь моя нужна, она готова течь;
Я весь принадлежу Царю на ратномъ полѣ,
Я рабъ, усердный рабъ Владимировой волѣ;
Но я не рабъ тогда, коль Царь впадаетъ въ сонъ:
Свобода въ мірѣ семъ, свобода мнѣ законъ;
Мое богатство, Князь! мечи, щиты и слава,
А Греческій законъ для мужества отрава:
Я новыхъ никакихъ не избирая вѣръ,
Пойду въ Аравію, гдѣ царствуетъ Кадеръ;
Иль славныхъ дѣлъ искать пойду къ странамъ Вамрила,
Которыя струи обогащаютъ Нила.
Едва онъ кончилъ рѣчь, вельможи, взоръ склонивъ,
Признались, что Рогдай въ глаголахъ справедливъ:
Мы слышали давно, другъ другу говорили,
Что Греки во вражду миръ съ нами претворили;
Херсонъ условіе, Херсонъ нашъ мечь забылъ! . . .
Водѣ текущей съ горъ сей ропотъ сходенъ былъ.
Вельможи льстилися, что вѣсть разсѣявъ ону,
Созиждутъ межъ себя и Христіянъ препону.
Поколебала вѣсть Владимира сія;
Но волнованіе своей души тая,

Въ задумчивость Монархъ на тронѣ углубился,
Потупилъ томный взоръ, на локоть преклонился.
Отверзъ Сомнѣнію Владимиръ къ сердцу путь;
Оно, какъ будто змій, въ его вползаетъ грудь,
Извергло черный ядъ, спокойство умертвило,
Что въ ней посѣялъ Киръ, то ядомъ отравило.
Недоумѣній тму вмѣщающій въ себѣ,
Надолго пребылъ Царь во внутренней борьбѣ;
На слѣдствія воззрѣлъ Отечества плачевны,
На хитрость Греціи, на прелести Царевны.
Былъ сходенъ Княжій духъ колеблемымъ волнамъ,
Влекущимъ мысль его то къ миру, то къ войнамъ.
Тогда, которыя въ изгибахъ сердца крылись,
Вздремавши слабости мгновенно пробудились;
Движенье учинивъ, смятеніе и шумъ,
Простерли крылія, влетѣли въ Княжій умъ.
Такъ свойство тонкое земныхъ паровъ густѣетъ,
Упругости въ себѣ коль воздухъ не имѣетъ,
Возъемлется на верхъ туманная рѣка,
И превращается въ густыя облака;
Подъ ней лежащій столпъ воздушный угнѣтаетъ,
Колеблетъ горъ хребты, перунами блистаетъ.
Воображеніе намъ первый другъ и врагъ:
Лишь только учинитъ въ разсудкѣ первый шагъ,
Всю нашу чувственность и всѣ душевны свойства
Наполнитъ радостью, иль ихъ лишитъ спокойства.
Какъ сѣмя сельное пшеницу коль плодитъ,
Единое зерно зернъ тысящу родитъ;
Воображеніе по лабиринтамъ водитъ,
И человѣкъ за нимъ какъ тѣнь за вещью ходитъ.
Дѣлится Княжій умъ, въ сомнѣнье углубленъ,
Какъ будто въ два ручей потока раздѣленъ:
Единъ потокъ въ лугахъ гуляетъ межъ цвѣтами,

Другій течетъ мутясь по блату тѣснотами.
Князь мыслилъ самъ въ себѣ: Все можетъ быть обманъ,
Что мнѣ ни сказано о Вѣрѣ Христіянъ:
Пожертвую мою сему закону славу,
А можетъ быть чрезъ то разстрою всю Державу;
Съ другой страны ему Ахейская Княжна,
Къ союзу съ Греками казалась быть нужна;
Ея лица видалъ Монархъ изображенье,
Оно восхитило его воображенье.
Мгновенно Киръ тогда изъ памяти изчезъ,
И сдѣлала любовь закону перевѣсъ;
Но Вѣры слабый лучь не вовсе затмѣвался:
То сладкій виноградъ вкругъ терна обвивался.
Россія вдругъ его представилась очамъ:
Она главой своей касалась облакамъ,
Гремяща славою, вѣнцами увязенна,
Держаща мечь въ рукѣ, порфирой облеченна;
Взоръ строгій на Царя Россія возвела,
Нахмурила чело и такъ ему рекла:
Меня ли въ жертву ты Херсонянамъ оставишь,
Вѣнцовъ моихъ лишишь и вѣкъ твой обезславишь?
Воюй! иль къ данникамъ неси, Владимиръ, дань! . . .
Рѣшился вдругъ Монархъ начать съ Херсономъ брань;
Въ очахъ его огни какъ пламень возблистали,
И тайну мысль его вельможи прочитали.
Колико склоненъ есть къ премѣнамъ человѣкъ!
Князь, очи обративъ, всему собранью рекъ:
О вы, богами мнѣ и правомъ крови данны,
Вельможи, рыцари, сыны мои избранны!
Доказывалъ я вамъ и нынѣ докажу,
Что я Отечеству какъ Царь и другъ служу:
Взаимственны у насъ и пользы и обѣты;
Пріемлю важные Рогдаевы совѣты.

Не узы Гречески пойду я лобызать,
Закона не просить, пойду законъ ихъ взять;
Мнѣ женски прелести препоны не поставятъ,
Царевну Греки мнѣ какъ плѣнницу представятъ,
И гордый братъ ея предъ сѣвернымъ мечемъ
Во мнимомъ торжествѣ обманется своемъ.
Смирить Византію, Россіи въ оборону,
Перуны понесемъ къ мятежному Херсону.
Онъ рекъ, и возвѣстить съ Херсономъ брань велѣлъ!

Молва по всѣмъ градамъ паритъ скорѣе стрѣлъ,
Паритъ и всю она Россію восхищаетъ,
Кровавую войну съ Херсонцами вѣщаетъ.
Повсюду внемлется орудій бранныхъ звукъ,
Скрыпѣніе колесъ, тяжелыхъ млатовъ стукъ.
Восколебалися, какъ будто въ морѣ волны,
Россійскіе полки, охотой къ битвамъ полны;
Такъ громоносныя багровы облака
Стираетъ въ воздухѣ Бореева рука:
Земля издалека перуны страшны внемлетъ,
И туча мрачная небесный сводъ объемлетъ;
Бросая молніи, лѣса и горы бьетъ,
Чревата бурями, темна какъ нощь, идетъ.

Оставь до времени военный подвигъ, лира!
Бесѣдованье той съ Россійскимъ Княземъ Кира.
Вступилъ, и только онъ возвелъ на Князя взоръ,
Уходитъ, будто нощь съ вершинъ лѣсовъ и горъ
Свѣтила дневнаго при первомъ озареньѣ,
Уходитъ сердца внутрь къ Владимиру Сомнѣнье.
Смутился Царь; но Киръ смятеніе пресѣкъ,
Устами будто бы Пророческими рекъ,
И мнится, слышу я глаголы Даніила,
Въ которомъ Божія Премудрость говорила,
Благочестивый Киръ Владимиру вѣщалъ:
Я мысли, Князь, твои и сердце прочиталъ;

Грѣхъ царствуетъ въ тебѣ, грѣхъ, вѣчный нашъ мучитель,
Онъ въ сердцѣ подлый рабъ, иль гордый повелитель;
Грѣхъ въ подданномъ, о Князь! ему приноситъ вредъ,
Но грѣхъ въ Царѣ виной бываетъ общихъ бѣдъ.
Коль внемлетъ клеветамъ сѣдящій Царь на тронѣ,
Такъ дѣлаетъ своей безчестіе коронѣ:
Рогдай тебѣ вѣщалъ не истину, обманъ,
Когда онъ вредными представилъ Христіянъ.
Конечно суетность они отвергли міра;
Ты хуждшаго изъ нихъ, Владимиръ, видишь Кира:
Тѣнь кажетъ Христіянъ тебѣ поступокъ мой;
Для міра ихъ дѣла густой покрыты тмой,
Но Богу видимы во безпрестанномъ свѣтѣ.
Спасенье душъ у нихъ есть первый членъ въ обѣтѣ,
Другой, сокровища мірскія презирать,
А третій, жить въ любви, въ любви и умирать;
На собственныхъ они злодѣевъ не враждуютъ,
Но за отечество безъ всякой мзды воюютъ;
Пустынныхъ жителей коль хочешь знать, внемли:
Они какъ Ангели витаютъ на земли;
Не только о себѣ моленія приносятъ,
Но блага ихъ Царямъ, и блага ближнимъ просятъ,
И Богъ на небеси внимаетъ ихъ мольбамъ,
Ихъ нощь посвящена и день святымъ трудамъ;
Не сѣтуютъ они, богаты, или бѣдны,
Пекутся о душахъ. Сіи ли люди вредны?
Я только ложь явить Рогдаеву хотѣлъ;
Но въ тайну Княжескихъ не вмѣшиваюсь дѣлъ.
Обиду отомщать намѣренъ ты Херсону;
Отечество блюсти Князь долженъ и корону:

Гряди и соблюдай! Но вѣрь моимъ словамъ,
Что ты умрешь, о Князь! потомъ воскреснешь тамъ.
Еще тебѣ скажу: Со Греческой Княжною
Ты будешь сопряженъ въ Таврійскомъ Царствѣ мною. . . .
Со умиленьемъ Князь сіи слова внималъ;
Но ихъ значенія еще не понималъ,
И тако рѣчь простеръ: Что, старче, мнѣ вѣщаешь?
Ты духъ тревожишь мой и духъ мой восхищаешь;
Я таинства твоихъ не понимаю словъ.
Коль должно умереть, умрети я готовъ;
Но какъ могу умреть и паки вновь родиться,
Потомъ и съ Греческой Княжной совокупиться?
Я вижу, что въ тебѣ Господь глаголетъ твой;
Но Божій для меня глаголъ одѣянъ тмой:
Сними завѣсу съ словъ. . . . Киръ тако отозвался:
Въ моихъ глаголахъ смыслъ небесный заключался;
Господняя печать лежитъ на тайнѣ сей,
Котора для твоихъ невидима очей.
Начто намъ тайны знать, когда необходимы?
Начто ихъ толковать, когда неизъяснимы?
Войну, сраженья, кровь, препятства вижу я!
Но слава, Государь, умножится твоя.
Три краты полная когда луна явится,
Что я предрекъ тебѣ, все точно совершится;
Не спрашивай теперь, Владиміръ, ничего. . . .
Киръ тако рекъ Царю, и скрылся отъ него.

Оставленъ въ ужасѣ, оставленъ въ удивленьѣ,
Владиміръ чувствуетъ къ войнѣ воспламененье;
Разсудка узами сомнѣнье обуздалъ,
Тогда наложницамъ своимъ свободу далъ;
Тогда освободилъ отъ казни Гориславу,

Ей съ сыномъ возвративъ Полоцкую Державу.
Но плотскія любви горѣлъ еще въ огнѣ,
Всѣ мысли устремивъ ко Греческой Княжнѣ;
И главною была любовь тому виною,
Что онъ въ Херсонъ пошелъ со пламенной войною.
Вѣщательница всѣхъ дѣяній въ мірѣ семъ,
Неусыпающа ни нощію, ни днемъ!
Ты каждый въ мірѣ часъ древнѣе становишься,
И въ новыхъ видахъ намъ безпрестанно зришься!
Предстань передо мной, одѣнься Музой ты,
Разсыпь, Исторія! на пѣснь мою цвѣты!
Россія, пламенемъ военныхъ битвъ возженна,
Уже являлася ко бранямъ вооруженна:
Пернатый шлемъ на ней, блестящій мечь въ рукахъ,
Отважность на челѣ и мужество въ очахъ;
Котора на ея груди свой одръ имѣла,
Мгновенно тишина какъ голубь отлетѣла;
Оружій слышенъ шумъ, звучаніе броней,
Яремныхъ ревъ воловъ и ржаніе коней.
Полжатвы селянинъ на нивѣ оставляетъ,
Не ропщетъ: трудъ его семейство докончаетъ;
Колчанъ имѣющій шумящихъ полонъ стрѣлъ,
Летитъ на гласъ трубы какъ бодрственный орелъ.
Преобразилися искривленные плуги
Въ доспѣхи ратные, во шлемы, во колчуги;
Недавно въ полѣ серпъ межъ класами блисталъ,
Но серпъ у воина теперь кинжаломъ сталъ.
Пуста Россійская является Держава;
Но мужествомъ полна, въ ней тронъ имѣетъ слава.
Полночны жители такого свойства суть,
Что къ бранямъ завсегда у нихъ готова грудь:
Оставя въ полѣ плугъ, изъ самыхъ нѣдръ покоя
Преображается оратель во героя.

Я зрю на высотѣ Днѣпровыхъ береговъ
Россійскихъ сонмище великое полковъ;
Какъ будто облака, на части раздѣленны,
Въ громаду кажутся потомъ совокупленны,
Мнѣ тучей мрачною являются полки,
Разширившейся вдоль шумящія рѣки;
Мнѣ тамо храбрые воители предстали,
Которы въ тучѣ сей какъ молніи блистали:
Тамъ видѣнъ Суздальскій начальникъ, Свято-
славъ,
Отважный Всеволодъ, Заволжскій Князь Мсти-
славъ,
Позвѣздъ и Изяславъ; но въ ихъ младые годы
Въ очахъ у нихъ сіялъ геройскій духъ природы;
Владимировы то отважные сыны,
И мужествомъ ему и мудростью равны.
Владимиръ выступилъ изъ града въ ратно поле,
И зрится прежняго теперь Монарха болѣ;
Лучи спиралися въ его златой бронѣ,
На буряхъ, мнилось, онъ сидѣлъ, не на конѣ;
Пернатый шлемъ его зефиры развѣвали,
Величества челу вѣнчанну придавали;
Казалось, будто бы, принявъ тѣлесный видъ,
Небесный нѣкій духъ въ его лицѣ сокрытъ.
Я вижу вкругъ него вельможей знаменитыхъ,
Бросающими огнь доспѣхами покрытыхъ.
Такъ всходитъ свѣтлая на горизонтъ луна,
Когда планетами объемлется она,
И войско двигнулось съ гремящею музыкой
Подобіемъ рѣки, теченіемъ великой.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Уже Россійскихъ войскъ великая громада
Какъ туча двигнулась изъ твердыхъ стѣнъ Вышграда;
Одѣта бурями являлася извнѣ,
И Днѣпръ оставила на лѣвой сторонѣ;
Надъ войскомъ пламеннымъ какъ облакъ пыль віется,
Въ горахъ оружій звукъ и топотъ раздается;
Для вящшихъ на бою Владимиру услугъ,
Сомкнулись рыцари въ особый тѣсный кругъ:
Рогдай, Ираклію въ сраженіяхъ подобный,
Сломинъ, какъ волны вѣтръ полки клонитъ удобный;
Громвалъ, отважный мужъ; Мечидъ, стѣна своихъ;
Безстрашный Силоволъ, и множество другихъ.
Добрыня, Царскій другъ, и кто бъ тому повѣрилъ!
Добрыня никогда предъ нимъ не лицемѣрилъ,
Онъ дружбу самымъ тѣмъ со Княземъ удержалъ,
Что сердце передъ нимъ и мысли обнажалъ;
Здѣсь подданный и Царь изъ мыслей испребились,
И два почтенные мнѣ друга въ нихъ открылись.
Не опасайтеся въ лугахъ теперь вреда
На тучныхъ пажитяхъ пасомыя стада;
Покойтесь посреди военныхъ звуковъ грады,
Въ объятіяхъ отцевъ спокойно спите чады,
На лонѣ дочери у матерей своихъ;
Хоть громъ вокругъ гремитъ, но край полночный тихъ:
Трудитесь надъ землей оратели по волѣ;
Что можетъ васъ смущать? Владимиръ въ раннемъ полѣ.

Воспламеняется вкругъ сѣвера война;
Но въ нѣдрахъ у него златая тишина.
Военныхъ пѣсней гласъ согбенны старцы внемлютъ,
Сѣдинами главы украшенны подъемлютъ,
И чая вдалекѣ сыновній слышать гласъ,
Что мощь изчезла ихъ, на сей жалѣютъ часъ.
Какъ звѣздные круги полки Владимиръ водитъ,
Песчаныя поля и дебри онъ преходитъ;
Златые терема, верьхи высокихъ горъ
Изъ вида своего уже теряетъ взоръ;
Сокрылись Кіевски великолѣпны стѣны,
Лишь видны рощи вкругъ, одни луга зелены;
Не слышно нѣжныхъ женъ печальныхъ голосовъ,
Но слышенъ шумъ въ Днѣпрѣ біющихся валовъ:
Едино мужество воителямъ предходитъ,
Сыновъ и женъ у нихъ въ забвеніе приводитъ;
Отечество одно на памяти у нихъ,
Оно теперь отецъ, оно и дѣти ихъ;
Во пламенной груди Отечество вмѣщенно,
Поругано оно, и будетъ отомщенно.
Идуще воинство во знойный томный день
Встрѣчаетъ наконецъ дубравы черну тѣнь.
Свѣтило дневное ко западу клонилось,
Лѣсами отъ очей дремучими закрылось;
Прохладный вѣтерокъ вечерній повѣвалъ,
Томящися полки къ покою призывалъ;
Дубраву чистые потоки орошали,
Лазоревы цвѣты пригорки украшали:
Владимиръ къ отдыху желаніе явилъ,
Какъ бурную рѣку полки остановилъ.
Готовятъ ратники между шатрами ясиву,
Бѣгутъ кони въ луга, выходитъ волъ на паству.
Владимиръ посреди воины и ратныхъ дѣлъ
Царевной Греческой плѣненну мысль имѣлъ.

Что нравно намъ, и духъ и мысли тѣмъ питаемъ!
Бесѣдовать о ней уходитъ Царь съ Рогдаемъ;
Онъ чувства нѣжныя въ душѣ своей понесъ;
Съ Рогдаемъ шествуя, вступилъ въ зеленый лѣсъ;
О прелестяхъ Княжны Рогдая вопрошаетъ,
Единой повѣстью всю душу утѣшаетъ:
Что будетъ чувствовать Владимиръ въ тѣ часы,
Когда Царевнины увидитъ онъ красы?
Питаясь сладкими душѣ его словами,
Владимиръ близь себя увидѣлъ межъ древами,
Которы, тѣнями покрывъ цвѣтущій лугъ
И тихій шумъ чиня, изображали кругъ,
Журчащіе въ травѣ источники бѣжали,
Въ пустынѣ нѣкое уныньe умножали, —
Увидѣлъ Царь тогда густыхъ древесъ въ кругу
Гробницу мрачную, стоящу на лугу.
Владимиръ близь нее въ древесныхъ черныхъ тѣняхъ
Пустынника узрѣлъ, стояща на колѣняхъ;
Одеждой бѣлою, какъ Ангелъ, покровенъ,
Пустынникъ предстоялъ, въ молитву погруженъ;
Унылости въ его челѣ изображенны,
И длани онъ имѣлъ ко персямъ приложенны;
Казалось, изъ его затворенныхъ очей
Горчайшихъ слезъ лился на грудь его ручей;
Молитвы иногда стенаньемъ прерывались,
Древа съ стенаніемъ его согласовались;
Казалось тихое движеніе листовъ,
Потоковъ томный шумъ печальныхъ полны словъ.

Остановился Царь, видѣньемъ изумленный,
Иль паче зрѣлищемъ печальнымъ умиленный.
Но умиленія Рогдай не зная, рекъ:
Конечно здѣсь какой нещастный человѣкъ!
Страдать и мучиться, о Князь, его оставимъ;

Уже луна взошла, обратно путь направимъ.
Владимиръ отвѣчалъ: Не внемлю словъ твоихъ:
Сей страждущій единъ изъ подданныхъ моихъ,
Могу ли быть его печали непричастенъ?
Нещастенъ Царь тогда, коль подданный нещастенъ!
Вѣщая тѣ слова, къ пустыннику пошелъ,
И шумъ сквозь вѣтвія идущій произвелъ.
Сей шумъ пустынника изъ мыслей извлекаетъ,
Молитвы онъ свои и слезы пресѣкаетъ.
Владимиръ вопросилъ: Скажи, нещастный, мнѣ,
Скажи мнѣ, кто ты есь, въ какой рожденъ странѣ?
Тогда отвѣтствовалъ отшелецъ рѣчью сею:
Я три отечества во свѣтѣ, Князь, имѣю:
Россія первое, второе мнѣ лѣса,
А третье день и нощь желанны небеса;
Я рабъ твой, но рабомъ Господнимъ почитаюсь,
И Христіяниномъ я нынѣ нарицаюсь. . . .
Умножился тогда сквозь вѣтви лунный свѣтъ,
И Князь въ пустынникѣ Стенара познаетъ.
Что дѣлаешь ты здѣсь, мой сынъ и храбрый воинъ?
Владимиръ возопилъ; не рубищъ ты достоинъ!
Достоинъ ты носить броню, пернатый шлемъ,
И защищать твое Отечество мечемъ;
Россійски рыцари ликуютъ въ ратномъ полѣ,
А ты у гроба здѣсь томишься какъ въ неволѣ.
Извѣстно мнѣ, что ты отвергнулъ нашъ законъ;
Но новый не претитъ блюсти Россійскій Тронъ.
Какой злодѣй тебя къ пустынной жизни нудитъ?
Ахъ! вѣрь, что какъ отецъ, рабовъ Владимиръ судитъ . . . .
Стенаръ, склонивъ главу, Монарху отвѣчалъ:
Никто обиды мнѣ, о Князь! не приключалъ;
Что Христіянскимъ я закономъ просвѣтился,
Давно о томъ, давно Владимиръ извѣстился.
Не можешь ты не знать, о Князь! и сихъ чудесъ,

Что со Свѣтидою изъ мертвыхъ я воскресъ;
Молитвы Кировой сіе святое дѣйство,
Ко Богу привлекло Кифарово семейство;
Не вѣдаю о томъ, гдѣ скрылися они,
Я кончить здѣсь хотѣлъ мои съ Свѣтидой дни;
Иль паче внемлющи Господню свыше слову,
Сокрылись мы въ сію дремучую дуброву;
Питались быліемъ въ страданіи святомъ;
Мы изнуряли плоть молитвой и постомъ;
Въ любви съ Свѣтидою, не въ плотской и не кровной,
Во пламенной любви молились мы духовной;
Но часъ ея пришелъ, она въ рукахъ моихъ
Избавилася узъ и горестей плотскихъ:
Я душу зрѣлъ ея не небеса парящу,
Въ безплотномъ существѣ какъ Ангела свѣтящу;
Остался я единъ въ пустынныхъ сихъ лѣсахъ
Свѣтидинъ лобызать во гробѣ скрытый прахъ.
Я плачу не о томъ, что я лишенъ любезной;
Но о грѣхахъ моихъ лію потокъ мой слезной,
И въ Богѣ духъ ея ликующій молю,
Да съ нею въ небесахъ блаженство раздѣлю.
Я видѣлъ, Государь, твои знамена въ полѣ;
Но имъ послѣдовать уже невластенъ болѣ:
Не твой я воинъ сталъ, но воинъ сталъ Христовъ;
Кто служитъ Господу, такъ нѣтъ у тѣхъ враговъ!
Всѣ люди братья мнѣ. . . . Въ духовной къ нимъ любови
Удобноль мнѣ желать пролитія чьей крови?
Всеобщей не враждой, но миромъ веселюсь!
Молюсь за ближняго и за враговъ молюсь.
Гряди къ Херсону, Князь; ты въ славѣ возвратишься,
Когда Христовымъ ты закономъ просвѣтишься . . . .

Тогда Рогдай вскричалъ: Намъ кажетъ образецъ
Монаховъ Греческихъ изъ войска сей бѣглецъ,
Монаховъ, кои Царствъ одно отягощенье;
Ихъ стоитъ дорого народамъ и поцѣнье;
Пригбенны длани ихъ всечасно ко грудямъ,
Изображаютъ ихъ несклонность ко трудамъ;
Они родителей и ближнихъ покидаютъ,
Бѣгутъ отъ нихъ въ лѣса, но трудъ ихъ поядаютъ.
Изрядный промыслъ! гладъ въ безпечности тушитъ,
Пустыни населятъ, а грады пустошитъ.
Стенаръ! отвергнулъ ты и чести и богатство,
Но избралъ лучшее, ты избралъ тунеядство.
Я вѣрю, что законъ тебя, Стенаръ, спасетъ;
Но Царству отъ того ни малой пользы нѣтъ.
Когда Владѣтель твой и ближніе и други
Несутъ главы свои Отечеству въ услуги,
Какъ нищій въ рубищахъ ты въ темный скрылся лѣсъ,
И чаешь тѣмъ быть правъ, что ищешь ты небесъ;
Распространенія ищи твоей державы,
Зищитникъ Царства будь, подпорой общей славы;
Для блага общаго, не для себя, трудись,
Не съ тѣнями въ лѣсахъ, съ врагомъ въ поляхъ борись.

Но сердце кротости имѣя покоренно,
Стенаръ отвѣтствовалъ на дерзку рѣчь смиренно:
Что ты клевещешь такъ святыхъ мужей, Рогдай,
Досады отъ меня за то не ожидай;
Пустынножительства ты важности не знаешь;
Не чувства ихъ, одну наружность порицаешь,

Во внутренность сердецъ проникнути не могъ;
Но ты чего не зришь, то видитъ ясно Богъ.
Не мни, что тѣ одни, которы служатъ въ полѣ,
Спасителями Царствъ бываютъ прочихъ болѣ;
Не мни, что копья, мечь и множество полковъ
Для истребленія потребны суть враговъ.
Ахъ! есть отечествамъ сильнѣйшая защита:
Одѣта не въ броню, ни шлемомъ не покрыта,
Въ печальныхъ рубищахъ, въ пощеніи она,
Небесной храбрости, священныхъ чувствъ полна;
Одна ея слеза къ защитѣ Небо клонитъ,
Единый тяжкій вздохъ враговъ отъ Царства гонитъ.
Когда бы не было молителей такихъ,
Не защитили бы гражданъ ограды ихъ,
Не устрашилибъ ихъ враговъ мечи, ни стрѣлы.
Есть люди, Богъ хранитъ для коихъ царствы цѣлы!
Безъ нихъ бы шаръ земный давно омыла кровь.
Сія защита есть Божественна Любовь . . . .
Не мни, Рогдай, когда я въ рубищахъ скитаюсь,
Что я и день и нощь съ врагами не сражаюсь;
Незнаемы, Рогдай, сіи враги тебѣ,
Но близко суть они: я первый врагъ себѣ;
Имѣю самъ съ собой безпрестанны битвы;
Мои доспѣхи крестъ, моя броня молитвы.
Сего бы я врага преодолѣть не могъ,
Когдабъ въ побѣдѣ мнѣ не поборалъ мой Богъ.
Еще враговъ, еще имѣю и незримыхъ,
Безплотныхъ, въ злости ихъ ничѣмъ непобѣдимыхъ;
Сражаюсь съ ними я невооруженъ и нагъ:
Тому не нуженъ мечь, кто вѣчныхъ ищетъ благъ!
А ты, Рогдай, когда выходишь въ ратно поле,

Желѣзнымъ кажешься, не плотскимъ мужемъ болѣ;
Но вѣдай, что ни шлемъ, ни острый мечь, ни щитъ
Тебя во брани сей, Рогдай, не сохранитъ:
Прольется кровь твоя въ концѣ войны рѣкою,
Ты будешь пораженъ отмстительной рукою.
Рогдай, внимающій пустынникову рѣчь,
Остервѣнился вдругъ и выхватилъ свой мечь;
А ты, онъ возопилъ, пророкъ, пророкъ презрѣнный!
Не знаешь, что пришелъ твой часъ опредѣленный;
Поди къ Свѣтидѣ ты, доколѣ я живу. . . .
Какъ агнецъ преклонилъ Стенаръ подъ мечь главу.
Но вдругъ Рогдаевъ мечь Владимиръ отвращаетъ,
Онъ грозный бросивъ взглядъ, Рогдаю такъ вѣщаетъ:
Преступникъ! Царь твой здѣсь! обратно мечь вложи!
Чѣмъ виненъ предъ тобой пустынникъ сей, скажи?
Иль тѣмъ, что суетность ему противна міра?
Но рубищи его почтеннѣй, чѣмъ порфира;
И естьлибъ въ мірѣ семъ не Царствомъ я владѣлъ,
Я самъ бы въ семъ лѣсу Стенаромъ быть хотѣлъ.
Молись, о мнѣ молись, о юноша почтенный! . . .
Но съ нѣкой важностью вѣщалъ Стенаръ смиренный:
Ахъ! мнѣ ли о тебѣ молитвы возсылать?
Я благъ однихъ могу Владимиру желать.
О Князь! судьба твоя уже запечатлѣна;
Дивиться будетъ вся дѣламъ твоимъ вселенна:
Ты вѣру правую въ Россіи утвердишь;
Оставь меня! — гряди! — себя ты побѣдишь! . . .

Со умиленіемъ Стенара Князь оставилъ,
И путь съ воителемъ къ шатрамъ своимъ направилъ.
Спитъ воздухъ, рѣки спятъ, единъ Рогдай не спитъ;
Въ немъ сердце, какъ волна біясь во брегъ, кипитъ;
Не можетъ онъ простить Стенару предсказанья,
Ни Князю кроткаго въ дубравѣ увѣщанья.
Онъ въ бѣшенствѣ своемъ зажегъ бы цѣлый міръ;
Но вдругъ его очамъ является Зломиръ;
Лукавый оный волхвъ, который въ сердцѣ мутномъ
Страданье ощущалъ въ злодѣйствѣ всеминутномъ,
Боялся Бога онъ, но Бога не любилъ;
Геенной управлялъ, рабомъ геенны былъ;
Къ Рогдаю приступивъ, вскричалъ: О храбрый воинъ!
Ты богомъ нарещись полночныхъ странъ достоинъ,
Не тѣмъ, что рыцарей во браняхъ побѣдилъ,
Что славу ты свою во свѣтѣ утвердилъ;
Такіе въ древности воители бывали,
Которыхъ мужество народы воспѣвали;
Сильнѣе ты боговъ явился въ наши дни,
И сдѣлалъ то, чего не сдѣлали они:
Ни адъ успѣть не могъ, ни лесть, ни чародѣйство,
Ты все преодолѣлъ и все устроилъ въ дѣйство.
О богъ, или богамъ подобный человѣкъ!
Отъ новой вѣры ты Владимира отвлекъ,
Сомнѣнья сѣмяна въ душѣ его посѣялъ,
И склонность въ немъ къ Христу какъ вѣтромъ прахъ развѣялъ;

Кумирамъ черезъ то и мнѣ ты угодилъ;
Теперь-то сильнаго врага ты побѣдилъ!
Однако все сіе отнынѣ втунѣ будетъ:
Владимиръ сихъ боговъ въ Херсонѣ позабудетъ,
Возлюбитъ Христіянъ и вѣру премѣнитъ,
А тѣмъ и славу всю Рогдаеву затмитъ;
Но можешь ты ему единъ препоны ставить,
И болѣе еще, Рогдай, себя прославить.
Есть средство для сего; но ты, иль кто нибудь,
Обязанъ въ сей нощи пуститься въ дальній путь.
Тогда сказалъ Рогдай: Кому успѣхомъ льститься,
Когда въ сей путь итти Рогдай не согласится?
Рогдаевъ нѣтъ другихъ.... Куда итти? за чѣмъ?
Стенара коль разить, такъ я готовъ съ мечемъ;
Но ежели сіе незнаменито дѣло,
Такъ ты и не дерзай давать совѣтовъ смѣло....
Зломиръ отвѣтствуетъ, имѣя скромный видъ:
Внемли, коль важное намъ дѣло предлежитъ.
Долина черная близь мутнаго потоку,
Долина есть, Рогдай, незрима смертныхъ оку;
Тамъ портитъ собственны законы естество,
Въ долинѣ сей престолъ имѣетъ божество,
Которое зовутъ во свѣтѣ Суесвятствомъ,
А я его зову премудрости изрядствомъ:
Преображается песокъ во злато имъ,
Въ порфиры рубища, законы въ тѣнь и дымъ;
Перуны пламенны оно во гнѣвѣ мещетъ,
И мудрость передъ нимъ блѣднѣетъ и трепещетъ;
Какъ хощетъ, судитъ такъ о истинѣ оно:
Сіе-то божество златое есть руно;
Ея глаголанье всегда краснорѣчиво,
И убѣдительно, что прочимъ мнится лживо;
По выгодамъ своимъ законамъ толкъ даетъ,
Преображаетъ свѣтъ во тму, и тму во свѣтъ.

Ты знаешь то, что Князь, достигнувъ до Херсону,
Ко Христіянскому привергнется закону;
Спряжется бракомъ онъ со Греческой Княжной,
Возставивъ миръ, пойдетъ противъ боговъ войной.
Но вѣру древнюю Владимиръ пусть оставитъ,
Пускай онъ думаетъ, что къ небу путь направитъ,
На семъ пути его отважимся прервать,
И паки обратить на прежній къ аду путь.
То самое, чѣмъ онъ достигнуть неба льстится,
Пускай въ обманъ ему и въ зло преобратится,
И будетъ все равно для насъ, Рогдай, съ тобой,
Кумиромъ ли душа Монаршая рабой,
Или останется рабою Христіянства,
Не избѣжитъ она отъ нашего подданства.
Коль въ нашу скрыту сѣть мы Князя вовлечемъ,
Не будетъ разности для капищей ни въ чемъ;
Премѣнятъ видъ одинъ обряды, не причину;
Но должно въ нощь сію прейти въ сію долину.
Рогдай отвѣтствовалъ съ презрѣньемъ на сіе:
Чтобъ могъ оставить я Отечество мое!
Когда горитъ война, тогда его оставилъ!
Толь подлыхъ никогда Рогдай не знаетъ правилъ.
Тѣмъ робость бы одну я міру доказалъ;
Народъ бы праведно тогда о мнѣ сказалъ:
Рогдай Стенаровыхъ пророчествъ устрашился!
Спасая свой животъ, утекъ, бѣжалъ, сокрылся.
Изрядные ты мнѣ совѣты подаешь,
И добрую любовь къ Отечеству блюдешь.
Отмстивъ Владимиру, хощу его оставить;
Но Россовъ безъ меня удобенъ кто прославить?
Кто будетъ безъ меня Россію защищать,
Отечество блюсти, его врагамъ отмщать?
Я сказывалъ тебѣ, Рогдая нѣтъ другова;

Не будетъ коль меня, такъ Россамъ нѣтъ покрова.
Коль Христіянство ты намѣренъ раззорить,
Ты волхвъ, и чудеса удобенъ самъ творить,
Иди, коль хощешь ты, иди въ сію долину;
А я стопы моей, стопы отсель не двину;
Не вмѣшиваюсь я въ безумія сіи:
Война, сраженья, мечь, кумиры суть мои.
Зломиръ симъ словомъ рѣчь его прервалъ надменну:
Не Россовъ ты однихъ, но цѣлую вселенну,
Вселенну долженъ ты дѣлами удивить,
И намъ полубоговъ въ лицѣ своемъ явить;
Пелеевъ сынъ Язонъ въ Колхиду путь направилъ,
Симъ подвигомъ себя навѣки онъ прославилъ,
Принесъ въ отечество златое онъ руно;
Но труднымъ подвигомъ и славно лишь оно:
А то, что я хощу тебѣ, Рогдай, представить,
Тебя удобно то Язона паче славить.
Во браняхъ увѣнчалъ ты лаврами себя,
Обыкновенны суть побѣды для тебя;
Но естьли двигнешься въ предѣлы Суесвятства,
Превыше всякаго обрящешь даръ богатства:
Ты будешь на земли почтенъ какъ грома богъ;
Получишь ты во мзду волшебный нѣкій рогъ,
Въ который на земли изъ смертныхъ кто вострубитъ,
Безъ войска и меча своихъ злодѣевъ губитъ;
Онъ Царства покоритъ, трепещетъ міръ предъ нимъ,
Преобращаетъ онъ чужую славу въ дымъ;
Блаженъ, кто въ даръ себѣ сей дивный рогъ получитъ!
Царями царствуетъ, и думать мудрыхъ учитъ.

Тогда Рогдай вскричалъ: Единъ туда иду!
На что другихъ искать къ толь важному труду?
Единъ достану рогъ, единъ себя прославлю,
И развративъ Царя, молчать его заставлю!
Россійскимъ стану самъ народомъ управлять;
Кому со мной, кому ту славу раздѣлять?
Зломиръ вѣщалъ: Ни въ комъ ты нужды не имѣешь,
Единъ въ божественномъ ты подвигѣ успѣешь,
И предлежащіе труды преодолѣть,
Довольно для тебя трудиться восхотѣть.
Но, храбрый мужъ, внемли! ты есть благоразсуденъ;
Въ долину входъ легокъ, однако выходъ труденъ:
Явится нѣкій духъ отъ ней тебя отвлечь,
Но ты противъ него простри, простри твой мечь;
Видѣнье въ образѣ жены тебѣ явится,
Но видя блескъ меча, незримо учинится.
Долина оная всегда покрыта тмой;
Отверзетъ путь тебѣ къ богинѣ перстень мой;
Возьми его, возьми, и къ трону Суесвятства,
Сей перстень показавъ, достигнешь безъ препятства;
Ей врана чернаго на жертву принеси,
И дара у нее за подвигъ твой проси.
Подаркомъ таковымъ она тебя обяжетъ,
Какъ онымъ дѣйствовать, тебѣ конечно скажетъ;
Сокровище сіе получишь ты отъ ней;
Но только двигнешься изъ стѣнъ державы сей,
Препятства путь прервутъ обратный изъ долины:
Предстанутъ предъ тобой волы и исполины;
Возьми ты рыцарей, возьми съ собой, Рогдай,
Чудовищъ истреблять слабѣйшимъ способъ дай.

Коль будутъ при тебѣ сражаться неотступно,
Преодолѣете препятства совокупно,
И то, что мужеству позорно твоему,
Подвластныхъ рыцарей употреби къ тому;
А бранью встрѣченный Владимиръ въ ратномъ полѣ,
Что въ войскѣ нѣтъ тебя, сіе познаетъ болѣ.
Врагъ Божій, кѣмъ такой совѣтъ волхву внушенъ,
Послѣднихъ силъ прельстить Владимира лишенъ,
На мрачныхъ крыліяхъ по воздуху носился,
Зломировы слова внимая, веселился;
Какъ туча надъ шатромъ Рогдаевымъ висѣлъ,
Соблазновъ тысящи пускалъ въ Рогдая стрѣлъ;
Въ рѣчахъ, которыя его касались слуху,
Отраву посылалъ упорствующу духу,
И сердце рыцарско Зломиромъ развратилъ.
Тогда къ другимъ шатрамъ полетъ свой обратилъ:
Вращаяся во тмѣ, какъ тусклая планета,
Котора видима, хотя не мещетъ свѣта,
Ко спящимъ рыцарскимъ сообщникамъ потекъ,
О мужи храбрые! гремящимъ гласомъ рекъ:
Возстаньте подкрѣпить Россійскую Державу;
Вамъ новую Рогдай готовитъ нынѣ славу.
Сказавъ сіе, на нихъ геенскимъ мракомъ дхнулъ,
И каждый съ трепетомъ изъ ложа воспрянулъ.
Князь міра смутный умъ на время успокоилъ;
Что сдѣлалъ въ мірѣ онъ? Зло новое устроилъ.
Свободы у Царя Рогдай не испросивъ,
Но храбрыхъ рыцарей въ шатеръ свой пригласивъ,
Повѣдалъ важность имъ, намѣренье, причину
Поспѣшно въ черную отправиться долину;
Какъ будто дивный рогъ во власти онъ имѣлъ,
Во всѣхъ стремленіе къ долинѣ произвелъ.

Пойдемъ! сообщники его возопіяли;
И облакомъ густымъ кругомъ одѣты стали.
Чрезъ воды быстрыя, чрезъ горы, черезъ лѣсъ,
Зломиръ мгновенно ихъ къ полудню перенесъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Едва румяное чело заря явила,
Прогнала тѣнь съ небесъ и воздухъ оживила,
Вздремавша на земли проснулась кажда тварь,
Разторгнулъ узы сна Россійскій храбрый Царь,
И войско средь шатровъ восколебалось вскорѣ,
Какъ волны скачущи въ неизмѣримомъ морѣ,
И шумъ внимаемъ былъ какъ сонмы многихъ водъ:
На мысляхъ радостный у воинства походъ;
Но взоровъ и чела Владимирова важность
Внушаетъ вящшую во всѣ сердца отважность;
Къ знаменамъ каждый полкъ стремительно течетъ;
Но храбрыхъ рыцарей при Князѣ въ сонмѣ нѣтъ.
Зоветъ ихъ трубный гласъ изъ мрачныя дубровы,
Къ движенію и Царь и воины готовы;
Но слухъ о рыцаряхъ со всѣхъ сторонъ молчитъ;
Напрасно громкая труба въ поляхъ звучитъ;
Не зримы воины стократно возглашенны,
Ихъ бѣлые шатры стоятъ опустошенны;
Не видно тамо ихъ доспѣховъ, ни коней;
И Князь не постигалъ вины премѣны сей;
Но видя къ шествію стремительность геройску,
Во предлежащій путь велѣлъ повлечься войску;
Онъ чаялъ ратниковъ впреди достичь своихъ,
Или дерзнуть на брань съ Херсономъ и безъ нихъ;

Великихъ рыцарей полки хотя лишились,
Но храбрости огни въ сердцахъ не уменьшились.
Подобный бурямъ духъ Монархъ Рогдаевъ зналъ,
И отлученія причину понималъ;
Въ дубравѣ вспомнилъ съ нимъ вечернюю бесѣду;
Но храбрыхъ зря вождей, предчувствуетъ побѣду;
Сулитъ зеленый лавръ и войску и себѣ,
И возгремѣть велѣлъ воительской трубѣ;
Но прежде отдѣливъ отъ войска часть народа,
Для сыску рыцарей отправилъ Всеволода.
И войско внизъ Днѣпра ко Тавру Князь повелъ;
Предшествуетъ стадамъ орлинымъ какъ орелъ.
Съ послѣднимъ воиномъ труды имѣя точны,
Во облакѣ пыли достигъ Переволочны;
Проименовано урочище сіе,
Что мѣсто избрала Россія тамъ свое;
Когда съ Ордынцами вступала въ ополченье,
На оный край Днѣпра имѣла превлеченье.
Тутъ Ворскла пьетъ струи шумящаго Днѣпра,
Свидѣтельница дѣлъ Великаго Петра,
Когда, перуны онъ бросая подъ Полтавой,
Россію и себя вѣнчалъ безсмертной славой.
Петра Великаго предшественникъ побѣдъ,
Владимиръ проложилъ потомкамъ къ славѣ слѣдъ.
Едва вступилъ Днѣпра на низменные бреги,
Преграды путь ему къ Херсону Печенеги;
Симъ званіемъ сіи народы нарекли,
Что въ снѣдь они тѣла живыхъ людей пекли.
Зовущимъ ихъ на брань за мзду они служили;
Херсонцы нынѣ ихъ къ войнѣ вооружили:
Дабы Владимира въ пути его препнуть,
Поставили ему преградой тверду грудь,
Грудь, вѣчной злобою противъ него кипящу;
Херсонско злато въ нихъ раждало злобу вящу.

Владимиръ, оскорбленъ препоною такой,
Рѣшительный врагамъ дать въ полѣ хощетъ бой;
Сихъ Ордъ безчисленны толпы пренебрегаетъ,
И воинство свое ко брани возжигаетъ;
Велѣлъ стѣснитъся онъ передовымъ полкамъ,
Но въ замкѣ воинства разширитъся бокамъ,
Дабы не вдругъ съ Ордой ко битвѣ устремитъся,
Но клиномъ въ сердце ихъ ударитъ и вломитъся.
Передъ полками Князь, не устрашаясь бѣдъ,
Какъ левъ предъ ними самъ подвигнулся впередъ.
Онъ искру первую воспламенилъ сраженья,
И подалъ жизни самъ примѣръ неуваженья.
Вдругъ шумъ, какъ бурныхъ водъ текущихъ
съ горъ, возсталъ;
На воздухѣ стрѣла, мечь въ полѣ заблисталъ,
Смѣшались ратники во вьюгѣ будто снѣги,
Ударили въ полки Россійски Печенеги;
Сомкнувшаяся въ клинъ громада раздалась,
И кровь въ густой травѣ ручьями полилась.
Владимиръ какъ перунъ летаетъ межъ полками,
Своими поразилъ трехъ рыцарей руками;
Но будто къ добычѣ стремится хищный вранъ,
Къ Владимиру течетъ Ордынскій Князь Саганъ,
И хощетъ въ шлемъ его ударить булавою;
Шумящу булаву Владимиръ надъ главою
Отбилъ своимъ щитомъ. Но Печенежскій Князь,
Владимировыхъ силъ и взоровъ убоясь,
Упадшу булаву у конскихъ ногъ оставилъ,
Какъ серна отъ льва, далеко бѣгъ направилъ.
Примѣръ Владимировъ, какъ молнія съ небесъ
Падетъ, и вдругъ сухой воспламеняетъ лѣсъ,
Примѣръ Владимировъ и мужество геройско
Ослабѣвающе воспламеняетъ войско;
Перуномъ сдѣлался у Россовъ каждый мечь;
Спираются полки, горитъ кровава сѣчь.
Владимиръ мещетъ громъ; но варварски народы

Его обѣемлютъ вкругъ, какъ островъ бурны
воды;
Хотятъ Царя съ его полками раздѣлить,
И силы всѣ сложивъ, сей колоссъ вдругъ свалить;
Ордынцовъ въ горсть одну ихъ месть соцоку-
пила,
Съ лица къ Царю текутъ, текутъ съ боковъ
и съ тыла,
Обрушились мечи какъ градъ на шлемъ его,
И копій цѣлый лѣсъ шумитъ противъ него;
Удары тяжкіе по шлему раздаются,
Вонзенныхъ пуки стрѣлъ въ щитѣ его трясутся;
Отводитъ онъ мечей удары отъ себя. . . .
Но кто, о храбрый Князь! отъ смерти спасъ
тебя?
Уже касалися мечи и копья тѣла,
Уже рука его сражаться ослабѣла,
Оставилъ конь его, пронзенный сквозь, упавъ;
Но Ольгинъ сынъ летитъ на помощь, Свято-
славъ,
Сѣчетъ враговъ и кровь рѣками проливаетъ,
Щитомъ родителя великимъ закрываетъ.
Когда хотѣлъ его пронзить Ордынецъ въ тылъ,
Онъ дерзость смертію Ордынцу отомстилъ;
И смѣлость ихъ врагамъ великимъ стала бѣд-
ствомъ;
Спасаются они отъ силъ Россійскихъ бѣгствомъ;
Но убѣгающи кроваву брань ведутъ:
Тамъ кони, шлемы тамъ, мечи валятся тутъ;
Другъ друга звѣри то разятъ, не человѣки,
И раздается стонъ въ окрестности далеки.
Владимиръ! жизнь твою судьба твоя спасла:
Но алчна смерть за то мстить войску потекла,
Покрыта мрачными густыми облаками,
Какъ будто молнія летаетъ межъ полками;
Скрежещетъ, гаситъ жизнь и движуща косой,

Тѣлами кроетъ лугъ, какъ сельною травой;
Въ Россійскіе полки простерла руки хладны,
И ко біющимся уста отверзла жадны.
Какъ бурная волна во слѣдъ волнѣ течетъ,
Сливаются, кипятъ, и вдругъ обѣихъ нѣтъ:
Такъ наглый воинъ въ слѣдъ за воиномъ стремится,
Разитъ, но самъ сраженъ, съ нимъ купно мертвъ валится.
Въ песокъ впилася кровь, и ратники кругомъ,
Какъ класы полегли, пожатые серпомъ.
Коль храбры рыцари всегдашнимъ сномъ уснули!
Гонящимъ путь тѣла, бѣгущимъ путь прервали.
На зрѣлище сіе затворимъ очеса:
И солнце, преходя пространны небеса,
И солнце очеса прекрасны затворило,
Зардѣлось, видя кровь, лучи въ волнахъ сокрыло;
Спустила мрачныя свои покровы ночь,
И къ стану ратниковъ съ полей погнала прочь,
Неславныя дѣла и славныя затмила,
И побѣдителей и побѣжденныхъ скрыла.
Такъ міра при концѣ дѣянія людей
Лишатся громкости и знатности своей;
Все будетъ въ вѣчности изглажено, смѣшенно,
Лишь сердце чистое явится освѣщенно.
Владимиръ въ сѣнь свою приходитъ утружденъ,
И терномъ горькія печали прободенъ,
Забылъ успѣхъ въ бою, опасность, утружденье,
Но многихъ ратниковъ оплакивалъ паденье;
Задумчивости вкругъ туманъ его облекъ,
И тако наконецъ вздохнувъ Добрынѣ рекъ:
Полезноль Царству то, что насъ побѣда славитъ,
Коль намъ вѣнцы сплететъ, а подданныхъ убавитъ?

Мы лучшихъ ратниковъ лишилися въ сей день,
Ихъ славныя дѣла покрыла смерти тѣнь.
Что нужды имъ, что вся пространная вселенна
Дѣлами будетъ ихъ и славой удивленна?
Увы! не чувствуютъ они похвалъ своихъ,
Уже не чувствуютъ, что плачу я о нихъ!
Чтобъ воинъ возмужалъ, такъ должно непре-
мѣнно
Лѣтъ двадесять прожить, а кончиться мгно-
венно:
Такія выгоды коль бѣдственны для насъ!
Мы славы ищемъ въ вѣкъ, но тратимъ славу
въ часъ. . . .
Добрыня на сіе: Единыя ли брани
Отъ смертныхъ требуютъ естественныя дани?
Болѣзни и труды, покой, вода, огни,
И воздухъ и земля отъемлютъ наши дни;
Нежалостная смерть людей какъ жатву коситъ;
Но кто Отечеству на жертву жизнь приноситъ,
На ратномъ полѣ кто за ближнихъ кончитъ вѣкъ,
Тотъ славою своей безсмертенъ человѣкъ.
Но нѣкій шумъ возсталъ въ обширномъ
Росскомъ станѣ,
Какъ вѣтры вѣющи далеко въ океанѣ.
Владимиръ отъ одра смущаяся возсталъ,
И внемлетъ, что Саганъ посланника прислалъ;
Предвидитъ новое Ордынцовъ искушенье,
Но хощетъ сей войнѣ опредѣлить рѣшенье;
Узнать, что чувствуетъ, что мыслитъ сей
народъ,
Владимиръ внутрь шатра послу дозволилъ входъ.
Вступаетъ Печенегъ, другими окруженный,
Кольчужною броней покрытый, вооруженный,
Колчанъ шумящихъ стрѣлъ имѣетъ между плечь,
И на бедрѣ его виситъ широкій мечь;

Онъ лукомъ, тетивой обвитымъ, подпирался,
На всѣ страны чело нахмуривъ озирался,
И тако рекъ Царю: Мои славный Князь Саганъ
Поздравить мнѣ велѣлъ тебя и весь твой станъ;
Онъ храбрымъ рыцаремъ тебя, Владимиръ, чи-
слитъ;
Но выслушай, о Князь! что онъ о битвахъ
мыслитъ:
На что намъ кровь людей напрасно проливать?
На что намъ битву длить? велѣлъ тебѣ сказать;
Онъ къ подданнымъ любовь отеческу имѣетъ,
О воинахъ своихъ и о твоихъ жалѣетъ;
Такъ средство предложить повелѣваетъ онъ,
Малѣйшимъ замѣнить великій нашъ уронъ:
И копья и мечи мы дѣйствовать оставимъ,
Но съ каждыя страны по рыцарю представимъ;
Въ единоборствѣ кто другъ друга побѣдитъ,
Тотъ наше преніе и славу утвердитъ.
Коль побѣдителемъ Россіянинъ явится,
Клянемся мы отсель безбранно удалиться;
Но естьли вашего пресилитъ Печенегъ,
Прейдемъ со славою, прейдемъ Днѣпровскій
брегъ,
И станемъ разорять мы три Россію лѣта.
Владимиръ! . . . требую на сей предлогъ от-
вѣта.

Владимиръ отвѣчалъ на дерзку рѣчь сію:
Я храбрымъ вашего Царя на признаю;
Не ратовать въ бою, но крыться онъ умѣетъ.
А то, что Князь Саганъ о подданныхъ жа-
лѣетъ,
Я Князю вашему сихъ чувствъ не уступлю,
Люблю Отечество и подданныхъ люблю;
Теряя ратниковъ, какъ чадъ моихъ лишаюсь,
Но въ поле одного поставить соглашаюсь:

Кто правъ изъ насъ, кто правъ, заутра мы рѣшимъ;
Но Князю ты скажи и воинамъ своимъ,
Что вашу мы Орду на брань не приглашали;
Вы миръ нарушили, а мы не нарушали:
Такъ нашу брань рѣшитъ, рѣшитъ, надѣюсь я,
Не рыцарска борьба, но вышній Судія. . . .
Сія Царева рѣчь смутила Печенега;
Онъ вспять потекъ, какъ валъ отъ каменнаго брега.
Не сыплетъ маковыхъ цвѣтовъ на Князя сонъ;
Печется обрѣсти противоборца онъ.
Когда крылами нощь полміра одѣваетъ,
Онъ вызвать рыцаря на брань повелѣваетъ.
Въ объятьяхъ тишины, какъ сонный океанъ,
Казался недвижимъ воинскій цѣлый станъ;
Ни предлежаща честь, ни слава, ни покорство,
Не движетъ воиновъ съ Ордынцомъ въ ратоборство.
Наемнымъ Торкамъ Князь предлоги учинилъ,
И Торки отреклись. . . . Народовъ Царь унылъ!
Внутри души своей болѣзненно страдая,
Добрынѣ говорилъ: Со мною нѣтъ Рогдая,
Ни храбрыхъ рыцарей здѣсь нѣтъ ни одного,
Я самъ причиною лишенія сего:
Рогдая строгими словами я обидѣлъ;
Увы! сей нужды въ немъ тогда я не предвидѣлъ.
Но повинуюся судьбѣ и Небесамъ,
Я слово давъ послу, пойду сражаться самъ;
Ни чьей пожертвовать мнѣ жизнію не можно
За то, что слово далъ врагамъ неосторожно,
Въ которомъ благо всей Россіи предлежитъ,
Которое судьбу двухъ нашихъ Царствъ рѣшитъ,

За всѣхъ за васъ, за всѣхъ я грудь мою поставлю,
Въ единоборствѣ самъ паду, иль васъ прославлю.
О храбрый Святославъ! о ты, родитель мой!
Еще мнѣ памятенъ плачевный жребій твой;
Позоръ моей крови, позоръ Державы нашей,
Вѣнчанный черепъ твой сталъ нынѣ бренной чашей,
Изъ коей въ гордости млеко Ордынцы пьютъ,
И торжество свое надъ Россами поютъ;
Драгихъ остатковъ сихъ не выручу доколѣ,
Не буду вѣрный сынъ, ни храбрый рыцарь въ полѣ.

Добрыня искренній тогда возвысилъ гласъ:
Такъ званія дѣтей ты, Князь, лишаешь насъ.
Любовь сыновнюю являя Святославу,
Презрѣнной дѣлаешь Россійскую Державу;
Какъ будто у тебя нѣтъ ближнихъ, нѣтъ сыновъ,
Ни кровныхъ сродниковъ, ни искреннихъ рабовъ,
Ни друга вѣрнаго, ни въ подданныхъ любови,
Которыбъ за тебя не пожалѣли крови.
Что скажетъ, Государь, о Россахъ цѣлый свѣтъ,
Коль Царь единъ на смерть за подданныхъ пойдетъ?
А мы, тобою, Князь, прославленны, любимы,
Держа мечи въ рукахъ, пребудемъ недвижимы?
Казни насъ, Государь, но чести не лиши:
Невѣрный рабъ Царю, есть тѣло безъ души.
До утра наше мы исканіе оставимъ,
Ордамъ противника, надѣюсь, мы представимъ.
Насъ рокъ до дня сего въ опасностяхъ щадилъ.
Симъ словомъ Князя онъ къ покою убѣдилъ,
И сны пріятные, крылаты чада ночи,
Сомкнули томныя Владимировы очи. . . .
Уже заря съ небесъ сгоняетъ черну тѣнь,

И въ ризу бѣлую облекся свѣтлый день,
Добрыня къ Князю вшелъ, и рекъ: Сыскался воинъ,
Который ратовать съ Ордынцами достоинъ;
Онъ шлемомъ и броней со всѣхъ сторонъ закрытъ,
Стоящій у шатра, ни съ кѣмъ не говоритъ;
Но храбрость пламенна видна въ закрытомъ тѣлѣ,
Въ рукахъ его копье трехъ копіевъ тяжелѣ,
Сей рыцарь незнакомъ, лице свое тая,
И только мнѣ сказалъ: готовъ сражаться я!
Напрасно мы его сложенье примѣчаемъ;
Несходенъ видомъ онъ съ Громваломъ, ни съ Рогдаемъ . . .
Владимиръ вопросилъ: Но вѣдаетъ ли онъ,
Коль важенъ выгрышъ нашъ, а паче нашъ уронъ?
Надъ Печенегами побѣду коль утратимъ,
Ордынцамъ цѣлостью Державы нашей платимъ . . .
Добрыня рекъ Царю: Я мужа искушалъ,
Опасность воину сраженія внушалъ;
Онъ знаками вѣщалъ и голосомъ притворнымъ,
Что многимъ опытамъ явитъ себя покорнымъ;
Предъ войскомъ мощь свою и храбрость доказать,
Въ сраженіи вола онъ хощетъ растерзать.
Когда дерзаетъ онъ на опытность толику,
Имѣетъ силу, знать, имѣетъ онъ велику;
Но, Князь! я слово далъ, что воина сыщу,
Сражаться рыцаря сего не допущу;
Отказъ его и твой поставлю за обиду:
Я первый слово далъ, и первый въ полѣ выду;
Къ Отечеству любовь хощу я доказать;
Ты другу можешь ли въ сей чести отказать?

Обнявъ Добрыню Князь, изъ сѣни съ нимъ
выходитъ;
На ратоборца взоръ внимательный возводитъ;
Не познаетъ его, но видитъ крѣпость въ немъ.
Тогда, съ главы своей пернатый скинувъ шлемъ,
Воителю сказалъ: О ты, почтенный воинъ!
Единоборствовать конечно ты достоинъ;
Но цѣну знающій Отечеству услугъ,
Здѣсь ратникъ есть другой, сей ратникъ
есть мой другъ;
Онъ прежде подтвердилъ услугу ту словами:
Рѣшите жребіемъ почтенну прю межъ вами.
Тогда два жребія въ вѣнчанный шлемъ вложилъ,
Рукою шлемъ потрясъ, порфирою закрылъ,
Воителямъ поднесъ! . . . Добрыня слову внем-
летъ,
Свой жребій, отвратя лице свое, изъемлетъ,
И вдругъ соперника объемля, вопіетъ:
Тебѣ судьбина лавръ и славу отдаетъ!
Я чести долгъ явить Отечеству лишаюсь;
Но, что о чести сей я спорилъ, утѣшаюсь . . .
Владимиръ, ихъ обнявъ, слезами оросилъ;
Потомъ у скрытаго героя вопросилъ:
Что ратоборецъ твой величины безмѣрной,
Не Печенѣжецъ онъ, но Еѳіопинъ черной:
Скажи, извѣстенъ ли ты, юноша, о семъ?
Цвѣтущу младость зрю въ сложеніи твоемъ.
Но воинъ знаками Царю и войску кажетъ,
Надъ лютымъ что воломъ онъ мощь свою до-
кажетъ.
Владимиру была нравна нѣмая рѣчь,
Свирѣпаго вола велѣлъ къ шатру привлечь.
Волъ множествомъ людей изъ стадницы
влечется,
Возстала пыль столпомъ, земля подъ нимъ
трясется;

Его рычаніе вѣщаетъ ярый гнѣвъ,
И съ топотомъ глухимъ далеко слышанъ ревъ;
Онъ въ землю острыми рогами упирался,
И верви разорвать, крутя главой, старался. . . .
Воитель безъ копья отважно сталъ предъ нимъ;
Но привлеченный волъ былъ съ мѣста недвижимъ;
Всю оретъ землю вкругъ челомъ онъ потуп-
леннымъ;
Но двигнутъ будучи желѣзомъ раскаленнымъ,
Взревѣлъ свирѣпый волъ, взревѣлъ, и на борца
Распутанъ бросился, какъ ястребъ на птенца,
Рогами сквозь пронзить противника стремился;
Но воинъ отскочилъ и мало устранился,
За ребра онъ схватилъ вола своей рукой,
И два ребра изторгъ. Лїется кровь рѣкой;
Падетъ и воздухъ вкругъ ногами волъ толкаетъ,
Съ багровой кровью паръ и духъ свой испу-
скаетъ. . . .
Народъ воителя плесканіемъ почтилъ,
Онъ въ мысляхъ надъ Ордой побѣду возвѣстилъ.
Владимиръ отъ бедры отъемлетъ мечь ви-
сящій,
Драгими камнями и златомъ весь блестящій,
Незнаемому мечь герою онъ вручилъ,
Примолвивъ: Симъ я кровь Ордынску източилъ,
Я въ трепетъ имъ привелъ отважнаго Сагана:
Сей мечь да поразитъ подобно великана!
Тогда къ Сагану въ станъ отправилъ Князь
пословъ,
Что воинъ ратовать съ его страны готовъ.
Послы въ Ордынскій станъ торжественно
вступили,
И клятвой договоръ съ Саганомъ подкрѣпили.
Свѣтило дневное въ небесной высотѣ
Уже приближилось къ полуденной чертѣ;

Два храбры воинства сближаются другъ съ другомъ,
Простерлось каждое въ долинѣ полукругомъ;
Обширный видѣнъ долъ между подвижныхъ стѣнъ,
Рѣшить судьбину войскъ гдѣ жребій положенъ.
Владимиръ воина какъ сродника обьемлетъ,
И рыцарь отъ него сіи глаголы внемлетъ:
О другъ мой! оправдать Отечество иди;
Не постыди себя, умри, иль побѣди.
Но что я говорю? ты другъ и сынъ мой нынѣ;
Россія вся въ тебѣ вмѣщенна яко въ сынѣ:
Съ Отечествомъ отца спасаешь твоего.
Надежда Княжая и воинства всего
Съ Ордынцемъ ратовать, какъ юный левъ, выходитъ;
Отраду каждый шагъ и трепетъ производитъ.
Умолкло все тогда, онъ шествуетъ единъ.
Изторгся изъ среды Ордынцовъ исполинъ.
Сагана вышина Талматова бодрила,
Густая тѣнь его высокій холмъ покрыла.
Броней звучаніе восходитъ до небесъ;
Рукою булаву Талматъ желѣзну несъ,
Ступаетъ по песку тяжелыми стопами,
Онъ ищетъ ратника свирѣпыми очами.
Тогда, съ презрѣніемъ взирая на борца,
Вскричалъ: За чѣмъ ко мнѣ Владимиръ шлетъ птенца!
Талмату ежели съ младенцами сражаться,
Такъ то предъ Россами Ордѣ уничижаться.
Россіянинъ пресѣкъ такую наглу рѣчь,
Оставивъ на бедрѣ висящій Царскій мечь,
Разитъ врага копьемъ; Талматовъ щитъ вогнулся,
Какъ нѣкая гора Ордынецъ пошатнулся;
Но чувствуя ударъ, остервѣнился онъ:
Другъ друга свободить взаимныхъ оборонъ;

Съ вонзеннымъ копіемъ далеко щитъ повергнулъ;
Лишенъ копья, къ мечу Россіянинъ прибѣгнулъ:
Какъ молнія віясь, изъ облака летитъ,
Такъ острый мечь его противника разитъ.
Ордынца сквозь пронзить Россіянинъ рѣшился,
Но мечь его скользнулъ и въ землю углубился.
Тогда, взмахнувъ Талматъ желѣзну булаву,
Ударилъ воина по шлему во главу;
Покрыли рыцаря, покрыли смертны тѣни,
Затрепетали вдругъ подъ нимъ его колѣни;
Но исполинъ, его изъять изъ смертна сна,
Какъ агнца на свои возвергнулъ рамена.
Брега, казалося, стенанье испускали:
Владимиръ воздохнулъ, Ордынцы восплескали!
Но храбрый юноша, собравъ остатокъ силъ,
Вращаясь, за гортань Талмата ухватилъ;
Извившись вкругъ его, гортань его сжимаетъ,
Дыханіе тѣснитъ, тѣснитъ и отнимаетъ;
Какъ будто каменной плотиной токи рѣкъ,
Дыханіе уже Талматово пресѣкъ.
Подобно какъ сосудъ, водою напоенный,
Клокочетъ и кипитъ, огнями подгнѣтенный:
Такъ пѣну исполинъ устами испущалъ,
Онъ мутные глаза страдая обращалъ;
Глава его какъ шаръ на раменахъ каталась,
И грудь стѣсненная высоко воздымалась.
Висящаго борца скорѣе умертвить,
Своею тяжестью умыслилъ подавить:
Какъ нѣкій тяжкій столпъ его велико тѣло
Паденіемъ себя въ пескѣ напечатлѣло;
Но тщетно вымыслъ сей Талматъ употребилъ,
На нѣсколько минутъ онъ вѣкъ свой продолжилъ.
Герой, освободивъ его стѣсненну выю,
Отторгся отъ него, проворствомъ сходенъ змію,
Кидается къ нему съ оружіемъ на грудь.
Талматъ его рукой старался досягнуть;

Онъ холму тучному подъемлется подобенъ,
Главу онъ восклонилъ, омытый кровью, злобенъ:
Россійскій воинъ, брань толь медленну пресѣчь,
Въ отверзтую гортань вонзилъ Талмату мечь;
Ордынца храбрый Россъ какъ гору опрокинулъ;
Онъ снялъ броню съ него и мечь вонзенный вынулъ.

Единъ ударъ рѣшилъ обоихъ воинствъ прю;
Побѣда пальмъ несетъ къ Россійскому Царю!
Но устрашенны симъ ударомъ Печенеги,
Колеблются, бѣгутъ, покинувъ влажны бреги.
Такъ, выстрѣлъ вдалекѣ усышавъ иногда,
Подъемлются съ полей пернатыхъ птицъ стада.
Герой плесканія въ полкахъ Россійскихъ внемлетъ,
Его Отечество въ объятія пріемлетъ.
Владимиръ бросился героя лобызать,
И шлемъ его спѣшилъ поспѣшно развязать;
Но коль великаго была веселость рода,
Когда увидѣлъ Царь подъ шлемомъ Всеволода,
Котораго искать Рогдая посылалъ;
О сынъ! любезный сынъ! Владимиръ вопіялъ;
Такъ нашимъ мы тебѣ обязаны спасеньемъ!
Почто таился ты? вѣщалъ со умиленьемъ;
Почто лишалъ меня отрады наконецъ,
Что я толь храброму воителю отецъ?
Лобзающъ Всеволодъ родительскую руку,
Отвѣтствовалъ ему, внимая славы звуку:
Прости, о Государь! потребну скромность мнѣ,
Я не былъ близь тебя съ Ордою на войнѣ,
То чѣмъ бы замѣнилъ такое промедленье,
Когдабъ Отечества не шелъ на избавленье?
Утекшихъ рыцарей не могши обрѣсти,
Умыслилъ жизнь тебѣ на жертву принести.
Когда въ Россійскій станъ я въ полночь возвратился,

Услышалъ то, что самъ ты ратовать рѣшился;
Рѣшился я понесть животъ мой за тебя,
И въ новую сію броню облекъ себя.
Когдабъ сыновнее ты свѣдалъ дерзновенье,
Любовь твоя ко мнѣ былабъ во преткновенье;
Но я ли, Государь, сражаться могъ единъ?
Что я, то сдѣлать могъ твой каждый рабъ и сынъ.
Владимиръ, рыцаря ко персямъ прижимая,
Рыдая возгласилъ, главу его лобзая:
Теперь Владимировъ прославленъ будетъ родъ!
Въ немъ славный рыцарь есть, въ немъ сынъ мой Всеволодъ!
Но радость ощутилъ еще Владимиръ вящу,
Увидѣвъ на бронѣ Талматовой висящу
Ту чашу, Князь Саганъ млеко изъ коей пилъ;
Отъ Святославовой главы то черепъ былъ.
Взирая на него печальными глазами,
Владимиръ горькими омылъ его слезами;
На чашѣ имя онъ родительско читалъ;
Облобызалъ ее, къ своимъ грудямъ прижалъ,
И рекъ: Ты жизнь твою утратилъ за Державу,
Но внукъ твой возвратилъ тебѣ, мой отче! славу;
Теперь ты съ нами весь, ты весь въ твоей странѣ:
Пріятнѣй всѣхъ побѣдъ сія побѣда мнѣ!
И, черепъ поднося возлюбленному чаду,
Сказалъ: Сіе даю, мой сынъ, тебѣ въ награду;
Прими ты дѣдовы изъ отчихъ кости рукъ,
Они цѣна твоихъ Отечеству заслугъ . . .
Добрыня рекъ тогда: Благодарю судьбину,
Что жребій ею данъ Владимирову сыну;
Я толькобъ доказалъ къ Отчеству любовь,
А онъ прославилъ насъ, прославилъ Царску кровь!
Владимиръ, видящій, что робки Печенеги
Оставили шатры и Ворсклянскіе бреги,
Что къ Тавру путь они очистили ему,
Велѣлъ за Днѣпръ прейти и войску своему.

На храбрости сыновъ надежду утверждая,
Не мыслилъ ожидать утекшаго Рогдая,
Который съ вѣрною дружиною своей
Сіянье солнечныхъ предупредилъ лучей:
Въ нощи съ поспѣшностью, едва ли имовѣрной,
Зломиромъ пренесенъ на край долины Черной.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

Рогдаевъ дивный путь откройте, Музы, мнѣ!
Открыли . . . Мѣсто есть въ полуденной странѣ,
Высокихъ цѣпью горъ отвсюду окруженно,
И въ бездну, видится съ вершины, погруженно;
Подобенъ облаку лежитъ надъ нимъ туманъ,
Который движется какъ бурный океанъ.
Тамъ корень скрытъ всея натуры поврежденья,
Вездѣ встрѣчаются мечты и привидѣнья:
Въ семъ мѣстѣ никогда неспящій вѣтръ реветъ;
Долиной Черною доднесь оно слыветъ.
Тамъ блѣденъ солнца лучь, луна въ нощи кровава,
Тамъ воды смертный ядъ и воздухъ самъ отрава;
Межъ горъ заключена, какъ древо внутрь коры,
Земля раждаетъ тернъ и вредные пары;
Имѣетъ свой престолъ въ долинѣ Суесвятство,
Его сообщники Грабежъ, Обманы, Татство.
Отвлечь Владимира навѣки отъ небесъ,
Въ сію Зломиръ юдоль Рогдая перенесъ.
Коль часто Божій врагъ намъ ставитъ преткновенья,
Когда мы восхотимъ итти путемъ спасенья!
Хребты высокихъ горъ, долины, быстроть рѣкъ,
Глубокіе пески уже Рогдай претекъ;
Сопровождаемой неистовой дружиной,

Уже является подъ Черною долиной.
Скрывали облака внутри стоящій домъ;
Какъ стѣны твердыя, тамъ сѣлся мракъ кругомъ;
Но мракъ сопутниковъ не устрашаетъ смѣлыхъ,
Грядутъ. . . Встрѣчаетъ ихъ въ одеждахъ дѣва бѣлыхъ;
Какъ солнце на главѣ у ней вѣнецъ горитъ,
Къ Рогдаю приступивъ, дѣвица говоритъ:
Куда, Рогдай, идешь? Постой, о храбрый воинъ!
Поступокъ твой мужей великихъ не достоинъ;
Тебя Царя любить обязываетъ честь;
Къ соблазнамъ влечь Царя уже невѣрность есть.
Отвергни данные волшебнику обѣты!
Кто ты, спросилъ Рогдай, дающа мнѣ совѣты?
Подобный тихому зефиру слышанъ гласъ:
Или меня, Рогдай, ты въ первый видишь разъ?
Что я чужда тебѣ, о смертный! я не чаю;
Я всѣ дѣянія людскія примѣчаю:
Я Совѣсть чистая, живуща внутрь сердецъ;
Мнѣ люди братія, а небо мнѣ отецъ. . . .
Кто ты ни есть, вскричалъ Рогдай свирѣпымъ гласомъ,
Сокройся отъ меня, сокройся симъ же часомъ,
Я сердца моего къ тебѣ не преклоню,
Что разъ я предпріялъ, того не премѣню. . . .
Такъ гонишь ты меня! дѣвица отвѣчала,
Вздохнула, и къ тому она незрима стала.
Рогдай торжествовалъ, что Совѣсть побѣдилъ;
Броней звучащъ, къ стѣнамъ сгущеннымъ подходилъ.
Въ долинѣ не встрѣчалъ ни малаго препятства;
Уже касается предѣламъ Суесвятства.

Когдабъ волшебнаго онъ перстня не имѣлъ,
Стези въ его чертогъ сыскать бы не умѣлъ;
Но перстня огненнымъ блистаньемъ озаренна,
Изчезла вкругъ него лежаща тма безденна:
Какъ вѣтеръ облака, сей перстень гонитъ тму,
Являя узкую впреди стезю ему.
Сопутники его въ туманъ едва вступили,
Сгущенны темноты ихъ очи ослѣпили;
Былъ видѣнъ только свѣтъ Рогдаевымъ очамъ;
Они по разнымъ вдругъ разсыпались стезямъ.
Рогдай отторженну дружину созываетъ;
Но спутниковъ дѣлитъ туманъ и закрываетъ.
Тогда передъ собой Рогдаи увидѣлъ лѣсъ,
Гдѣ солнца никогда не видно, ни небесъ;
Тамъ вѣтви зрѣлися какъ мрежи сплетенны,
И будто бы зміи другъ въ другѣ извіенны;
Являлся лѣсъ какъ нощь, унылъ, нахмуренъ, черпъ;
Не листья на древахъ, колючій видѣнъ тернъ;
Зефиръ не дышетъ въ нихъ, ни птицы не витаютъ,
И звѣри хищные въ лѣсу не обитаютъ;
Изходитъ отъ древесъ печальный нѣкій стонъ.
Рогдай идетъ, но сквозь прейти не можетъ онъ:
Сгущенны древеса стѣною были новой,
Стѣною мрачною, колючею, терновой.
Въ досадѣ онъ своей извлекъ блестящій мечь,
И путь себѣ отверсть, рѣшился вѣтви сѣчь;
Но вѣтви отъ древесъ лишь только отдѣлились,
О диво! вѣтвія зміями появились,
И паки съ жадностью впились во древеса,
Изъ коихъ томные исходятъ голоса;
Едино говоритъ: оставь, оставь сѣченье,
Не множь болѣзней, ты не множь мое мученье!
Не вѣтви ты сѣчешь, се наши члены суть!
Престань, отверзимъ мы тебѣ въ долину путь!

Вдругъ слезы, какъ роса, на древѣ показались;
У рыцаря власы отъ ужаса вздымались.
Кто вы, нещастные? спросилъ онъ у древесъ;
И древо зарыдавъ, вѣщало съ токомъ слезъ;
Увы! подобные тебѣ мы люди были;
Но развратилися и Бога позабыли;
Надѣялися мы, свой разумъ возлюбя,
Не на Спасителя, но только на себя;
Мы были общества сокрытые злодѣи,
Лжетолкователи, мы были фарисеи;
Мы чаяли, что намъ небесну благодать
За наши разумы обязанъ Богъ намъ дать;
Господній промыслъ мы въ безумствѣ отметали,
И въ гордости себя святыми почитали;
Закона чистаго терпѣть мы не могли,
Противорѣчущихъ казнили, гнали, жгли;
Послѣдуя всегда пристрастіямъ единымъ,
Людей мы кляли тѣхъ, которыхъ мы отринимъ;
На Царскіе вѣнцы простерли мы боязнь;
За то лютѣйшую претерпѣваемъ казнь:
Душа отъ нашихъ тѣлъ лишь только отдѣлялась,
Летѣла въ здѣшній лѣсъ, во древо воплощалась;
Тѣ вѣтви, кои ты дерзалъ, Рогдай, рубить,
Тѣ вѣтви членами намъ нынѣ стали быть;
Но вѣтромъ, иль мечемъ лишь вѣтви отдѣляться,
Пріемлютъ жизнь они, зміями становятся,
Привьются ко древамъ, терзаютъ нашу плоть:
Коль строго насъ казнитъ разгнѣванный Господь!
Но сжалься ты, Рогдай, ахъ! сжалься ты надъ нами,
Не дѣлай вѣтвіевъ для нашихъ тѣлъ зміями;
Страшись, дабы и ты подобенъ намъ не сталъ!

Нѣтъ жалости во мнѣ! Рогдай возопіялъ;
Не чувствовали вы ко ближнему пріязни,
И вы, мучители, достойны вашей казни.
О! ежели стези въ долину не сыщу,
Всѣ вѣтви во зміевъ мгновенно обращу. . . .
Со стономъ рядъ древесъ поспѣшно разступился,
Рогдаю путь прямый сквозь темный лѣсъ явился:
Преходитъ, перстень свой въ рукѣ своей державъ,
Его встрѣчаетъ змій, имѣющій седмь главъ;
У каждыя главы былъ рогъ чела въ срединѣ:
Змій рыцаря повелъ, віяся по долинѣ.
Такъ міра и страстей прельщаемый плодомъ,
Влечется человѣкъ и ходитъ за грѣхомъ.
Седмь жалъ имѣющій, грѣхъ смертный седьмиглавый,
Рогдая встрѣтивый, былъ оный змій лукавый;
Онъ рыцаря привелъ своей царицы въ храмъ.
Какія дивности Рогдай увидѣлъ тамъ!
О Музы! вашего восторга ожидаю,
Воспѣть, что въ храмѣ семъ представилось Рогдаю.
Изъ черныхъ аспидовъ былъ храмъ сооруженъ,
Желѣзныхъ онъ столповъ рядами окруженъ,
Цѣпями тяжкими сіи столпы смыкались,
Входящіе навѣкъ за ними оставались.
Являли входъ во храмъ широкія врата,
Которыхъ вшедшимъ въ тылъ смыкалась широта;
То зданіе извнѣ развалинамъ подобно,
Состава коего извѣдать неудобно.
Рогдай, не знающій, что ужасъ, что есть страхъ,
Вступилъ во мрачный храмъ, и видитъ на стѣнахъ,
Нелѣпое на нихъ онъ зритъ изображенье;
Но чувствуетъ въ себѣ къ симъ видамъ уваженье.
Живою кистію изображенны тутъ,

Тѣ твари тлѣнныя, свитлней кои чтутъ:
Тамъ звѣри, тамъ огни, пернаты, зміи, гады;
Народы оныхъ чли, имъ кланялися грады;
Тамъ внутренность видна блестящихъ златомъ
горъ.
Прелестна нагота обворожала взоръ;
Тамъ видны въ существѣ привѣтливы обманы,
Являются очамъ велики истуканы,
Вѣнцы тщеславія, пріятности любви,
Притворна нищета и воинъ во крови;
Тамъ гордость видима порфирою одѣта,
Позоръ самихъ небесъ, но сладость здѣшня
свѣта;
Тамъ седмьдесять жрецовъ со страхомъ пред-
стоятъ;
Во храмѣ ѳиміамъ и день и нощь курятъ.
Нелѣпость такова въ стѣнахъ Ерусалима
Во древности была священнымъ мужемъ зрима:
Се торжище, святый скверняще чертогъ,
Со отвращеніемъ на кое смотритъ Богъ:
И стѣны зрѣлище очамъ изображаютъ,
Что люди не Творца, но тварей обожаютъ.
Рогдай сокрытый смыслъ сихъ видовъ познавалъ,
Онъ съ темною его душей согласовалъ,
И пребылъ въ пьянственномъ сей рыцарь вос-
хищеньѣ;
На человѣчее взирая развращенье.
Тогда воспомнилъ онъ, когда на жертву зрѣлъ,
Что жертву и ему Зломиръ принесть велѣлъ:
Которыхъ множество долину окружаетъ,
Онъ врана чернаго стрѣлою поражаетъ;
Гдѣ возгнѣтенный огнь свѣтъ блѣдный издаетъ,
Кроваву жертву ту на жертвенникъ кладетъ:
Густый и смрадный дымъ какъ облакъ воску-
рился
И внутренній чертогъ богининъ отворился.

Очамъ Рогдаевымъ казалася она
Какъ будто полная въ затмѣніи луна;
На ней сплетенное во мрежи одѣянье
Казалось огненно, какъ сѣверно сіянье;
Скрывая тысячи зміиныхъ въ сердцѣ жалъ,
Въ десницѣ держитъ крестъ, въ другой рукѣ кинжалъ;
Престолъ, багровыми обвѣшенный коврами,
Являлся быть седьмью сліянными горами;
Хоть древность навела разсѣлины по нихъ;
Но Суемудріе заглаживало ихъ.
Подобный блещущей въ осенню нощь зарницѣ,
Былъ тройственный вѣнецъ на гордой сей царицѣ;
Но сей вѣнецъ имѣлъ поблеклые листы.
Стояли вкругъ нее согбенные посты,
Не тѣ смиренные посты богоугодны,
Которы Ангельской безпищной жизни сходны,
Но кои агничьи притворны виды суть,
Наружностью одной хотящи обмануть.
Тамъ зримы малые въ окружности престолы,
На коихъ возсѣдятъ Невѣжества, Расколы,
Слѣпый и мрачный Страхъ, Пронырство, Хитрость, Ложь;
И множество другихъ царицыныхъ вельможь.
Въ личинѣ Честности тамъ видѣнъ Льстецъ лукавый;
Во узы заключенъ единъ Разсудокъ здравый.
Коварство, мрачныя потупивъ очеса,
Не смѣетъ, кажется, взглянуть на небеса,
Но ближняго какъ змій своимъ языкомъ жалитъ,
Питаетъ въ сердцѣ ложь, устами правду хвалитъ.
Всечасный тамъ Раздоръ, какъ бурный вихрь шумитъ,
Перуномъ пламеннымъ Проклятіе гремитъ.

Тамъ Зависть, Клеветы, Соблазны, Наущенье,
Корыстолюбіе, Татьба, Насильство, Мщенье,
Составивъ цѣпь изъ рукъ, престолу предстоятъ;
Отрава ихъ слова, ихъ взоры смертный ядъ.
Евангеліе тамъ, сіе небесъ зерцало,
Имѣетъ на себѣ густое покрывало;
Людскія пренія, какъ будто нѣкій дымъ,
И толки ложные спираются надъ нимъ;
Тамъ видимы во тмѣ житейскія прохлады;
Завѣсой служатъ имъ единые обряды;
Тамъ груды видимы и вервей и веригъ,
Тамъ тучи праздныхъ словъ, тамъ горы темныхъ книгъ;
И подавило бы вселенну оныхъ бремя,
Когда бы книгъ такихъ не поядало время.
Орудій смертныхъ весь исполненъ сей чертогъ;
И самъ представленъ тамъ немилосердымъ Богъ.
Рогдай позорища по мнимому изрядству
Позналъ, что онъ достигъ въ чертоги къ Суесвятству.
Ея чело туманъ какъ туча окружалъ,
И черный на коврѣ оленъ предъ ней лежалъ:
Язычники сего вмѣщаютъ межъ богами;
Чело его седмью украшено рогами.
Волшебницѣ Рогдай свой перстень предъявилъ,
Что значитъ онъ, тебѣ извѣстно говорилъ. . . .
Извѣстно мнѣ сіе, извѣстно, храбрый воинъ,
Отвѣтствуетъ она; награды ты достоинъ!
Единый рогъ она отъ звѣря отняла,
И рогъ отломленный Рогдаю подала:
Иди, рекла ему, и славой увѣнчайся;
Но масличныхъ листовъ, о рыцарь! опасайся;
Хоть въ мірѣ я сильна, меня сильнѣе Богъ;
Умѣй употребить врученный мной залогъ;
Твой подвигъ въ дѣлѣ семъ коль будетъ неудаченъ,

Конець твой Промысломъ въ тотъ самый часъ
назначенъ;
Единый разъ въ сей рогъ ты можешь вострубить,
Единый! . . . Но тебя хощу препроводить,
Представятся тебѣ въ долинѣ сей препятства;
Ненарушимы суть законы Суесвятства.
Ко славѣ ты моей въ Россію потечешь,
И рыцарей своихъ отсюда извлечешь;
Разширишь моего владычества пространство,
Коль ввергнешь ты въ мое Владимира подданство;
Моя по сѣверу распространится тма.
Иди! я можетъ быть явлюсь тебѣ сама.
Царица на него пріятный взоръ возводитъ;
Со торжествомъ Рогдай изъ капища выходитъ.
Врата желѣзныя, ведущія въ сей домъ,
Произвели тогда скрыпѣніе и громъ;
Не ради воина поспѣшно отворились,
Волшебною рукой разверзты учинились;
Въ предсѣніи его срѣтаетъ шумъ и стукъ,
Въ движеніе пришли лежащи цѣпи вкругъ;
Но лѣствицы прешедъ едину половину,
Рогдай скочилъ съ нее, уже вступилъ въ до-
лину.
Едва отъ храма онъ ступеней седмь отшелъ,
Какія дивности въ долинѣ усмотрѣлъ!
Громвалъ, геенскими духами окруженный,
Подъемля къ небу взоръ, стремился въ срубъ
возженный;
Онъ мыслилъ, здравый смыслъ и память погубя,
Что видитъ Ангеловъ небесныхъ вкругъ себя.
Являя съ гордостью смущенную унылость,
Считаетъ страшну смерть за Божескую ми-
лость.
Во отдаленіи нечувственный Мечидъ
На мановыхъ цвѣтахъ безпечно возлежитъ;
Изъ глазъ его Рогдай, изъ рѣчи примѣчаетъ,

Что возлежать Мечидъ на острыхъ тернахъ
чаетъ.
Сломинъ, не будучи удерживанъ ничѣмъ,
Весь воздухъ вкругъ разитъ, разитъ своимъ
мечемъ;
Но врагъ, съ которымъ онъ сражался неот-
ступно,
Тѣнь собственна была, съ нимъ движущася
купно.
Рыдая, Силоволъ руками перси бьетъ,
Смеживъ свои глаза, увидѣть чаетъ свѣтъ,
Сіянье дневнаго свѣтила ненавидитъ,
И множа тму въ очахъ, возмнилъ, что ясно
видитъ.
Рогдай, взирающій съ печалію на нихъ,
Позналь, что ослѣпленъ мечтами разумъ ихъ;
Разбросанны мечи и шлемы зритъ повсюду.
Дающи свѣтъ умамъ сложенны книги въ груду,
На коихъ мрачная Лжесвятость возсѣдитъ,
Почтеннымъ симъ вещамъ касаться не велитъ,
На безполезныя писанья указуетъ,
И важность оныхъ книгъ рабамъ своимъ тол-
куетъ:
Прославьтесь на земли, прославьтесь! говоритъ;
Беретъ сокровища, но людямъ прахъ даритъ.
Рогдай воителей своихъ не забываетъ,
Онъ громкимъ голосомъ дружину призываетъ;
Но гласъ его для нихъ уже невнятенъ былъ.
Рогдай во звучный рогъ въ то время вострубилъ;
Какая сдѣлалась мгновенная премѣна!
Изторгшись будто бы невольники изъ плѣна,
Сопутники его отъ предлежащихъ бѣдъ,
Оружія схвативъ, текутъ Рогдаю въ слѣдъ.
Но только на среду взошли они долины,
Встрѣчаютъ рыцарей ужасны исполины,
И путь дружинѣ сей стараются преградить;

Но воины творятъ себѣ мечами путь.
Видѣнья страшныя мгновенно истребилисъ,
Но пламенны волы на мѣсто ихъ явились;
Бросаетъ огненно дыханье ихъ гортань.
Вступаютъ рыцари, вступаютъ паки въ брань;
Сражаются, огнемъ отвсюду опаленны;
Но сдвигнуты мечи, щиты совокупленны,
Отверзли имъ стезю. Такъ дѣйствовалъ Язонъ
Въ Колхидѣ, гдѣ искалъ руна златаго онъ.
Рогдай, звучащій въ рогъ, съ его дружиной вѣрной
Изшелъ торжественно изъ сей долины Черной.
Владимиръ между тѣмъ отъ Ворсклянскихъ брегов
Какъ туча поднялся со множествомъ полковъ.
Прешедъ Самарскую песчану степь безводну,
Вступаетъ во страну Таврійску многоплодну,
Херсонъ, гдѣ въ наши дни ликуетъ средь цвѣтовъ,
Навѣкъ освобожденъ отъ варварскихъ оковъ,
И вскорѣ возведетъ Екатерина взоры
На рощи масличны и на цвѣтущи горы,
На градъ сей, гдѣ законъ Владимиръ воспріялъ,
Отколѣ вѣчный свѣтъ въ Россію возсіялъ.
Тогда Россійскому велѣлъ Владимиръ стану
Какъ тучѣ пламенной простертись по Лиману.
Херсону гордое являюще чело,
Примкнулось правое къ его стѣнамъ крыло;
И пыль, которая надъ воинствомъ стояла,
Какъ будто нѣкая завѣса вдругъ упала,
Открыла храбрые Россійскіе полки,
Расположенные надъ устіемъ рѣки,
Гдѣ бурный Днѣпръ, свои отверзивый гортани,
Водою сладкою приноситъ морю дани.
Къ полуденной странѣ является Херсонъ;
До самыхъ облаковъ главу возноситъ онъ,

И, мнится, Тавромъ всѣмъ, какъ Царь, повелѣ-
ваетъ;
Стопы его волна морская омываетъ.
О Муза, коей жизнь со свѣтомъ вдругъ дана!
Отверзи очи мнѣ на древни времена;
Мнѣ станъ Владимировъ яви подъ Крымскимъ
градомъ,
И стихотворнымъ пѣнь меня учи ты скла-
домъ. . . .
Я вижу средь шатровъ великолѣпну сѣнь,
Подъ солнцемъ далеко ея простерлась тѣнь;
Знаменами она, какъ лѣсомъ окруженна,
Стояла на холму высокомъ утвержденна,
И стража сѣнь сію недремлюща блюдетъ;
Владиміръ изъ вельможъ устроилъ въ ней со-
вѣтъ.
Но чьи къ Владиміру простерты тако взгляды?
То вкругъ его сѣдятъ его любезны чады;
Они внимательный въ него вперили взоръ;
Являлся въ тихомъ весь вниманіи соборъ.
Добрыня, Царскій другъ, въ собраніи свѣтлѣетъ,
Онъ душу всю въ очахъ написанну имѣетъ;
Межъ сонма, множества вельможей возсѣдитъ,
И, мнится, чувствуетъ, о чемъ Владиміръ
мнитъ.
Молчанье прервалъ Князь съ величественнымъ
взглядомъ,
И рекъ: Теперь ужь мы стоимъ подъ самымъ
градомъ,
Подъ градомъ, къ бранямъ насъ который во-
ружилъ,
Невѣрность противъ насъ и злобу обнажилъ:
Простерть ли на него намъ руку, громъ держащу?
Иль душу укротить, злодѣйства Тавру мстящу?
Воину, иль миръ начать? скажите мнѣ, друзья!
Что вздумаете вы, то думать буду я.

Подобный шумъ возсталъ кротчайшему зефиру;
Вельможи и Князья склонялись паче къ миру.
Владимиръ продолжалъ: Почто дерзать на брань?
Коль мирную Херсонъ простретъ Россіи длань,
Исполнится нашъ видъ: мы въ градъ со славой вступимъ,
И дружества цѣной плѣненныхъ въ немъ искупимъ.

Добрыня искренній тогда возвысилъ гласъ:
За чѣмъ же, Государь, ты велъ къ Херсону насъ?
Мы лучшихъ воиновъ въ семъ подвигѣ лишились;
На что мириться намъ, коль ратовать рѣшились?
Взгляни на вражій градъ, на воинства свои:
Колико тотъ цвѣтетъ! коль бѣдствуютъ сіи!
Устроивъ съ Тавромъ миръ, въ покоѣ Тавръ оставимъ,
Но дерзкихъ ихъ сердецъ конечно не исправимъ,
И къ вѣроломству имъ причину подадимъ,
Ни малой выгоды не давъ полкамъ своимъ!
Карай сей градъ! . . . О Князь! мечь страшенъ обнаженный;
Но во влагалище постыденъ возвращенный.
Осаду начинай, коль къ граду приступилъ;
Уже ты дорого и приступъ сей купилъ:
Онъ подданныхъ твоихъ цѣною купленъ крови;
Отмщеніе за нихъ имъ будетъ знакъ любови!
Владимиръ отвѣчалъ: Я тѣмъ и докажу,
Что подданныхъ люблю, что крови ихъ щажу.
На что мнѣ жертвовать Россійску кровь напрасно,
За что мнѣ отомщать и Грекамъ толь пристрастно,
Когда надежное донынѣ средство есть
Россіи возвратить ущербы, славу, честь?
А естьлибъ мы пословъ изъ Кіева послали,
О мирѣ и войнѣ мы долго бы не знали;
Но здѣсь, изторгнувъ мечь у самыя стѣны,

Легко намъ утверждать миръ, брани и войны.
Простимъ своимъ врагамъ, коль Греки покорятся;
Коль нѣтъ, то брани здѣсь мгновенно возгорятся.
Я вѣдаю, что ты проникнулъ въ мысль мою;
Тебѣ о мирѣ я старанье предаю:
Ты склоненъ храбростью ко битвамъ, а не нравомъ!
Прими оливну вѣтвь съ Позвѣздомъ и Мстиславомъ;
Херсону возвѣстить идите мой предлогъ;
Что должно вамъ сказать, внушитъ вамъ вышній Богъ! . . .
Заемлясь мысленно посланниками сими,
О Муза! прелетимъ въ Херсонски стѣны съ ними.
Тогда начальствовалъ во градѣ Князь Феридъ,
Имущъ коварный духъ, но самый льстивый видъ;
Сплетало кажду рѣчь въ устахъ его притворство;
Обманчивъ видъ его, язвительно покорство;
Владимира сей Князь душею не любилъ,
Изо льстецовъ Феридъ льстецъ самый хитрый былъ,
И гордость, съ черной въ немъ душей соединенна,
Монаршей славою являлась оскорбленна:
Далеко онъ свои нимѣренья простеръ,
Тщеславію границъ не полагалъ, ни мѣръ,
Къ Царевнѣ Греческой въ немъ духъ воспламенился;
Не прелестьми ея, короной онъ плѣнился.
Виною былъ тому Княжны Ахейской видъ,
Что ненависть питалъ къ Владимиру Феридъ.
Молва уже летитъ черезъ пространно море,

Что въ бракъ съ Царемъ вступить Княжна
пріидетъ вскорѣ;
Ея пришествіе умысливъ отвратить,
Владимира хотѣлъ лукавствомъ уловить,
И славы пріобрѣсть чрезъ то вѣнцы несчетны.
О коль людскія суть намѣренія тщетны!
Когда онъ соружалъ Монарху въ мысляхъ ковъ,
Представили ему Россійскихъ трехъ пословъ.
Привѣтство полилось какъ медъ его устами,
Коварство черное усыпалъ онъ цвѣтами;
Владимировыхъ чадъ объемлетъ хитрый льстецъ,
И такъ на ихъ предлогъ вѣщаетъ наконецъ:
О други! онъ сказалъ, всѣмъ сердцемъ сожалѣю,
Что средствъ, съ Россіей быть въ союзѣ, не имѣю;
Завидно мнѣ, что вы рожденны въ той странѣ,
Гдѣ царствуетъ вашъ Князь народомъ въ ти-
шинѣ,
Въ отечествѣ побѣдъ, въ отечествѣ героевъ,
Съ которыми весь міръ трепещетъ страшныхъ
боевъ;
Я вашихъ трепещу безчисленныхъ полковъ,
И городъ отворить Владимиру готовъ;
Мнѣ храбрость Россіянъ, мнѣ сила ихъ из-
вѣстна,
Горсть войска моего со Княжьимъ не совмѣстна.
Скажите своему великому Царю,
Что я врата ему Херсонски отворю;
Но, вида не подать отечеству измѣны,
Притворно защищать Херсонски буду стѣны.
Мстиславъ, внимая рѣчь Феридову, позналъ,
Что сдачу града онъ коварно отлагалъ,
Тогда сказалъ ему: Войти въ Херсонски стѣны,
Не требуемъ твоей, не требуемъ измѣны:
Постыдно грады брать намъ средствомъ та-
ковымъ;
Мечемъ и храбростью мы городъ побѣдимъ,

И дружбѣ мы твоей обязаны не будемъ;
Мы правилъ никогда геройскихъ не забудемъ.
Прибавилъ къ симъ словамъ свои слова Позвѣздъ:
Мы лестью не беремъ, Феридъ! военныхъ мѣстъ;
Отверзи градскія врата сей день предъ нами,
Или увидишь насъ заутра подъ стѣнами;
Мы придемъ съ воинствомъ Фериду доказать,
Что безъ предательства умѣемъ городъ взять.
Феридъ отвѣтствовалъ, вращая лестны взгляды:
О Князи храбрые! еще вы оба млады,
И выгодъ собственныхъ не видите своихъ;
Что лучше ради васъ, я шлюсь на васъ самихъ:
Промедлить ли однимъ, иль нѣсколькими днями,
И миръ запечатлѣть безъ брани въ градѣ съ нами?
Или побѣдою напрасной поспѣшить,
И воинство свое и наше уменцить? . . .
Но вы Владимиру отвѣтъ мой понесите;
Коль презритъ онъ его, осадою спѣшите.
Добрыня рѣчь сію съ молчаніемъ внималъ;
Но вдругъ, терпѣніе разторгнувый, вскричалъ:
Съ тобою дружества мы ласкою не купимъ;
Но намъ не нуженъ ты! во градъ мы силой вступимъ! . . .
Вѣщая рѣчь сію, онъ стрѣлу преломилъ,
И полстрѣлы съ копьемъ въ Феридовъ столъ вонзилъ;
Пернату часть ея въ рукѣ своей держащій,
Фериду говорилъ, бросая взоръ грозящій:
Знай, знай теперь, Феридъ, по браннымъ знакамъ симъ,
Что мы конецъ стрѣлы изторгнуть прилетимъ.
Принесъ войну, иль миръ Владимиръ здѣшню граду;
Теперь вѣщаетъ брань, не дружбу, не пощаду. . . .

На грозное чело и на Добрынинъ видъ
Съ лукавствомъ посмотрѣвъ, вѣщаетъ такъ Феридъ:
Кто ты, почтенный мужъ? — Коль щастлива Россія,
Что витязи у ней раждаются такія!
Когда бы трехъ мужей подобныхъ я имѣлъ,
Противъ Владимира итти войной посмѣлъ;
Ахъ! что притворствую и что я укрываюсь?
Увы! предчувствую, что града я лишаюсь;
Что насъ Владимиръ въ плѣнъ съ женами повлечетъ:
Оружій у меня, ни силъ военныхъ нѣтъ;
На Византійскій Дворъ простерся мракъ забвенья,
Не шлютъ ко мнѣ людей, оружій, вспоможенья.
Какъ городъ я спасу, на вашъ взирая станъ,
Имѣя войска горсть, не ратниковъ, мѣщанъ?
О вы, Херсоняне! колико вы нещастны! . . .
Но, ахъ! мои слова для Россовъ слишкомъ ясны.
Такой смиренный видъ коварствамъ льстецъ давалъ,
Такой личиною злодѣйства прикрывалъ,
И тако заключилъ: О други! мнѣ простите,
Что скораго Царю отвѣта не дадите.
Мое усердіе Россіянамъ явить,
Гостепріимствомъ васъ намѣренъ я почтить;
Свѣтило дневное доколь не закатится,
Не допущу я васъ изъ града удалиться,
Дабы сомнѣнія народу не подать,
Что вы пришли нашъ градъ и войски сглядать,
Дабы не зналъ народъ, что съ вами я согласенъ. . . .
Шагъ каждый при войнѣ начальнику опасенъ!

Когда простерла ночь печальный свой покровъ,
За градъ препроводилъ Россійскихъ льстецъ
пословъ.
Но только лишь врата сомкнулъ во слѣдъ
за ними,
Вступаетъ во совѣтъ съ клевретами своими.
Веселое чело Феридъ являя, рекъ:
Я сихъ посланниковъ легко въ обманъ вовлекъ!
Притворной дружбою моею уловленны,
Въ недѣйствѣ будутъ ихъ полки совокупленны;
А мы, лишь утренняя покажется заря,
Противъ Россійскаго итти дерзнемъ Царя.
Въ сраженіе вступить съ обманутымъ злодѣемъ,
Довольно воинства, довольно силъ имѣемъ.
Россійскіе полки въ безпечности своей
Да будутъ жертвою для Греческихъ мечей!
Тогда, завѣсою покрытымъ вкругъ ночною,
Велѣлъ своимъ полкамъ собраться съ тишиною,
И третью войска часть отъ груды отдѣлилъ,
При битвѣ повелѣвъ ударить Россамъ въ тылъ.
Не ради Россіянъ Феридъ однихъ лукавилъ;
Къ Византіи гонца съ извѣстіемъ отправилъ.
Дабы Царевнино пришествіе препнуть,
Велѣлъ онъ слухами наполнить встрѣчный путь:
Владиміръ пренебрегъ привѣтствія Ахейски,
Какъ змій облегъ Херсонъ, и дѣйствуетъ зло-
дѣйски.
Владиміръ, получивъ отвѣтъ пословъ своихъ,
Вѣщалъ: Ненравны мнѣ прикрасы словъ такихъ;
Обманщикъ завсегда и льститъ и лицемѣритъ,
И слабъ тотъ человѣкъ, врагу который вѣритъ!
Ахейскій Князь лукавъ, предвижу хитрость
въ немъ;
Но съ нашимъ сномъ теперь брань первую на-
чнемъ:
Не двигнемся доколь къ осадѣ града скорой,

Намъ будетъ одръ земля, оружіе подпорой;
По крайности, друзья! въ опасну нощь сію
На семъ копьѣ постель содѣлаю мою,
И передъ воинствомъ, въ толпу соединенномъ,
Облегся на копье, концемъ въ песокъ вонзенномъ.
Такъ бодрый въ полѣ стражъ не дремлетъ ни-
когда,
На тучныхъ пажитяхъ пасущъ свои стада;
Блюдется тѣней онъ и шумовъ, въ рощѣ слы-
шныхъ,
Дабы не допустить звѣрей ко стаду хищныхъ.
Уже сіяютъ вкругъ звѣздами небеса,
Во градѣ слышатся сліянны голоса,
Бряцаніе мечей, волненіе живущихъ,
Какъ шумъ кипящихъ водъ, съ вершины горъ
текущихъ;
Россійско воинство на коей возлежитъ,
Зыбучая земля трепещетъ и дрожитъ.
Тогда Владимиръ рекъ, что сердце ощутило:
Освѣтитъ дневное кроваву брань свѣтило!
Не осѣнялъ еще Царя крылами сонъ,
И видитъ нѣкую мечту во мракѣ онъ:
Сребристымъ облакомъ видѣнье окружалось,
Величество въ его лицѣ изображалось,
Вливало радость въ грудь, къ любови духъ
влекло.
Я Истина! Царю мечтаніе рекло;
Я таинства мои, о Князь! тебѣ вѣщала,
Во Идолемовомъ жилищѣ просвѣщала,
Въ бесѣдѣ Кировой глаголала къ тебѣ,
Но ты послѣдовалъ во плоти самъ себѣ:
Ты слово преломилъ, которымъ Богу клялся,
Забвенью предалъ крестъ, которымъ освѣщался;
Владимиръ суетность мірскую возлюбилъ,
И днесь еще таковъ, каковъ въ кумирствѣ былъ;

Ты славы, ты любви еще донынѣ жаждешь,
За то теперь, за то, въ сомнѣнье ввергнутъ,
страждешь;
И будешь ты страдать подъ градомъ симъ еще;
На храбрость, на полки надѣешься вотще:
Наказанъ будешь ты! готовься къ злому часу!
И ежель Божію внимать не станешь гласу,
Нещастенъ будешь ввѣкъ! . . . Рекло, и въ
небеса
Мгновенно вознеслось, какъ утренняя роса.
Владимира сіе видѣніе смутило;
Но солнце небеса въ то время озлатило;
Надежда въ томну грудь Владимиру влилась:
На Бога возложилъ успѣхи битвы Князь;
Почувствовалъ свое предъ Вышнимъ преступ-
ленье,
И въ сердцѣ ощутилъ геройско воспаленье.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

Червленая заря румянитъ сводъ небесъ,
Вершины зримы горъ, зеленый видѣнъ лѣсъ;
Спускаясь на поля, туманъ рѣкой ложился;
Сквозь тонкіе пары Херсонъ очамъ явился;
Но смутный нѣкій видъ казали небеса;
Лежала на травѣ кровавая роса;
Стадами на поля слетались враны черны;
Багровый тускъ покрылъ, покрылъ колючи
терны.
Внезапно произвелъ и шумъ и вопли градъ,
И многіе полки изринулъ вдругъ изъ вратъ.
Какъ туча, бурныхъ крылъ пареніемъ несома,
Свирѣпость сильнаго предвозвѣщаетъ грома,

Текущій вихрь предъ ней реветъ и пыль крутитъ:
На Россовъ воинство Херсонское летитъ.
Сгустился воздухъ вдругъ шумящими стрѣлами;
Какъ туча съ тучею сперлись полки съ полками,
Подобны сонмамъ водъ сліялися они;
Отъ пыли свѣтъ померкъ, померкъ въ началѣ дни.
Подъ тѣнію сего сгущеннаго покрова
Сырой песокъ поитъ рѣками кровь багрова.
Владимиръ съ копіемъ летаетъ межъ полковъ,
Какъ будто бурный вихрь въ срединѣ облаковъ;
Куда его копье и мечь ни устремится,
Вездѣ копье и мечь перуномъ становится.
Сыны и рыцари, текущи въ слѣдъ по немъ,
Свирѣпымъ для враговъ содѣлалось огнемъ,
Который пламень свой во всѣ страны кидаетъ,
Къ чему коснется огнь, все жжетъ и поядаетъ;
И Греческихъ полковъ раздвиглася стѣна,
Отверзла къ граду путь Россіянамъ она.
Какъ быстрая рѣка, скрывающа плотину,
Кипящіе валы бросаетъ на долину,
И все, что встрѣтится, поемлетъ и влечетъ:
Такъ воинство къ стѣнамъ Россійское течетъ.
Но будто изъ земли мгновенно изходящи,
Россіянъ Гречески срѣтаютъ силы вящщи:
Ты было воинство, съ которымъ самъ Феридъ,
Составивъ Россамъ ковъ, во рвахъ глубокихъ скрытъ,
Полкамъ передовымъ съ Россійскими сразиться,
Но вскорѣ повелѣлъ предъ ними разступиться,
Отверзть Владимиру свободный къ граду путь;
Лукавой робостью онъ мыслилъ обмануть,
Во срѣтенье ему свою поставилъ силу,
Расторгшейся толпѣ велѣлъ ударить съ тылу.
Тогда Россійскіе полки объемлютъ вкругъ,
Какъ волны бурныя, противны силы вдругъ;

Херсонски рыцари съ Россійскими сразились,
Въ средину ворвались, втѣснилися, вломились.
О коль Владимировъ безчисленъ былъ уронъ!
Повсюду слышенъ вопль, повсюду слышенъ стонъ.
Какъ жатель класы жметъ въ едину горсть пшеницы,
Такъ, сдвигшись въ тѣсный кругъ полки и колесницы,
Стѣсняютъ войска часть, отъ груды отдѣливъ. . .
Лиманскій кровію наполнился заливъ.
Лишенны всадниковъ, бѣгутъ кони строптивы;
Покрыты трупами трепещущими нивы.
Тремя стрѣлами вдругъ пронзенный Сванъ падетъ,
Тремя ручьями кровь изъ ранъ его течетъ;
Но движась по песку, какъ змій свирѣпымъ жаломъ,
Трепещущимъ въ рукѣ враговъ разитъ кинжаломъ.
Оренъ, Тилей, Улетъ, уснувшіе въ крови,
По смерти нѣжныя являютъ знакъ любви:
То кровны братія и вѣрны други были;
Толпой совокупясь, ихъ Греки погубили!
Безцѣнна жизнь была взаимно ихъ сердцамъ:
Сражался гдѣ единъ, сражались оба тамъ;
Единаго стрѣла въ гортань насквозь пронзила,
Но всѣхъ одна стрѣла, казалось, поразила;
Два брата братню смерть кидаются отмстить,
Лишась навѣкъ его, хоть тѣло возвратить:
Но, ахъ! не принесли ему иныя жертвы,
Какъ мстящи за него, съ нимъ оба пали мертвы.
Но храбрый Бурніялъ и пламенный Притенъ,
Изъ копій и мечей среди сліянныхъ стѣнъ,
Другое дивное позорище являли:

Они какъ два столпа средь волнъ морскихъ
стояли;
Сомкнувъ свои хребты подъ твердостью щитовъ,
Лишаютъ живота прирыщущихъ враговъ;
Но вдругъ, покрыла вдругъ Притена мрачность
ночи, —
Летяще копіе ему изткнуло очи.
Притенъ дрожащія колѣна преклонилъ,
И Бурніяловъ тылъ отверзтымъ учинилъ;
Но будто вещь сама къ своей склонилась тѣни,
Повергся Бурніялъ поспѣшно на колѣни.
Единъ безъ глазъ мечи и стрѣлы отражалъ,
Другой, хребетъ примкнувъ, злодѣевъ поражалъ.
Конца бы можетъ быть ихъ битва не имѣла,
Но камней туча вдругъ надъ ними возшумѣла;
Какъ сильный градъ она обрушилась на нихъ,
Со славой погребла въ Херсонскомъ полѣ ихъ.
Скоретъ кончаетъ жизнь цвѣтущихъ лѣтъ
весною;
Какъ нѣжна лилія, увялъ во время зною.
Руалдъ, отецъ его, свидѣтель смерти былъ;
Въ очахъ его злодѣй Скорету грудь пронзилъ,
Оставилъ умирать, Руалдъ оставилъ сына:
Не жалость дѣйствуетъ, но месть въ груди
едина;
Онъ выхватилъ свой мечь, во всѣ страны вра-
щалъ,
И смерть сыновнюю дотолѣ отомщалъ,
Доколѣ кровью весь злодѣйскою омылся,
Убійцу умертвилъ и жизни самъ лишился.
Адунъ и Турибенъ бездушны ницъ лежатъ,
Но видя ихъ безъ чувствъ, убійцы ихъ дро-
жатъ;
Они Херсонскими тѣлами окруженны,
Которы были ихъ мечами пораженны.

Среди безчисленныхъ геройскихъ славныхъ дѣлъ
Добрыня храбростью отмѣнной возгремѣлъ:
Его повсюду мечь какъ молнія віется,
И все пронзаетъ сквозь, къ чему сей мечь коснется;
Онъ трупами поля Херсонскія покрылъ,
И стогны межъ полковъ широки растворилъ.
Бѣгущихъ какъ стада Добрыня Грековъ рубитъ;
Парящая предъ нимъ Побѣда въ роги трубитъ.
Уже она ему геройскій лавръ плела;
Но возшумѣла вдругъ пернатая стрѣла,
Подъ лѣвымъ у коня остановилась окомъ;
Добрынѣ язва та была печальнымъ рокомъ.
Бѣснуясь, на дыбы строптивый конь вскочилъ,
Трепещетъ, пышетъ, ржетъ, къ землѣ склоняетъ тылъ,
Мгновенно на хребетъ со всадникомъ валится;
Подъ тяжестью коня герой какъ змій крутится.
Херсонцы, по стѣнамъ бѣгущи отъ него,
Увидя въ бѣдственномъ страданіи его,
Пуская къ небу вопль, поспѣшно возвратились,
Поверглись на него, толпой совокупились:
Се первый нашъ злодѣй! се первый врагъ! рекли,
Добрыню полонивъ, въ неволю повлекли.
Терпящій отъ враговъ презрѣніе, обиду,
Лишенъ оружія, представленъ онъ Фериду,
Который къ воину простеръ надмѣнну рѣчь:
Иди вонзенную твою стрѣлу извлечь!
Нещастный! ты своимъ пророчествомъ обманутъ;
Всѣ Россы такъ, какъ ты, торжествовати станутъ.
Но, плѣнникъ! не скрывай, мученья убоясь,
Гдѣ кроется теперь, гдѣ твой Владимиръ Князь? . . .

Добрыня гордо рекъ: Кто витяземъ родится,
Не только тотъ угрозъ, и смерти не боится.
Какъ Грековъ я страшусь, то въ битвѣ доказалъ;
Но хощешь, чтобъ тебѣ о Князѣ я сказалъ?
Скажу! Себя мой Царь нигдѣ не сокрываетъ;
Но въ полѣ Грековъ онъ какъ громомъ убиваетъ,
И хощетъ и твою казнить подобно лесть.
Феридъ велѣлъ во градъ плѣненнаго отвесть;
Но самъ, воителей толпою окруженный,
Потекъ Царя искать, героевъ въ сонмъ смѣшенный.
Увидѣлъ близь холма Владимира Феридъ;
Его ужасенъ взоръ, его божественъ видъ,
Раждаетъ блескъ и шумъ меча его движенье.
Феридъ почувствовалъ къ герою уваженье,
Страшится самъ вступить, страшится въ битву съ нимъ;
Велитъ столпиться вкругъ воителямъ своимъ:
О мужи храбрые! вѣщаетъ имъ, теките,
Иль жива Князя мнѣ, иль мертва привлеките!
Дерзайте! онъ теперь единъ, единъ въ бою;
Обиду мстите вы и вашу и мою! . . .
Какъ волки гладные, тельца увидя въ полѣ,
Который ѣстъ траву на пажити по волѣ,
Херсонцы бросились къ Царю со всѣхъ сторонъ,
И зрится межъ враговъ какъ межъ оплотомъ онъ.
О! кто его теперь отъ гибели избавитъ?
Отъ всѣхъ оставленъ онъ! — Богъ Князя не оставитъ!
Добрыни нѣтъ при немъ, сыновъ усердныхъ нѣтъ;
Они полкамъ своимъ, которы страхъ женетъ,
Преградой грудь свою полкамъ бѣгущимъ ставятъ,
Ихъ робкія стопы обратно къ битвѣ правятъ.

Изящный Всеволодъ, склонясь на гибкій лукъ,
Въ недѣйствіи мечей кругомъ внимаетъ звукъ;
Изъ тяжкихъ ранъ его ручьями кровь текуща
Являетъ слѣдъ его къ Царю стопы влекуща.
Колико для него ужасенъ былъ сей часъ!
Уже внимаетъ онъ, внимаетъ страшный гласъ:
Владимиръ во плѣну! Владимиръ погибаетъ!
Сей гласъ всѣ чувства вдругъ сыновни убиваетъ;
Какъ громомъ пораженъ, простерся на земли,
Смѣшалась кровь его съ ручьями слезъ въ пыли.
Но очи обратимъ къ плачевнѣйшему виду:
Толпою витязей влечется Царь къ Фериду!
Пернатый шлемъ его на части былъ разбитъ,
Преломленъ мечь въ рукѣ и пустъ колчанъ виситъ;
Какъ бурными корабль влечется вдаль волнами,
Владимиръ движимъ былъ къ стѣнамъ его врагами.
Восплачьте воины! Россія вся рыдай! . . . .
Но вдругъ услышанъ гласъ: Рогдай! пришелъ Рогдай!
Рогдай съ дружиною къ Херсону возвратился,
И битвы прежній видъ мгновенно премѣнился.
Какъ туча бурная и съ ней бѣгуща тма,
Течетъ Рогдай къ полкамъ съ высокаго холма;
Предвозвѣщаетъ онъ Россіянамъ побѣду,
И примыкается Владимирову слѣду.
Тогда подобіемъ шумящія рѣки,
Херсонцамъ въ слѣдъ текутъ Россійскіе полки;
Совокупленные враговъ горои гонятъ;
Какъ вихри сильные верхи древесны клонятъ
И пыль сгущенную съ лица земли мятутъ,
Ручьи кровавые со всѣхъ сторонъ текутъ.
Рогдай противниковъ какъ вепрь тельцовъ терзаетъ;

Великимъ копіемъ Фериду грудь пронзаетъ.
Смерть блѣдну на лицѣ, въ груди имѣя страхъ,
Херсонцы понесли Ферида на щитахъ.
Рогдай съ презрѣніемъ текущихъ въ градъ оставилъ,
Противу рыцарей свое копье направилъ,
Которы, въ твердую толпу соединясь,
Спирались въ тѣсный кругъ, гдѣ былъ Владимиръ Князь;
Разсыпалъ ихъ, сломилъ, ихъ умыслъ уничтожилъ:
Не Князя онъ спасалъ, свою онъ славу множилъ.
Но рыцарей спѣшитъ Рогдай совокупить,
Онъ хощетъ въ брань еще съ Херсонцами вступить.

Какъ послѣ бурей понтъ хотя и не волнуетъ,
Но онъ еще кипитъ, еще реветъ, бунтуетъ,
И только по волнамъ крылатый вѣтръ дохнетъ,
Немного отдохнувъ, понтъ съ вѣтромъ брань начнетъ:
Такъ, видя рыцари Херсонцовъ въ градъ текущихъ,
Но Россовъ на бѣгу разящихъ, въ плѣнъ влекущихъ,
Ударили имъ въ слѣдъ, достигли, и въ пыли
Потоки кровію кипящи потекли.
На буряхъ, кажется, воители летаютъ;
Долину мертвыми тѣлами устилаютъ.
Такъ вѣтеръ, въ ярости своей разсвирѣпѣвъ,
Валитъ великій лѣсъ, препятства не терпѣвъ:
Бѣгутъ герои въ слѣдъ Херсонскому народу,
Во рвахъ зеленую мѣшаютъ съ кровью воду.
Единъ изъ воиновъ низвергся съ брега внизъ,
За древо ухватясь, на вѣтвіяхъ повисъ;
Держась за вѣтвія дрожащею рукою,
Висящій надо рвомъ, враговъ разитъ другою;

Но, весь пернатыми стрѣлами изрѣзвленъ,
Не въ воду, въ кровь свою былъ паче погружень.
Херсонцы, рыцарьми Россійскими гонимы,
Какъ зміи по стѣнамъ ползущи были зримы:
По собственной крови стопы у нихъ скользятъ;
Другъ друга упредить, другъ друга въ тылъ разятъ.
Во рвахъ подъемлется къ брегамъ вода зелена,
И плаваетъ по ней кипяща кровью пѣна.
Сперлося воинство червленыхъ въ нѣдрѣ водъ,
Сперлось у градскихъ вратъ и заградило входъ;
Оружія свои въ отчаяньѣ повергли,
Но мщенья рыцарей Россійскихъ не избѣгли;
Пуская къ небу вопль во узахъ тѣсноты,
Срываютъ надо рвомъ висящіе мосты;
Когда мечи они и стрѣлы разметали,
Оружіемъ у нихъ мостовъ обломки стали:
Защита слабая! . . . Рогдай, остервенѣвъ,
Во градскія врата ломился будто левъ.
Внезапно небеса надъ градомъ посинѣли,
И шлемы на главахъ у воевъ потемнѣли:
Вдругъ туча поднялась на пасмурныхъ крылахъ;
Летитъ предъ нею вихрь, столпомъ крутящій прахъ;
Завылъ, Херсонскихъ горъ въ ущелинахъ тѣснимый,
И зданія валитъ, ревущій, но незримый;
Изъ бурной тучи градъ повсюду зашумѣлъ;
Кидая молніи, перунъ изъ ней гремѣлъ.
Сражающихся пыль и блески ослѣпили;
То съ ними небеса, казалось, въ брань вступили.
Вблизи Лиманскихъ водъ, при устіи Днѣпра,
Мнѣ мнится, предо мной Синайская гора;
Сгущеннымъ облакомъ хребетъ ея покрылся,
Пророку Богъ на немъ, мнѣ кажется, явился;
Трепещетъ вкругъ земля, я слышу трубный гласъ,

Блистаютъ молніи и солнца свѣтъ угасъ:
Подобно вижу днесь у стѣнъ окровавленныхъ
И побѣдителей во тмѣ и побѣжденныхъ.
Смотрящій съ горнихъ мѣстъ, отверзивъ свой чертогъ,
Сраженью повелѣлъ умолкнуть сильный Богъ.
Рогдай, густою тмой и пылью ослѣпленный,
Не взвидѣлъ, мечь куда вращать окровавленный;
Взоръ кинувъ къ небесамъ, съ досадой возопилъ:
О Богъ, Который насъ толь нагло ослѣпилъ!
Коль въ зависть я привелъ Тебя моей судьбою,
Сойди ко мнѣ съ небесъ! сражуся я съ Тобою!...
Извергнувъ страшныя изъ устъ Рогдай хулы,
Куда итти, не зналъ, густой во мракѣ мглы;
Но внемля топотъ вкругъ коней, къ шатрамъ бѣгущихъ,
И гласы рыцарей, вдали его зовущихъ,
Пустился, кровью весь омытый, имъ во слѣдъ,
И видитъ огненный вкругъ Царской кущи свѣтъ.
Владимиръ, усмотрѣвъ, что Божеская сила
Безвременною тмой часъ нощи упредила,
Вкругъ стана по мѣстамъ велѣлъ огни возжечь,
Дабы разсѣянныхъ людей къ шатрамъ привлечь.
Рогдай, досадою и мщеніемъ кипящій,
Вошелъ къ Царю въ шатеръ, кровавый мечь держащій:
Вини ты Небо! рекъ, а не вини меня,
Что не взятъ нами градъ при окончаньи дня!
Коль боги въ нашу брань, о Князь! бы не мѣшались,
Мы въ градѣ бы теперь побѣдой утѣшались;
Въ своей бы тамъ крови народъ былъ потопленъ,
Который Россамъ въ стыдъ тебя ловилъ во плѣнъ.
Владимиръ рекъ: На всѣ я страхи предавался;
Но я отъ воинства, Рогдай, не сокрывался:
Я къ жертву жизнь мою Отечеству понесъ,

И жребій мой въ бою вручилъ во власть Небесъ;
Судьбою нашею Они распредѣляютъ,
Величатъ славу дѣлъ и славу умаляютъ;
Но буду ввѣкъ сію оплакивать войну:
Я вольность трачу въ ней, мой другъ теперь въ плѣну!
Рогдай сообщникъ былъ всегда въ бою Добрынѣ,
И рекъ: Твой другъ и мой свободенъ будетъ нынѣ!
Въ досаду всѣмъ богамъ, пойду теперь во градъ;
А естьли нѣтъ его, въ подземный сниду адъ. . .
Владимиръ отвѣчалъ: Россію ты прославилъ,
И дать возмездіе тебѣ, Рогдай! заставилъ.
Владимиръ, ободрить воителя сего,
Златою цѣпію украсилъ грудь его;
Но льстился рыцарь, рогъ имѣя Суесвятства,
Что землю покоритъ и троны безъ препятства.
Владимиръ, въ полѣ зря лежащихъ грудь тѣлъ,
И Грековъ и своихъ огню предать велѣлъ.
Великіе костры въ долинѣ воскурились,
Герои въ тлѣнный прахъ мгновенно претворились.
О коль тщеславится въ сей жизни человѣкъ!
И сколько бѣденъ есть, когда окончитъ вѣкъ!
Едина горсть земли, вотъ вся его награда!. . .
И се толпа течетъ печальныхъ женъ изъ града.
Рыданье томное пронзаетъ небеса,
По дебрямъ раздались плачевны голоса;
Влечетъ Херсонскихъ женъ за градъ вина едина:
Иная брата здѣсь, иная ищетъ сына,
Супруга, сродника, погибшаго отца;
Гдѣ трупы ихъ лежатъ, вѣщаютъ имъ сердца.
При освѣщаемой луною блѣдной ночи
Удобны познавать тѣла любезныхъ очи.
Селема томная при огненной любви
Безчувственнаго зритъ супруга во крови;

Три раны на груди рукою осязаетъ,
Которую начать оплакивать, не знаетъ;
Всѣ три наполнила струями горькихъ слезъ;
Примкнула къ нимъ уста, и духъ ея изчезъ.
Сестра терзаетъ грудь надъ братомъ убіеннымъ;
Прощается въ слезахъ невѣста съ обрученнымъ.
Но древностью своихъ обремененна лѣтъ,
Гдѣ сынъ мой? гдѣ мой сынъ? Дорена вопіетъ;
Трепещутъ слабыя Доренины колѣни:
Ея видятся вездѣ окровавленны тѣни;
Гонима ужасомъ, тоской поражена,
О тѣло хладное преткнулася она,
И сына своего въ срединѣ тѣлъ познала;
Не въ силахъ слезъ пролить, къ грудямъ его прижала;
Глаголетъ, будто бы съ живымъ: Ты мертвъ лежишь!
Но ты въ кострѣ, мой сынъ, по смерти не сгоришь.
Супруги, дочери и матери нещастны!
Нашъ плачь безплоденъ здѣсь, стенанія напрасны;
Пойдемъ, осиротѣвъ, пойдемъ обратно въ градъ,
Искупимъ ближнихъ мы, искупимъ нашихъ чадъ.
Уже костры въ поляхъ Владимиръ возжигаетъ,
Съ невѣрными въ огни и Грековъ повергаетъ;
Послѣдній долгъ отцамъ и чадамъ воздадимъ,
Пожертвуемъ для нихъ имѣніемъ своимъ,
Пошлемъ въ Россійскій станъ! . . . Но жены не внимаютъ;
Дрожащими тѣла руками поднимаютъ,
Любезны бремена на раменахъ влекутъ.
И се Россіяне какъ птицъ стада текутъ,
И нудятъ женъ тѣла къ созженію оставить.
Се жены въ градъ бѣгутъ къ Царю пословъ отправить,

Ни злата не щадя, ни милыхъ имъ даровъ.
Пришли, отправили къ Владимиру пословъ:
Забота жалостна! колико выкупъ слезный!
То отдали, что имъ дарилъ когда любезный.
Послы рекли Царю: Гласитъ тебѣ Херсонъ,
Что мертвы жечь тѣла претитъ намъ нашъ
законъ;
За выкупъ нашихъ тѣлъ да будетъ Россамъ
плата,
Сто литръ сребра, о Князь! и полталанта
злата. . . .
Владимиръ отвѣчалъ: Не злата я ищу,
И съ вами торгъ имѣть тѣлами не хощу;
Корыстью выкупа сего не ожидайте:
Я мертвыхъ возвращу, Добрыню мнѣ отдайте.
Клянутся воины Добрыню возвратить.
Но вящшій страхъ Рогдай въ посланниковъ
вперить,
Ступаетъ яко левъ по убіеннымъ смѣло,
И въ ярости исторгъ едино мертво тѣло,
Повергнувъ въ огнь, вскричалъ: Херсонецъ
каждый такъ
Во пламени сгоритъ, какъ сей Россійскій врагъ!
Когда Добрыню намъ сей часъ не возвратите,
Коварные враги! подобной смерти ждите. . . .
Херсонцы съ трепетомъ обратно потекли,
Добрыню съ торжествомъ въ Россійскій станъ
ввели.
Царь, слезы горькія проливъ, сказалъ Добрынѣ:
И побѣжденъ я былъ и побѣдилъ я нынѣ!
Я плѣномъ былъ твоимъ, о другъ мой! побѣжденъ;
Но Грековъ побѣдилъ, коль мнѣ ты возвращенъ.
За лесть ихъ паче я Херсонцевъ взненавидѣлъ;
Но града внутренность ты ясно нынѣ видѣлъ,
Плѣненіе твое полезно будетъ намъ:
Намъ городъ опишем, и что ты видѣлъ тамъ?. . .

Добрыня на сіе: Коль вѣрить мнѣ хотите,
О Царь! вельможи всѣ и рыцари внемлите:
Какую храбрость вы ни льститесь доказать,
Единой храбростью вамъ города не взять;
Я прежде въ градѣ былъ и нынѣ былъ вторично,
Я видѣлъ выгоды Херсонски самолично:
Съ полуденной страны отверзто море имъ,
Которымъ Азія приноситъ снѣди имъ;
Ихъ множество полковъ Россійскихъ не тревожитъ,
Вседневно силу ихъ Таврійско Царство множитъ,
И словомъ, кажется непобѣдимымъ градъ;
Мы силы истощивъ, пойдемъ съ стыдомъ назадъ.
Полезнѣй миръ для насъ! . . . Рогдай, нахмуривъ очи,
Которы въ оный часъ темнѣй казались ночи,
Тряхнувъ главой своей, Рогдай Добрынѣ рекъ:
Миролюбивый ты, Добрыня, человѣкъ!
Лишь узы плѣнничьи утратилъ ты изъ виду,
Уже и позабылъ несносную обиду;
Но въ войскѣ искреннихъ имѣешь ты друзей,
Которы не простятъ обиды Грекамъ сей;
Ихъ крови не проливъ, отъ града не отступятъ,
Подобныхъ плѣнниковъ доколѣ не искупятъ.

Добрыня отвѣчалъ: О храбрый мужъ! сей плѣнъ
Стократно можетъ быть Херсону отплаченъ.
Но я исправилъ ли мое во брани дѣло,
То Царь мой видѣлъ самъ и войско ясно зрѣло:
Херсонъ разсыпать въ прахъ мой прежде былъ совѣтъ;
Но часто дерзость насъ къ раскаянью влечетъ;
Разсудкомъ испытавъ и разсмотрѣвъ очами,
Увидѣлъ я, что мы погибнуть можемъ сами.
Питая къ моему Отечеству любовь,
Я средство предложу блюсти Россійску кровь.
Два вида есть въ войнѣ, мнѣ такъ вѣщаетъ чувство:

Потребна храбрость въ ней, потребно въ ней искуство;
Умѣли первое мы Грекамъ доказать.
Другое средство вамъ хощу теперь сказать:
Мнѣ въ градѣ нѣкій мужъ, почтенный, справедливый,
Мнѣ тако говорилъ сей мужъ миролюбивый:
Непобѣдимъ нашъ градъ; однако средство есть
Въ изнеможеніе обильный градъ привесть:
Потщитесь скрытыя трубы, въ землѣ лежащи,
Водою сладкою приморскій градъ понщи,
Потщитесь водные протоки разорить,
И городъ, воинства не трашя, покорить.
Онъ тако заключилъ, бесѣдуя со мною:
Сіи трубы лежатъ подъ градскою стѣною.
Владимиръ мыслями предлогъ такой обтекъ,
И предлежащему героевъ сонму рекъ:
Мнѣ мнится, первый долгъ во подвигахъ военныхъ,
Начальнику блюсти людей ему врученныхъ;
Мы горы и лѣса стремились преходить,
Не кровію алкать, но только побѣдить;
Военачальникъ тотъ прославленъ будетъ болѣ,
Кто меньше ратниковъ утратитъ въ бранномъ полѣ;
Коль нашихъ намъ людей есть случай соблюсти,
А гордый градъ Херсонъ къ покорству привести,
Совѣты должныль быть сіи пренебреженны,
Которы намъ теперь Добрыней предложенны?
Пойдемъ сихъ водъ искать, начавъ осады видъ:
Искуствомъ побѣждать не есть во браняхъ стыдъ!
Вельможи съ мыслію Монаршей согласились;
Но рыцари одни мятежными явились.
Рогдай, лежащій шлемъ въ его ногахъ поднявъ,
Вонъ вышелъ изъ шатра, ни слова не сказавъ;

Очами гордыми собраніе окинулъ,
И рыцарей другихъ совѣтовать покинулъ.
Тогда, проникнувъ мысль Рогдаеву Громвалъ,
Держа копье въ рукахъ, собранію вѣщалъ:
Коль мните воевать искуствомъ со врагами,
Отнятіемъ воды, такъ мы почто же съ вами?
Свершайте вы безъ насъ позорный сей совѣтъ!
И грозный кинувъ взоръ, пошелъ Рогдаю въ слѣдъ.

Уходятъ рыцари. . . . Владимиръ твердъ остался,
Какъ чадъ своихъ отецъ, людей блюсти старался.
Подъ видомъ, будто бы подъ градомъ сыпать валъ,
Трубъ водныхъ подъ стѣной искать полки послалъ.

Рогдай не можетъ быть въ недѣйствіи спокойнымъ,
Искуство рыцарству считаетъ непристойнымъ;
Дружинѣ онъ своей отважился сказать:
Пускай стремится Князь коварствомъ воевать;
Намъ стыдно, рыцарскій отважный духъ имѣя,
Намъ стыдно побѣждать коварствами злодѣя;
О други! силы мы свои совокупимъ,
Херсонъ воспламенить, на стѣны возлетимъ;
Побѣдой собственной Отечество прославимъ,
И Князя предваривъ, мы въ градѣ тронъ поставимъ! . . .
Внимаютъ рыцари симъ буйственнымъ словамъ,
Внимаютъ, и текутъ къ широкимъ градскимъ рвамъ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Еще луна была въ звѣздахъ на небѣ зрима,
Въ Херсонѣ ранняго еще не видно дыма,
Сонъ сладкій награждалъ граждановъ дневной трудъ,
Какъ волки хищные ко стадницѣ текутъ,
Текутъ воители ко предлежащу граду;
Въ колчанахъ смерть несутъ, несутъ въ сердцахъ досаду.
Уже приближились въ возможной тишинѣ,
Ко градской рыцари приближились стѣнѣ,
И давъ конямъ своимъ спуститься въ ровъ свободу,
Смѣшенну съ кровію переплываютъ воду.
Въ глубокомъ погруженъ казался снѣ весь градъ.
Достигли воины, гдѣ есть крутой раскатъ;
Дружина наглая вломиться въ градъ рѣшилась:
Тогда дрожаща тѣнь во мракѣ имъ явилась;
Ручьями черна кровь текла у ней изъ ранъ,
Рогдаю тѣнь рекла: Я вѣрный другъ твой Сванъ;
Во браняхъ былъ почтенъ твоими я хвалами,
И нынѣ пораженъ тремя въ бою стрѣлами;
Кончая мой животъ, я Грекамъ смерть отмщалъ,
Жизнь многихъ воиновъ докончилъ мой кинжалъ;
Но мщеніе мое еще не насыщенно;
Погасла жизнь моя, оно не погашенно.
Чего не кончилъ я, ты нынѣ доверши,
Съ дружиною твоей на валъ взойти спѣши!
И градъ и стража спятъ! . . . Тѣнь страшный видъ сокрыла;
Но къ мести рыцарей и паче ободрила.
Безъ лѣствицъ по стѣнѣ взбираются бойцы;
Уже Рогдай рукой хватался за зубцы,
Въ ущелины стѣны мечи свои вонзая,

Другіе какъ змѣи віются вкругъ Рогдая,
И вскорѣ чаяли побѣду окончать;
Но Богъ не восхотѣлъ ихъ гордости вѣнчать!
Зубецъ, которому Рогдай рукой коснулся,
Который онъ схватилъ, зубецъ поколебнулся,
Валится, рушится и производитъ стукъ;
Но рыцарь часть зубца не выпустилъ изъ рукъ,
Осыпанъ прахомъ весь, слетаетъ въ ровъ глубокій;
Не лавры получилъ, ударъ, ударъ жестокій.
Услышавъ камней стукъ, бряцаніе и стонъ,
Проснулся, кажется, внезапно весь Херсонъ;
Вздремавшая кругомъ стѣны бойницъ и вала
Очнулась стража вдругъ, весь городъ взволновала;
Отборны рыцари уже текутъ изъ вратъ,
Несущихъ воиновъ Рогдая въ полѣ зрятъ.
Доколѣ витязей враги не окружили,
Рогдая на травѣ герои положили,
Сомкнувъ свои плеча какъ стѣну вкругъ него,
Не опасаются отъ Грековъ ничего;
Недвижимые съ мѣстъ, отважны, бодры, смѣлы,
Щитами острыя отбрасываютъ стрѣлы,
За коими Рогдай въ ихъ кругѣ сомкнутъ былъ.
И многихъ рыцарей Громвалъ мечемъ избилъ,
Изъязвленный Рогдай, казалось, пробудился,
И весь онъ въ каждаго воителя вселился;
Онъ въ каждомъ собственну и ихъ обиду мстилъ.
Херсонцы дрогнули и обратили тылъ;
Но битвой воины остервѣненны были,
Лежаща на травѣ Рогдая позабыли,
И первый въ слѣдъ тукущъ за Греками Громвалъ,
Окровавленный мечь держа, востекъ на валъ;
Другіе рыцари его примкнулись слѣду,
И чаяли свершить надъ городомъ побѣду.
Уже волнуемый симъ ужасомъ народъ
По стогнамъ протекалъ какъ токи бурныхъ водъ,

Внутри своихъ домовъ, во храмахъ Божьихъ крылся:
Ихъ робостью Громвалъ съ дружиной ободрился;
Но часто вреденъ есть отъ насъ бѣгущій врагъ!
Отчаянье въ душѣ къ злодѣйству близкій шагъ!
Къ героямъ ихъ враги приближиться не смѣли;
Но вдругъ желѣзные затворы заскрыпѣли;
Ни храбрость воиновъ, ни сила не спасла,
Темница внутрь стѣны то скрытая была,
Въ которой пребыли воители дотолѣ,
Торжественно не вшелъ Владимиръ въ градъ доколѣ.

Рогдай, въ крови лежащъ, отчаянъ, изъязвленъ,
Былъ войскомъ между тѣмъ Россійскимъ обрѣтенъ,
Владимиръ сыпать валъ которое отправилъ.
Обидою Рогдай услугу ближнихъ ставилъ;
Свирѣпыя свои вращая очеса,
Клянетъ и смертныхъ родъ и самы Небеса.
За гордость Небомъ былъ воитель сей наказанъ,
Болѣзни узами остался долго связанъ.

Владимиръ воздремалъ. Тогда въ полночный часъ
Онъ внемлетъ вкругъ себя священный нѣкій гласъ,
Который чувственность и мысли восхищаетъ:
Внемли ты мнѣ, внемли! священный гласъ вѣщаетъ;
Когда невинну кровь престалъ ты проливать,
Престалъ оружіемъ съ Херсономъ воевать,
Взаимную напасть минутой множить каждой,
Богъ хощетъ наказать теперь Херсонянъ жаждой;
Ту казнь орудіемъ своимъ употребя,
Принудитъ Грековъ Богъ, о Князь! любить тебя;

Осаду продолжай!...Гласъ молкнетъ, изчезаетъ.
Владимиръ, воспрянувъ, вельможей призываетъ,
Къ осадѣ ложный видъ начать повелѣвалъ,
Но возвышаемый не успѣваетъ валъ:
Гдѣ землю ратники, лiющи потъ, носили,
Какъ въ бездну землю ту, иль въ самый понтъ
валили;
При наступленiи въ небесный сводъ луны,
Херсонцы ихъ труды сносили внутрь стѣны,
И подъ бойницею дорогу проложили;
Но тѣмъ они трубы подземны обнажили.
Владимиръ разметать гортани повелѣлъ,
Которыми весь градъ питанiе имѣлъ.
Ночь темная сiе движенiе закрыла,
И вспять вода свое теченье обратила.
Какъ жилу потерявъ внутри горы руда,
Изсякла по трубамъ текущая вода.
Когда ихъ стражи валъ внутрь града отсыпали,
Осаду позабывъ, граждане сладко спали,
Не зрѣли бѣдственной и страшной тучи той,
Которая у нихъ висѣла надъ главой.
Херсонцевъ сладкiй сонъ томленьемъ мучитъ
вящшимъ,
Въ послѣднiй разъ явилъ имъ сладку воду спящимъ.
Не рѣдко людямъ то обманомъ нажетъ сонъ,
Предвидитъ въ чемъ ущербъ во дни грядущи онъ.
Лишь солнце берега Херсонски освѣтило,
Жарчаишiе лучи на градъ оно пустило;
Казалось, въ огненну облекся ризу день;
Ни утренняя роса, ни кедровъ черна тѣнь
Не прохлаждаютъ ихъ. . . . Несутъ сосуды,
шлемы,
Несутъ ко площадямъ, гдѣ были водоемы.
Томленны жаждою еще въ началѣ дни,
Изсякшiй токъ воды увидѣли они.
Сiе видѣнiе мужей и женъ тревожитъ;

Тревога общую народну жажду множитъ;
По стогнамъ раздался прежалостнѣйшій гласъ:
Кто отнялъ нашу жизнь? кто воду взялъ у насъ?
Къ Фериду жалостны стенанія возносятъ,
Не злата у него, воды для пищи просятъ;
Но сей лукавый мужъ томился жаждой самъ,
Къ послѣднимъ жизни онъ приближился часамъ.
Преступникъ скоро казнь отъ Неба получаетъ!
Какъ въ пламень вверженный, Феридъ животъ кончаетъ. . .
Граждане собственны въ печали слезы пьютъ,
И злато свѣжихъ водъ за каплю отдаютъ.
Презрѣнно золото передъ водою стало!
Прельщало взоръ оно, но плоти не питало. . .
Лишенъ послѣднихъ силъ, родитель въ сѣдинахъ
У сына свой животъ кончаетъ на рукахъ.
Отчаянье у всѣхъ въ лицѣ напечатлѣнно,
И небо пламенемъ, казалось, раскаленно;
На огненныхъ крылахъ влетаетъ жажда въ градъ,
Преображается во смертный тонкій ядъ;
Всю внутренность разжечь, преходитъ сквозь гортани;
И жажда пламенна страшнѣе стала брани.
Дневную пищу имъ ихъ гладъ принять велитъ,
Но яства твердая утробу паче тлитъ.
Бѣгутъ къ морскимъ брегамъ отчаянны народы;
И гибнутъ на брегахъ, вкусивъ солены воды.
Напитки острые и сочный виноградъ
Лишь множатъ жаръ въ устахъ, не дѣлая прохладъ.
Томится жаждою, вкушая тучны пищи;
Убоги въ роскошахъ, среди богатства нищи. . .
Но гдѣ довольно словъ, печальныхъ словъ сыщу?
И какъ плачевнѣйшу я повѣсть возвѣщу?

Три краты солнце кругъ небесный обращало,
И трижды страждущихъ Херсонцевъ посѣщало;
Нѣтъ въ градѣ капли водъ, лишь токи видны слезъ;
Дождей Херсоняне напрасно ждутъ съ небесъ;
Отверзли жаждою уста свои горящи
Младенцы, на грудяхъ у матерей висящи;
Едва объемлетъ ихъ дрожащая рука;
Огонь и смерть сосутъ, не сладкій сокъ млека.
Ползущи по землѣ безгласны, томны, блѣдны:
О коль нещастные сіи младенцы бѣдны! . . .
Но матерней любви любови вящше нѣтъ.
Внемли со ужасомъ печальну повѣсть, свѣтъ!
Едина со двумя страдая близнецами,
Питала ихъ въ слезахъ изсякшими сосцами;
Но видя, что въ груди нѣтъ пищи для дѣтей,
Въ томленной жаждою изчезли соки въ ней,
Рыдая, грудь свою кинжаломъ уязвила,
И кровью кровь свою въ послѣдній напоила.
Какой ужасный пиръ! Кровавымъ пиромъ симъ
Наноситъ смерть себѣ, наноситъ смерть и имъ.
Текуща кровь сію трапезу обличаетъ;
Ужасно зрѣлище подругъ ея встрѣчаетъ:
Вступивъ во храмину, три тѣла мертвы зрятъ,
Которы во крови запекшейся лежатъ;
Ко матернимъ грудямъ младенцы прилѣпленны,
Остатки пищи ихъ въ устахъ напечатлѣнны.
Ужасный сей примѣръ, такой плачевный видъ,
Подобной смертію и всѣмъ женамъ грозитъ:
Когда какъ адъ у всѣхъ утробу пламень гложетъ,
Къ подобной дерзости и всѣхъ подвигнуть может.
Не обѣщающе бѣдамъ такимъ конца,
Отчаянье женамъ вселяется въ сердца;
Томитъ, уныніе и страхи производитъ,

Отчаянье влечетъ, на стѣны женъ возводитъ;
Въ Россійскій станъ достигъ, какъ горлицъ томный гласъ:
Отдайте воду намъ! спасите, Россы! насъ!
Симъ воплямъ горькое послѣдуетъ рыданье;
Но войску повелѣлъ Владимиръ быть въ молчаньѣ;
Не служитъ больше гласъ Херсонскихъ женъ устамъ,
Ко градскимъ со стѣны спускаются вратамъ,
Опасность, робость, страхъ изъ мыслей ихъ изчезли,
И стражу отогнавъ, врата они отверзли.
Уныли въ градѣ всѣ, начальства нѣтъ теперь!
Кто стали воины? . . . Супруга, матерь, дщерь;
Сіянье ихъ очей казалось потушенно,
Власы растрепаны, лице красотъ лишенно;
Гнѣздящаяся смерть въ сердцахъ теперь у нихъ
На блѣдныхъ видима была ланитахъ ихъ.
Младенцевъ на рукахъ они за градъ выносятъ,
Владимира вступить въ Херсонски стѣны просятъ:
О Царь нашъ! вопіютъ, ко ближнимъ изъ любви,
Иль въ плѣнъ прими ты насъ, иль городъ оживи!
Владимиръ жалостны на нихъ глаза возводитъ,
Ихъ стонъ, унылой стонъ, во грудь его преходитъ;
Когда еще въ своихъ былъ мысляхъ неключимъ,
Плѣнить печальныхъ женъ, иль дать свободу имъ,
Нещастныхъ матерей склоняетъ слухъ ко стону,
Но медлитъ ввѣриться лукавому Херсону.
Тогда, какъ молнія, слетаетъ съ горнихъ мѣстъ,
Бросающа лучи, блестяща паче звѣздъ,

Во облакѣ златомъ слетаетъ колесница,
Въ ней Ольга видима полночная Царица;
Держаща пальмъ въ рукѣ, Владимиру речетъ:
Господь грѣхи твои забвенью предаетъ;
О мой любезный внукъ! коль Богъ тебя прощаетъ
И золъ содѣянныхъ тобой не отомщаетъ,
Забудь и ты вражду, Херсонцевъ ты прости,
Содѣяннаго зла твоимъ врагамъ не мсти;
Иди въ Херсонъ, иди! . . . Рекла, какъ дымъ изчезла;
И милость въ сердце дверь Владимиру отверзла;
Онъ слезный токъ проливъ, печальнымъ рекъ женамъ:
Дарую дружество! дарую воду вамъ!
Миръ съ вами заключенъ! спокойно въ градъ идите;
Не побѣдителя, союзника вы ждите. . . .
Сей быстро гласъ во градъ на крыльяхъ полетѣлъ,
И весь народъ во станъ Владимиру изшелъ.
Колѣна преклонивъ, ключи ему подноситъ,
И Таврь во власть принять со умиленьемъ проситъ.
Предрекъ уже тогда, предрекъ мятежный Таврь,
Что въ нѣдрахъ сокрывалъ Екатеринѣ лавръ,
Который обовьетъ Россійскую Корону,
И будетъ вѣчною оградою Херсону. . . .
Я вашей храбростью, герои! восхищенъ;
Россіи Крымскій тронъ чрезъ васъ порабощенъ;
То Царство ваше намъ геройство даровало,
Гдѣ православіе для Россовъ возсіяло.
Владимиръ въ градъ вступилъ какъ свѣтлая луна,
Когда по знойномъ дни является она;

Прохладною росой долины орошаетъ,
И, кажется, лѣса и жатву воскрешаетъ.
Внутрь пламень утушивъ, насытясь сладкихъ водъ,
Срѣтаетъ съ торжествомъ Владимира народъ.
Вражды и неустройствъ взаимныхъ примиритель,
Казалось, въ градъ вступилъ отецъ, не побѣдитель.
Крилѣ свои простеръ повсюду сладкій міръ,
И гласы раздались по граду громкихъ лиръ;
Цвѣтами предъ Царемъ покрылися дороги;
Онъ вшелъ въ измѣнничьи Феридовы чертоги.
И нощь, раскинувша блистательный покровъ,
Покрыла полный градъ друзей, а не враговъ.
Покоится Херсонъ, союзомъ услажденный,
Единъ Россійскій Князь имѣетъ духъ смущенный;
Исполнилъ то, что Киръ совѣтовалъ ему:
Противился грѣхамъ, попралъ кумирну тму;
Подъ градомъ вобразилъ послѣднее видѣнье,
И въ сердцѣ возкресилъ гнѣздящеся сомнѣнье.
Ужь три луны прошло, задумавшись речетъ,
Но Кира, ни Княжны еще во градѣ нѣтъ;
Не сѣтиль хитрости мнѣ старецъ сей поставилъ,
Которыя Рогдай толь живо мнѣ представилъ?...
Коль вѣрности гдѣ нѣтъ, такъ святъ ли тотъ законъ?
Въ сихъ мысляхъ предался Владиміръ въ томный сонъ.
Но только лишь заря разторгла мрачность ночи,
Простеръ на черный понтъ Владиміръ смутны очи,
Сквозь утренній туманъ въ пучинѣ зритъ вдали
Къ Херсонской пристани плывущи корабли;

Ахейскій флагъ на нихъ зефиры развѣвали
И ткани корабли златыя покрывали.
Въ сомнѣнье погруженъ, Владимиръ уповалъ,
Что вражески суда несетъ кипящій валъ,
Отважность возбудилъ въ душѣ своей геройску,
И вскорѣ повелѣлъ вооружиться войску;
Пріемлетъ копіе, пернатый шлемъ и щитъ,
Съ отборнымъ рыцарствомъ на брегъ морской спѣшитъ.
Уже Россіяне въ рукахъ мечи имѣли,
И тучу стрѣлъ пустить на зримый флотъ хотѣли;
Но внемлютъ съ корабля пріятный голосъ лиръ:
На палубѣ возсталъ съ оливной вѣтвью Киръ.
Смягчаютъ воинство сладчайши лирны звуки;
Владимиръ со бреговъ простеръ дрожащи руки,
И только мудрый Киръ вступилъ на тучный брегъ,
Повергнулся къ нему, на грудь его возлегъ,
Какъ сынъ родителя въ слезахъ его обьемлетъ,
И слаще лиръ сіи слова отъ старца внемлетъ:
Съ тобою заключивъ и миръ и тишину,
Вручаетъ Греція тебѣ свою Княжну;
Но бракомъ съ нею ты не можешь сьединиться,
Доколѣ вѣрою твой духъ не просвѣтится:
Такъ братія ея уставили Цари.
Но се она сама! Царевну нашу зри. . .
Взирая на корабль во чувствахъ восхищенныхъ,
Увидѣлъ дѣву Князь красотъ неизреченныхъ;
Въ восторгѣ на корабль течетъ Владимиръ къ ней,
Вручаетъ паки Таврѣ, вручаетъ сердце ей.
Но цѣломудренно Царевна отвѣчала:
Не видно тамъ конца, гдѣ нѣтъ еще начала;
Сама себя тебѣ вручаю, храбрый Князь!

Но вступишь въ бракъ со мной, закономъ просвѣтясь;
Что примешь нашъ законъ, я въ сей пришла надеждѣ,
И не могу тебя съ собою видѣть прежде.
Пріятства полный взоръ на Князя возвела,
И пущій пламень въ немъ любви произвела;
Оставила Царя. . . . Но Князь вѣщаетъ Киру:
Къ ногамъ ея кладу корону и порфиру;
Все слабо то, мой другъ, что прежде слышалъ я;
Молва умалила пріятности ея:
Я вижу Ангела, низшедшаго на землю;
И съ нею въ бракъ вступить, я твой законъ пріемлю!

Киръ тако на сіе: Пріемля мой законъ,
Не мни, что плотскія вѣнчаетъ страсти онъ;
Мой Богъ возженны Имъ сердца едины любитъ;
Но внѣшняя любовь грѣхи предъ Нимъ сугубитъ.
Люби Ахейскую прекрасную Княжну,
Какъ долженъ возлюбить разумный мужъ жену;
Заутра будь готовъ, мой сынъ, ко просвѣщенью;
Не будешь въ нощь сію подверженъ искушенью.
Твою напасть и всей Россіи предварить,
Сей лавръ, зеленый лавръ хощу тебѣ вручить;
Когда его листы поблекнутъ и увянутъ,
Такъ вѣдай ты, о Князь! что будешь ты обманутъ!
Тогда не трать минутъ, ни словъ не распложай,
Кто бъ ни былъ онъ, мечемъ злодѣя поражай;
А естьли не сразишь, къ кумирамъ обратишься,
Прекрасныя Княжны и славы ты лишишься;
И знай, что близокъ тамъ ко благодати ты,
Гдѣ паки разцвѣтутъ поблеклые листы;
Но тамъ, о мудрый Князь! не дѣйствуй дерзновенно.
Прости, и памятуй, что мною изреченно.

Унынiе тогда Владимиръ ощутилъ,
Что Киръ бесѣдовать ему съ Княжной претилъ;
Но страсти обуздавъ стремительное рвенье,
Онъ старцу первое явилъ повиновенье,
И воинамъ велѣлъ итти обратно въ градъ.
Еще на корабли возвелъ умильный взглядъ,
Возвелъ, и градскихъ внутрь чертоговъ удалился,
Гдѣ въ прелести Княжны всей мыслью углубился;
Въ ней видитъ божество, сiянiе небесъ:
Во сладостяхъ любви Владимиръ весь изчезъ,
И воображеньями заемлемый такими,
Въ чувства наполнялъ утѣхами плотскими.
Когда онъ погрузилъ свой духъ въ грѣховну тму,
Держащiй рогъ въ рукѣ предсталъ Рогдай ему,
И рѣчь сiю простеръ: Прерви твое спокойство!
Прямое никогда не нѣжится геройство.
Хотя отъ язвъ моихъ еще не излѣченъ,
Усердiемъ къ тебѣ я нынѣ привлеченъ:
Пойдемъ со мною, Князь, въ недальнюю пещеру,
Гдѣ можешь испытать ты истинную вѣру;
Иноплеменникамъ на что себя вручать,
Коль можешь благодать отъ ближнихъ получать?
Я всѣ сокровища тебѣ доставлю мiра:
Увидишь тамъ Княжну, увидишь тамъ и Кира.
Владимиръ, чувствами плотскими развлеченъ,
Не могъ Рогдаевымъ быть словомъ огорченъ.
Коль скоро души тѣ бываютъ уловленны,
Которыя страстьми какъ мракомъ ослѣпленны!
Владимиръ Кировы совѣты позабылъ,
Не царь своихъ страстей, Владимиръ плѣнникъ былъ;
Рогдаевымъ словамъ съ веселостiю внемлетъ,
И самой важностью его предлогъ прiемлетъ,
Увидѣться съ Княжной желанiемъ горитъ,
Пойдемъ, пойдемъ, Рогдай, въ пещеру, говоритъ.

Ни искушенія не чая, ни измѣны,
Онъ лавры на груди съ собой понесъ зелены.
Еще отъ Князя Богъ очей не отвращалъ,
Еще Владимира сквозь мраки освѣщалъ;
Коварство сѣть ему за градомъ сплетало,
Но Провидѣніе надъ нимъ въ нощи летало.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

Уже въ морскихъ волнахъ свѣтило дневно скрылось,
И небо ясными звѣздами озарилось,
Во сладкой тишинѣ безбѣдствуя Херсонъ,
Царевну встрѣтивый, вдался въ пріятный сонъ;
Луна сребристое сіянье испущала,
Долины мирныя и горы освѣщала:
Владимиръ шествуетъ за градъ Рогдаю въ слѣдъ;
Къ бѣдамъ приближился, не вображая бѣдъ;
Онъ мыслилъ: естьли нощь закрыла свѣтлость дневну,
Почто мнѣ не хотѣть прекрасну зрѣть Царевну?
Не свѣдаетъ о томъ вовѣки цѣлый міръ,
Вся стража въ градѣ спитъ, и спитъ священный Киръ.
А ежели Рогдай меня увѣрилъ лестно,
Не можетъ Киру быть вовѣки то извѣстно!
Вдругъ начало темнѣть сіяніе небесъ,
Уже идущіе вступали въ темный лѣсъ;
Уже полночный часъ чертѣ своей касался,
Туманъ межъ горъ крутыхъ рѣкою разстилался,
Вступившихъ въ темноту глухій срѣтаетъ шумъ,
Удобный возмутить безстрашный самый умъ;
Видѣнья дивныя между древесъ летаютъ,
Но страха рыцари въ сердцахъ не ощущаютъ,

Широкою стезей безъ трепета грядутъ;
Имъ нѣкая мечта представилася тутъ:
Имѣла вѣтвія вокругъ чела зелены,
Изсохшее лице, трепещущіе члены;
Сгущеннымъ облакомъ была окружена,
Являла блѣдный свѣтъ въ очахъ сія жена;
Дрожащимъ гласомъ рѣчь она произносила;
Куда грядете вы? идущихъ вопросила.
Мы шествуемъ къ тебѣ, отвѣтствовалъ Рогдай:
Намъ вѣру изъясни, Царевну видѣть дай.
Видѣніе рекло: Узнать священну вѣру,
Во предлежащую вступите вы пещеру;
Но естьли въ вашихъ есть неискренность сердцахъ,
Вступившихъ поразитъ громъ, молнія и страхъ!
Страшитесь, смертные, моимъ ругаться домомъ;
Или сражу я васъ, сражу ужаснымъ громомъ! . . .
Владимиръ отвѣчалъ: Знать вѣру я хощу,
Но просвѣщенія неложнаго ищу! . . .
Едва онъ кончилъ рѣчь, мечта какъ дымъ изчезла,
И внутрь себя для нихъ пещера входъ отверзла.
Владимиръ, тщетныя боязни не явить,
Отважился въ сіе отверстіе вступить.
Рогдай, вовлечь Царя во беззаконну вѣру,
Съ весельемъ слѣдовалъ за Княземъ во пещеру:
Представилися имъ летающи огни,
Какъ солнца тусклый лучь блестящъ въ туманны дни;
Огни сіи вещей поверхность освѣщаютъ,
Однако темноты въ душѣ не очищаютъ.
Сіянье солнечно, скользя по вѣчнымъ льдамъ,
Не вноситъ теплоты замерзлымъ внутрь горамъ.
Рогдай, летучими огнями озаряемъ,
Въ пещерѣ возгласилъ: Владимиръ здѣсь съ Рогдаемъ!
Внезапно блескъ изчезъ, и зрится ихъ очамъ,

Подобный видами священнымъ храмамъ храмъ;
Тамъ всѣ изящества совокупленны міра;
На тронѣ видитъ Князь сѣдящаго Зломира:
Подъ образомъ его Лжесвятства ликъ сокрытъ;
На грудахъ злата онъ беспечно возсѣдитъ;
Въ десной его рукѣ кадильница курится,
Въ другой священный крестъ лучи бросающъ зрится.
Отъемлющій у всѣхъ свободу и покой,
Предъ нимъ стоитъ герой, держащъ перунъ рукой;
У ногъ его лежатъ разбросанны короны,
Во узахъ плѣнники, разрушенные троны;
Но Лесть, точащая устами сладкій ядъ,
Безстыдно вопіетъ, что подвигъ оный святъ!...
Не помня, коль чиста должна быть добродѣтель,
На лонѣ возлежитъ прелестницы владѣтель,
Лжесвятость, почерпнуть въ развратахъ свой успѣхъ,
Дерзаетъ извинять и заглаждать сей грѣхъ...
Имѣя на груди Мессіинъ ликъ священный,
Покоится въ одрѣ стяжатель пресыщенный,
Пріятность сладкихъ яствъ и безмятежный сонъ
Единой святостью и благомъ числитъ онъ;
Тѣ яствы бѣдности слезами окропленны!...
Тамъ видны на челахъ вѣнцы окровавленны;
Златыми буквами написано на нихъ,
Что праведны дѣла мучителей такихъ.
Сіи, которые, имѣя совѣсть мертву,
Корысти собственной приносятъ ближнихъ въ жертву,
Сіи стараются, дабы сердца склонить,
Личиной святости злодѣйства заслонить.
Ханжи, обманщики, лжецы и лицемѣры,
Подъ тѣнью кроются благочестивой вѣры.
Ученый мнитъ законъ съ наукой согласить,

Но тѣмъ печется онъ закона свѣтъ гасить;
Тамъ, здѣшній міръ любя, развраты ищутъ рая. . . .
На буйства таковы Россійскій Князь взирая,
Смущаемый въ душѣ, Рогдаю тако рекъ:
Куда меня, куда, предатель, ты привлекъ?
Увидѣвъ, что его грудные лавры вянутъ,
Позналъ свою вину, позналъ, что онъ обманутъ,
И гнѣвомъ воскипѣвъ, Рогдаю продолжалъ:
Такіяль мерзости я видѣть воображалъ?
Подъ знаменемъ креста зрю гордость и тиранство;
Сему ли учитъ насъ святое Христіянство?
Владимиръ, пламенный къ Рогдаю бросивъ взглядъ,
Изъ храма убѣжать старается во градъ;
Но рогъ, волшебный рогъ Рогдай употребляетъ,
Звучитъ, Владимира Рогдай остановляетъ.
Какъ цѣпи на себѣ Владимиръ ощутилъ,
Склонивъ чело свое, Зломира онъ почтилъ;
Колико ни были видѣнія развратны,
Они казалися теперь ему пріятны.
Ко мнѣніямъ своимъ Владимира привлечь,
Зломиръ простеръ къ нему въ смущенномъ духѣ рѣчь:
О Князь! онъ рекъ ему, законъ и просвѣщенье
Есть даръ премудрости и мыслей ухищренье:
Не думай ты, что есть во свѣтѣ Божество;
Міръ вѣченъ, Промыслъ слѣпъ, всѣмъ правитъ естество.
Натуры то игра, на что мы ни взираемъ;
Случайно мы живемъ, случайно умираемъ.
Земныхъ пріятныхъ благъ, о Князь! не отметай,
Великой жизнь твою цѣною почитай;
Два раза человѣкъ на свѣтѣ не родится,
Умѣй единожды сей жизнью насладиться:

Да будетъ разумъ намъ и Богомъ и судьбой;
Когда твой вѣкъ прейдетъ, все кончится съ тобой!
Не ради мудрецовъ суровыя преданья,
Но для народнаго даются обузданья;
Пусть адскихъ мукъ дрожатъ рабы твои слѣпцы,
Постыденъ страхъ такой носящему вѣнцы;
Уставовъ бремя несть премудрому не нужно,
Довольно, естьли онъ благочестивъ наружно;
Законы ближняго велѣли намъ любить:
Кто ближе насъ самихъ къ намъ въ мірѣ можетъ быть?
Блаженство собственно законовъ есть причина,
А добродѣтели единая личина;
Съ начала міра все стезею сей течетъ,
Что мудрость простотѣ законы подаетъ;
И въ вѣрахъ не было донынѣ постоянства:
Язычество мы чтимъ предтечей Христіянства;
Сіи преданія суть вымыслы одни,
Могущи услаждать людей разумныхъ дни;
Ты видишь тѣхъ, меня которы окружаютъ:
Героями ихъ чтутъ, ихъ въ мірѣ обожаютъ;
Но сладостью они прельщалися грѣховъ.
Царевна такова, и самый Киръ таковъ!
Всѣ мысли Княжьи страхъ при сихъ словахъ наполнилъ;
Тогда Ахейскую Царевну онъ напомнилъ,
Ко храму приступивъ, Зломиру Князь вѣщалъ:
Свиданье мнѣ Рогдай съ Царевной обѣщалъ,
Но я не зрю ее; а ваше наученье
Во мнѣ произвело къ сомнительству влеченье;
Какъ вѣрить мнѣ сему: нѣтъ Бога, ни боговъ! . . .
Зломиръ сказалъ въ отвѣтъ: Ты въ сей наукѣ новъ;
Коль хочешь зрѣть Княжну, то храма внутрь прибѣгни;

Но прежде, мудрый Князь, зеленый лавръ отвергни,
Которымъ хитрый Киръ твою украсилъ грудь;
Онъ можетъ шествіе твое во храмъ препнуть.
Владимиръ внутренно предлогъ сей ненавидитъ,
И лавръ, зеленый лавръ уже поблекшимъ видитъ:
Совѣты Кировы напоминаетъ онъ,
Стремится убѣжать изъ сей пещеры вонъ.
Но дерзостный Рогдай, внимая стонъ унылой,
Подходитъ у него отторгнуть лавры силой;
На что сей лавръ тебѣ, на что онъ? вопіетъ,
И руку дерзскую на грудь Царю кладетъ.
Уже Царя Зломиръ съ дружиной окружаетъ!
Тогда Владиміръ мечь блестящій обнажаетъ,
И въ ревности святой подобенъ страшну льву,
Вращая мечь, вонзилъ Рогдаю во главу;
Глава и дивный рогъ разсыпались на части;
Но Князь послѣднія едва избѣгъ напасти.
Внезапно бурный вихрь въ пещерѣ заревѣлъ,
Блеснули молніи, громъ страшный возгремѣлъ;
Колеблется земля, видѣнье изчезаетъ!
Владиміръ съ трепетомъ изъ бездны выбѣгаетъ;
Гонимый воплями и весь еще въ огнѣ,
Онъ путь свой обратилъ къ восточной сторонѣ.
Хотя онъ ощущалъ повсюду препинанье,
Но видитъ нѣкое въ полстадіи сіянье;
Луна скрывалася за горизонтъ тогда,
На небѣ утренняя являлася звѣзда:
Тамъ рощу видитъ Князь, которыя шумленье
Вливаетъ сладкое внутрь сердца вожделѣнье;
На холмѣ межъ древесъ является очамъ
Воздвигнутъ на столпахъ крестообразный храмъ;
Не видно вкругъ него при ясномъ небѣ тѣней;
Ко храму видитъ онъ седмь мраморныхъ степеней.

Гонимый, страждущій и въ силахъ истощенъ,
Возмнилъ, что входъ ему туда не запрещенъ.
Отдохновеніе принять, степеньми всходитъ;
Но что ни видитъ онъ, въ восторгъ его приводитъ:
Казалось, въ храмѣ семъ присутствуетъ самъ Богъ;
Священнымъ признавалъ Владиміръ сей чертогъ.
Не чаетъ новаго быть жертвою злодѣйства,
Не чаетъ видѣть здѣсь соблазновъ чародѣйства.
Но Божій врагъ вездѣ послѣдовалъ за нимъ!
Препоны видящій намѣреньямъ своимъ,
И мщенья алчнаго томленный ненасытствомъ,
Владимирову мысль наполнилъ любопытствомъ:
Вліялъ во грудь ему послѣдній оный грѣхъ,
Естественнѣй другихъ, но пагубнѣе всѣхъ.
Владиміръ въ храмѣ зритъ прозрачную запону,
За ней златый олтарь, подобный Царску трону;
Онъ седмь свѣтильниковъ на немъ возженныхъ зритъ;
Блестящая звѣзда въ срединѣ ихъ горитъ,
Свѣтило дневное сіяньемъ превосходитъ.
Князь очи на сіе видѣніе возводитъ;
Въ то время разцвѣли лавровые листы;
Но паки позабылъ, Владиміръ! Кира ты;
Разторгнуть тонкую запону онъ рѣшился:
Подшелъ, расторгъ ее, и зрѣнія лишился.
Коль строго отомщенъ за любопытство онъ!
Казнимы были такъ Дафанъ и Авиронъ:
Когда ковчега внутрь взглянуть они желали,
Мгновенно жертвою земной утробы стали.
Какъ молнія, когда во тмѣ ночной блеститъ,
Освѣтитъ очеса и паче ослѣпитъ:
Подобно такъ Царя сіянье озарило,
И тмой, безденной тмой глаза его покрыло.

О коль нещастенъ сталъ сей Царь, примѣръ Царей!
Руками ищетъ онъ изъ храмины дверей;
Но мраки вкругъ себя едины ощущаетъ:
Увы! погибъ теперь, навѣкъ погибъ! вѣщаетъ.
Нещастный! вкругъ себя не вижу ничего;
О Киръ! я Господа прогнѣвалъ твоего;
Коль зрѣніе мое мнѣ можетъ возвратиться,
Хощу, сей часъ хощу закономъ просвѣтиться!
Едва сіи слова печальный Князь изрекъ,
Владимира беретъ рукою человѣкъ,
И слышанъ гласъ кротчай весенняго зефира:
Нещастный Князь! познай, познай ты старца Кира,
Котораго совѣтъ пренебреженъ тобой;
Не Богомъ ты казненъ, казненъ ты самъ собой....
О старче! Князь вскричалъ: я грѣхъ мой ненавижу,
Но зло содѣлавъ здѣсь, и зла сего не вижу.
Уже я для себя, рыдая возгласилъ,
Свѣтила въ мірѣ всѣ навѣки погасилъ!
Но часто подтверждалъ мнѣ словомъ ты утѣшнымъ,
Что праведенъ твой Богъ и милосердъ ко грѣшнымъ:
Умилосердится ль Господь и надо мной?
Увы! Рогдай всему; ахъ, нѣтъ! я самъ виной.
Киръ тако на сіе: Тебѣ твое прозрѣнье
Удобно возвратить святое, Князь, крещенье;
Мой Богъ щедрота весь, прощаетъ грѣшныхъ Онъ....
Владимиръ возопилъ: Пріемлю твой законъ!
Едва онъ кончилъ рѣчь, изторглися изъ града
Вельможи, воины, Владимировы чада;

Узнавъ, что въ храмѣ Князь, ко храму притекли:
Отдай намъ, Кирѣ, Царя! отдай! они рекли.
Во храмѣ слышались взыванія такія,
Какъ будто бурныя волненія морскія.
Но кто смятеніе сіе воспламенилъ?
Еще отмщенія князь тмы не отмѣнилъ,
Какъ туча въ воздухѣ висящъ еще ярится,
Въ чертахъ его лица кипящій ужасъ зрится;
Гнѣздятся злости въ немъ и вьются вкругѣ его,
Онъ зритъ Зломировъ трупъ и весь влился въ него.
Одушевленный волхвъ, геенска полный яда,
Имѣя блѣдный видъ, вступилъ въ средину града;
Къ Россійской стражѣ онъ недремлющей притекъ,
Біющій въ грудь себя, гремящимъ гласомъ рекъ:
О Россы! коль спасти Владимира хотите,
Вооружайтеся, скоряй за градъ летите;
Коварный Кирѣ Царя во храмѣ соблазнилъ;
Едва ли вѣры Князь уже не премѣнилъ!
Увы! приходъ мой былъ въ сію страну напрасенъ,
Поверженъ Греками, Рогдай лежитъ безгласенъ;
И естьли за Царя не вступитесь въ сей часъ,
То Греки избіютъ подобно въ градѣ васъ! . . .
Сія строптива рѣчь, какъ будто звучны громы,
Гдѣ спятъ Россіяне, во всѣ проникла домы;
Геройская броня во всѣхъ домахъ звучитъ;
Россіянъ движетъ гнѣвъ, Херсонянъ страхъ разитъ;
Чины и воины, отмщеньемъ ослѣпленны,
За градъ Зломиру въ слѣдъ текутъ совокупленны;
Текутъ усердіе ихъ Князю доказать,

И мыслятъ въ ярости всѣхъ Грековъ разтерзать!
Но сколько вѣрный духъ Россіянъ возмутился,
Познавъ, что зрѣнія ихъ Царь уже лишился!
Безчеловѣчные примѣры древнихъ дней,
Когда единъ лишалъ другаго Царь очей.
Зломировы слова имъ ложь сію внушили,
Что Греки зрѣнія Владимира лишили.
Изсунули мечи. . . . И се Владимиръ самъ,
На Кира опершись, явился ихъ очамъ;
На персяхъ томная глава его лежала,
И скорби слѣпоты въ лицѣ изображала.
Вопль воинства всего восходитъ до небесъ!
Владимиръ прервалъ вопль, вѣщая съ токомъ слезъ:
О други! о сыны! за дерзость я наказанъ;
Но Киру я моимъ спасеніемъ обязанъ;
Не чтите въ немъ врага! любите вы его!
Рогдай виною былъ злощастья моего.
При сихъ словахъ Зломиръ блѣднѣетъ, страждетъ, рвется,
Поверженъ на земли, безгласенъ остается;
Когда его душа геенны внутрь текла,
Неистовы хулы на Бога изрекла;
Владимиръ, внемлющій, коль строго зло казнилось,
Повѣдалъ все, что съ нимъ донынѣ приключилось.
Когда повѣствовалъ минувши Князь часы,
Отъ ужаса у всѣхъ вздымалися власы,
И смертью страшною Зломира пораженье
Наполнило у всѣхъ боязнью воображенье.
Тогда, какъ будто бы сквозь мракъ сгущенныхъ тучь,
Россіянамъ въ сердца проникнулъ свѣта лучь:
Казалось, воинство боговъ забыть готово.

Владимиръ къ нимъ простеръ со умиленьемъ
слово:
Неволить васъ, друзья! къ закону не хощу,
Но вѣрьте во Христа, коль очи возвращу;
Мое достойное во храмѣ ослѣпленье
Назначилъ во свое Всевышній прославленье;
Оно, увы! оно за грѣхъ мой тмою мститъ,
И васъ живущихъ въ тмѣ, надѣюсь, просвѣтитъ!
Пойдемъ внутрь храма, Киръ, свершить свя-
тое дѣло:
Мой духъ ты просвѣти, но просвѣти и тѣло.
Князь воинство свое надеждой подкрѣпилъ,
И Киру руку давъ, во храмъ въ слезахъ вступилъ.
Зря токи слезъ его, Россіяне рыдали,
Но слѣдствій въ тишинѣ крещенья ожидали.
Противъ священнаго Господня олтаря
Водою возрождалъ духовной Киръ Царя.
Когда невидимый міръ зримымъ учинился,
Въ то время Божій духъ надъ бездною носился;
Крещенья таинство изображаетъ намъ
Примѣръ, подобный симъ начальнымъ временамъ;
Дхновеньемъ освѣтивъ крестообразно воду,
Казалось, воскрешалъ Киръ падшую природу.
Священной былъ водой Владимиръ весь омытъ,
И капля каждая его животворитъ.
Такъ Божій Духъ, когда животворилъ вселенну,
Въ творенье каждое Онъ силу влилъ нетлѣнну.
Пресвѣтлы Ангелы, составивъ цѣпь изъ рукъ,
Летали въ радости святой купели вкругъ;
Златыми крильями Царя приосѣняли,
Отъ Бога свѣтъ принявъ, духъ Княжій наполняли!
Водою омовенъ святою въ первый разъ,
Почувствовалъ кору отпадшею отъ глазъ;
Отцова имени при важномъ возглашеньѣ,
Возчувствовалъ души Владимиръ просвѣщенье;
Въ святыя нѣдра водъ вторично погруженъ,
Съ превѣчнымъ Сыномъ сталъ духовно сопряженъ;

Но въ третій разъ водой святою омовенный,
Воспринялъ Духъ Святый сей мужъ благосло-
венный:
Живый небесный огнь всю плоть его протекъ,
И новый сталъ теперь Владимиръ человѣкъ.
Сей огнь есть Божіе животворяще Слово,
Дающе душу намъ, дающе сердце ново;
Воспринялъ Агнчью кровь, воспринялъ Агнчью
плоть,
Тогда облекъ его сіяніемъ Господь.
Броней смиренія, покрытый правды шлемомъ,
Преображенный Царь сталъ новымъ Виѳлеемомъ;
Пречистой Дѣвою Мессія въ немъ рожденъ,
И въ яслехъ ребръ его увитъ и положенъ.
Владимиръ въ вышній міръ умомъ проникъ глубоко,
И въ окѣ Божіемъ его разверзлось око;
Имѣя новый слухъ и новы очеса,
Увидѣлъ предъ собой отверзты небеса,
Увидѣлъ царство онъ Мессіино въ Сіонѣ,
И души праведныхъ на Авраамлемъ лонѣ.
При гласѣ Ангельскихъ десятострунныхъ
лиръ
На радужныхъ крилехъ къ нему слетаетъ миръ;
Любовь, съ щедротою на небѣ сопряженна,
Во Княжескую грудь глубоко погруженна;
Казалось, въ мысль его вмѣстились небеса,
И внутренны его отверзлись очеса,
Изобразилися ему грядущи вѣки,
И всѣ назначенны родиться человѣки;
Какъ будто зримые свѣтильники сквозь тму,
Судьбы различныхъ Царствъ представились ему;
Онъ зритъ померкшую Царей восточныхъ славу.
Гдѣ крестъ святый сіялъ, тамъ зритъ луну
кроваву;
Блаженны Грековъ дни изчезли яко дымъ,
Магометанцами поверженный Салимъ.

Рѣками кровь предъ нимъ Европы цѣлой льется,
Но гробъ Спасителевъ въ неволѣ остается!
Небеснымъ просвѣтилъ гдѣ свѣтомъ душу онъ,
Въ порабощеніи Татарскомъ зритъ Херсонъ.
Но славы наконецъ внимаетъ гласы громки:
Россіи покорятъ Херсонъ его потомки;
Короны сѣверной пріосѣняетъ лавръ
До сихъ преславныхъ дней неукротимый Таврь;
Но зритъ возникшія по немъ различны власти,
И все Отечество разторженно на части;
Сіяющіе зритъ и пасмурные дни,
Подобно колесу вращаются они;
Нѣтъ дружбы, нѣтъ родства, престола каждый жаждетъ,
Россія бѣдствуетъ, Россія гибнетъ, страждетъ!
Междоусобія Владимиръ зритъ пожаръ,
И въ узы ввержену Россію отъ Татаръ.
О, коль его сіе видѣніе томило! . . .
Но вдругъ Владимира сіянье озарило:
Онъ милующе зритъ Россію Божество;
И надъ врагами зритъ Россіи торжество;
Которы сѣверъ весь страшили, угнѣтали,
Передъ потомками его вострепетали.
Какъ Богу одному послушна каждa тварь,
Въ Россіи возсіялъ единый тако Царь,
И все Отечество исполнилось отрады,
Блаженство процвѣло, возникли свѣтлы грады.
Къ полудню очи онъ и къ западу простеръ:
Пылаютъ брани тамъ отъ несогласныхъ вѣръ,
Зритъ кровь текущую, гоненіе, тиранство,
Вражду межъ Христіянъ; за что? За Христіянство.
Изторгся у Царя изъ сердца слезный гласъ:
Любить, а не карать, Сынъ Божій учитъ насъ!
И съ плачемъ отвратилъ отъ сихъ волненій очи
Къ предѣламъ мирныя въ законѣ полуночи.

Онъ видитъ нѣкое сіяніе вдали,
Которо съ небеси простерлось до земли;
Онъ видитъ щастливу Отечества судьбину,
На тронѣ милость зритъ: онъ зритъ Екатерину!
Но взоры обративъ къ его столицѣ онъ,
Тамъ видитъ прахъ густый, внимаетъ тяжкій стонъ;
Перуны мстящіе надъ стольнымъ градомъ блещутъ,
И стѣны Кіева вздыхаютъ и трепещутъ,
Отчаянныхъ жрецовъ по стогнамъ гонитъ страхъ,
Кумиры гордые преобратились въ прахъ;
Вихрь бурный съ капищей срываетъ мрачны кровы,
Перунъ низринулся съ горы въ струи Днѣпровы;
Прешли носящи мракъ на крылехъ времена.
И се настала вдругъ святая тишина:
На Кіевъ небеса блаженство изліяли,
Священны олтари во градѣ возсіяли;
Тамъ праведныхъ мужей нетлѣнны тѣлеса
Являть не престаютъ для вѣрныхъ чудеса;
Чудотвореньями наполнилась Россія,
И Вѣру утвердятъ въ ней подвиги святыя.
Небесно пѣніе во храмехъ раздалось,
И Слово Божіе рѣками полилось;
Изъ чистыхъ устъ оно произтекло духовныхъ,
Ко умноженію въ Россіи жертвъ безкровныхъ.
Сквозь вѣки многіе онъ видитъ дивный свѣтъ,
Который чистоту разсуднкамъ подаетъ;
Пресвѣтлый пламенникъ передъ очами ставитъ,
Сердца онъ озаритъ и души онъ исправитъ.
Небесну радость Царь и благо ощутилъ,
Что онъ на путь святый Россію обратилъ.

На будущіе дни Владимиру смотрящу,
Судьба во храмѣ семъ готовитъ радость вящшу.
О Муза! возсіяй, и трудъ мой доверши,
Восторгъ Владимировъ изобразить спѣши,
Въ которомъ новое возчувствовалъ творенье,
Когда онъ получилъ тѣлесное прозрѣнье:
Глаза, его глаза, сіяютъ паче звѣздъ;
И первый имъ предсталъ съ Персоной Законестъ;
Онъ видитъ вкругъ себя со Идолемомъ Кира.
Что чувствовалъ сей Князь! вѣщай, вѣщай, о лира!
Какъ будто человѣкъ, отъ ближнихъ отлученъ,
Въ отечество свое бываетъ возвращенъ;
Или изъ мрачныя темницы кто изыдитъ,
И паки онъ друзей и кровныхъ вкупѣ видитъ:
Владимиръ, токи слезъ изливъ, на нихъ взиралъ;
Объятія къ друзьямъ дрожащи простиралъ,
О други, возопилъ, толь свято мной любимы!
Богъ милостивъ ко мнѣ, когда вы мною зримы;
И паче за сіе Творца благодарю,
Что, очи возвративъ, на васъ, на васъ я зрю;
Въ законѣ убѣжденъ очей моихъ прозрѣньемъ,
Россіянъ убѣжду такимъ чудотвореньемъ;
О други вѣрные! о Киръ! о Идолемъ!
Спокоить воинство и просвѣтить пойдемъ.
Грядутъ; и се лучи предъ ними возсіяли. . . .
Узрѣвъ полки Царя, Царь видитъ! вопіяли;
Вельможи и сыны къ ногамъ его падутъ,
Великъ, великъ твой Богъ! въ восторгѣ вопіютъ;
Движенья радости въ душѣ имѣлъ такія,
Когда отверзъ глаза родителю Товія;
Очами свѣтлыми герой полки обтекъ;
Я вижу, други, васъ! со умиленьемъ рекъ;
Но вѣчно бы мой взоръ угасъ, померкъ, затмился,
Когдабъ священною водою не омылся!
Тогда, какъ будто бы единыя уста,
Все воинство рекло: Крестя насъ во Христа!

Творецъ глаголамъ внялъ. . . и Благодати сила
Въ нихъ искру Истины, въ нихъ совѣсть воскресила;
И души будущихъ блаженныхъ и святыхъ
Низходятъ съ небеси во облакахъ златыхъ,
Въ бесѣдѣ Ангеловъ надъ Россами ликуютъ,
Что предковъ Христіянъ блаженства имъ даруютъ.
Но, ахъ! свершается уже надъ тѣми судъ,
Отъ православія которы отпадутъ;
Сей жертвой гнусныхъ душъ заранѣ адъ гордится;
Увы! и лучше бы имъ въ мірѣ не родиться;
Но вѣрныхъ воиновъ не можетъ храмъ вмѣстить,
Ихъ въ градѣ хощетъ Кирь крещеньемъ просвѣтить.
Какъ птицъ въ осенни дни на понтъ стада летящи,
Текутъ полки во градъ, Христа познать хотящи.
Молва въ годину ту ко граду потекла,
Ея полетъ какъ шумъ парящаго орла;
Какъ трубный Греки гласъ ея глаголы внемлютъ:
Священный вашъ законъ Россіяне пріемлютъ!
Владимиръ и Христу и Церкви обрученъ,
Сей Князь Василіемъ въ крещеньи нареченъ.
Священну радость вѣсть такая производитъ,
Весь градъ во срѣтенье Владимиру изходитъ;
Царевна сонмищу предшествуетъ сему,
Приближилась къ Царю и такъ рекла ему:
Ты, Князь, торжествовалъ щедротой надъ Херсономъ,
А нынѣ торжествуй надъ нимъ святымъ закономъ:
Владѣй сердцами здѣсь! се Царствіе твое!

Но подданныхъ къ сердцамъ причисли и мое.
До слезъ привѣтствомъ симъ Владимиръ умилился,
Вступилъ во градъ, и градъ въ Эдемъ преобразился!
Такія радости познаютъ души тѣ,
Которы Богъ вселитъ въ небесной красотѣ.
Ахъ! будьте всѣ сердца къ Владимиру возженны!
Ему закономъ мы и свѣтомъ одолженны;
Сіяніе простеръ по всей Державѣ онъ;
Россійскій Виѳліемъ, то древній градъ Херсонъ.
Гордитесь, нашихъ дней почтенные Герои!
Неустрашимый духъ, искуство ваше, бои,
Которы нѣкогда мы громко воспоемъ,
Намъ паки отдали Россійскій Виѳлеемъ,
Крещеньемъ гдѣ святымъ Владимиръ просвѣтился,
Гдѣ мертвенность попралъ, воскресъ и возродился! . . .
Какъ солнце чрезъ лучи спрягается съ луной,
Князь Киромъ сопряженъ со Греческой Княжной.
О мужъ, Апостоламъ въ небесномъ ликѣ равный!
Не будетъ никогда забвенъ твой подвигъ славный:
Ты души просвѣтилъ, невѣрства прогналъ мракъ,
Екатериной днесь заслугъ поставленъ въ знакъ;
Еще и нынѣ ты отъ горнихъ мѣстъ взираешь,
И вѣрность во крестѣ Россіянъ озаряешь.
Ты будешь озарять Россійскую страну,
Доколѣ видитъ міръ и солнце и луну;
И слава дѣлъ твоихъ не умолчитъ вовѣки,
Доколѣ истинѣ внимаютъ человѣки! . . .

ПЛОДЫ НАУКЪ.

ПЛОДЫ НАУКЪ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

О Муза, внемлюща тебя зовущій гласъ!
Приди ко мнѣ, и путь отверзи на Парнассъ;
Дерзаю прославлять Минервину науку,
И трудъ мой посвятить Петровой Дщери Внуку.

Прости, о Князь младый! что Муза воспоетъ
Ужасны времена и дикость древнихъ лѣтъ,
Когда въ невѣжествѣ тонули человѣки,
Непросвѣщенные когда бывали вѣки:
Я долженъ грубые въ стихахъ примѣры взять,
Тѣмъ пользу отъ наукъ яснѣе доказать.

Когда вступить хочу во древность я глубоку,
Какіе ужасы встрѣчаются тамъ оку!
Какой плачевный вопль ко мнѣ приходитъ въ слухъ!
Какою жалостью пронзается мой духъ!
Не человѣки тамъ живутъ, лютѣйши звѣри;
О! естьлибъ къ древности запечатлѣлись двери,
Дабы позорища ужаснаго не зрѣлъ,
Дабы передъ Тобой развратовъ я не пѣлъ:
Но сколько бы себя ни затмѣвала древность,
Открыть ее Тебѣ моя стремится ревность,
Стремится къ должности усерднѣйшій мой стихъ,
Нещастье древнихъ лѣтъ гласить и грубость ихъ.

Тамъ люди Небесамъ мнѣ зрятся неугодны,
И въ дикости своей своимъ жилищамъ сходны:
Ни дружбы, ни любви не знаютъ на земли,
Какъ твари гнусныя вращаются въ пыли;
И взоры отвратилъ отъ сонмищъ ихъ Содѣтель;
Невѣдома была сердцамъ ихъ добродѣтель.
Дымились кровію въ то время олтари,
Разбойники тогда вѣнчалися въ Цари.
Коварство, ложь, обманѣ въ то время ликовали,
Невѣжествы пути ко славѣ открывали;
Безъ наблюденья ихъ сіяли небеса,
Безъ благодарности цвѣли поля, лѣса;
И солнце, грѣюще пространную вселенну,
Имѣло о себѣ въ народѣ мысль затмѣнну;
Обширная земля, насѣянна людей,
Изъ многихъ сложена казалася частей;
Какъ матери одной неукротимы дѣти,
О ближнихъ знанія не мыслили имѣти.
Лежащи сѣмяна во внѣшности земли,
Откуда и они на свѣтъ произошли,
Готовясь ихъ питать, безплодны оставались,
И только кровью ихъ повсюду омывались.
Врожденный умъ изчезъ, свирѣпствомъ потемненъ:
Кто пущій былъ злодѣй, тотъ слылъ тогда уменъ.
Отъ грубости сердецъ грубѣла вся природа:
Тамъ не было отца, ни матери, ни рода;
Въ родительскихъ рукахъ младенецъ вопіетъ,
Его кумирамъ мать на жертву отдаетъ;
Которы иногда въ пирахъ ликуютъ съ ними,
И роскошь гнусную посѣяли межъ ими,
Одноутробные другъ-друга кровь піютъ,
Ихъ крови воздымясь, на небо вопіютъ.
Пріемлетъ дочь свою въ жену себѣ родитель;
И грѣхъ сей сдѣлался природы разоритель.

О матерь, что насъ всѣхъ на свѣтъ произвела!
Дѣтей ли ты въ себя, дѣтей ли приняла?
И не извергла ли плоды обратно оны,
Которы естества нарушили законы? . . .
Ужасны кажутся тогдашни времена!
Не человѣчіи я вижу племена,
Развратный нѣкій родъ безъ правды и любови,
Другъ друга жаждущій повсяминутно крови;
Обременялися тѣлами ихъ поля,
И кровью напилась враждебною земля.
Носяща на хребтѣ земля всеобщу злобу,
Разверзла новому изчадію утробу:
Дала имъ гордый духъ и звѣрскія сердца;
Терзаютъ мать они, враждуютъ на отца;
Стремятся истребить себя другъ друга сами,
И начали войну ужасну съ Небесами.
Уже отъ ихъ огня небесный рдѣетъ сводъ,
Стремится на боговъ Гигантовъ дерзкій родъ,
И горы цѣлыя схватя, на небо мещетъ;
Натура вопіетъ, и весь Олимпъ трепещетъ.
Смиряетъ гордость ихъ Всевышняго рука,
Молніеносныя кидая облака.
Бунтующи сердца Зевесъ во гнѣвѣ яромъ
Разитъ со всѣхъ сторонъ единымъ вдругъ ударомъ.
Но что мнѣ баснями напрасно красить стихъ?
Или Гигантовъ мы не вѣдаемъ своихъ?
Иль не были у насъ свирѣпости подобны,
Когда стрѣльцы въ Москвѣ возволновались злобны?
Подобно и они рвались противъ Небесъ:
Я въ нихъ Гигантовъ зрю, а Петръ ихъ былъ Зевесъ.
О Прадѣдѣ Твоемъ, Великій Князь! вѣщаю;
Отъ божества свой стихъ къ другому обращаю.
Зевесъ противъ себя возставшу видѣлъ тварь;

Здѣсь подданныхъ своихъ мятежныхъ видитъ
Царь.
Невѣжествомъ текутъ Гиганты ополченны;
Стрѣльцы невѣжествомъ подобнымъ ослѣпленны.
Мгновенно молніи Зевесъ къ врагамъ пустилъ;
Петръ два смятенья зрѣлъ, и дважды имъ не
мстилъ.
О древность! естьлибъ ты могла сіе предста-
вить,
Престалабъ ты боговъ изобрѣтенныхъ славить;
И видя подлинны Петровы всѣ дѣла,
Зевесу бы сего Монарха предпочла. . . .
Такого варварства, что всѣхъ покой губило,
Одно невѣжество причиной точной было!
Невѣжество прямой нарушило законъ;
Оно стремилося Зевесовъ свергнуть тронъ.
Невѣжество любовь въ сердцахъ искореняло;
Невѣжество всѣхъ бѣдъ и злостей всѣхъ начало:
Гонима правда имъ въ нещастномъ мірѣ семъ,
Оно тревожитъ міръ и зла желаетъ всѣмъ.
Невѣжество мрачитъ достоинства людскія,
У добродѣтелей отъемлетъ дни златыя;
Оно любуется своею слѣпотой;
Науки важныя считаетъ суетой.
Оно ко вредному приводитъ суевѣрству;
Невѣжество людей влечетъ къ враждѣ и къ
звѣрству.
Невѣжество тогда владѣло на земли,
Когда изъ свѣта въ мракъ творенія прешли;
Когда безъ жалости другъ друга убивали,
И есть ли въ мірѣ Богъ, всѣ люди забывали!
Когда повержена была природа въ страхъ,
Убивствы на землѣ, война на небесахъ.
Вселенныя Творецъ, воззрѣвъ на неустройство,
Страхъ видя на земли, погибшее спокойство,
Дабы ко благу ихъ народы возвратить,

Судьбами положилъ родъ смертныхъ просвѣтить.
Велѣлъ Онъ Истинѣ отъ горнихъ мѣстъ спу-
ститься,
Въ семъ мірѣ возсіять, въ сердцахъ людей
свѣтиться,
Исправить души ихъ и просвѣтить умы,
Законы возвѣстить ко истребленью тмы;
Быть Истинѣ велѣлъ отъ смертныхъ неот-
лучно,
Да въ мірѣ семъ они живутъ благополучно.
Святая Истина съ небесъ тогда пришла,
И въ чистыя сердца сіянье излила;
Сокровищъ полную она простерла руку,
Людей преобразить, открыла имъ Науку.
Какая сдѣлалась премѣна на земли,
О томъ хочу воспѣть: Великій Князь! внемли.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Пріемлетъ на себя прекрасный видъ природа,
И сталъ иной народъ изъ прежняго народа:
Пещеры дикія оставили горамъ,
И темные лѣса на жительство звѣрямъ.
Во общежитіе стеклися человѣки:
Возстановляются у нихъ златые вѣки.
Гдѣ терномъ заглушенъ лежалъ недавно лугъ,
Глубокія борозды проводитъ тамо плугъ;
Въ поляхъ, гдѣ быліе безплодно возрастало,
Теперь собраніе богатой жатвы стало;
Хрустальные ручьи свободный взяли путь,
Зефиры начали нѣжнѣе въ рощахъ дуть;
Нѣжнѣе птички хоръ на вѣтвіяхъ воспѣли,
Пріятнѣе плоды, скорѣй и слаще спѣли;
Свѣтлѣе, кажется, сіяли небеса;
Одѣлись новою зеленостью лѣса;

Рѣка въ своихъ брегахъ быстрѣе проливалась;
Натура премѣнясь, собою любовалась;
И добродѣтель зря цвѣтущую въ сердцахъ,
Прекраснѣй разцвѣла во всѣхъ земли странахъ.
Межъ веселящихся такою перемѣной
Сѣдяща Мужа зрю у рощи я зеленой:
Всѣхъ пѣніе его сердца къ себѣ влечетъ,
Народъ со всѣхъ сторонъ на гласъ его течетъ;
И камни движутся, и рѣки становятся,
Да пѣніемъ его удобнѣй насладятся;
Преходятъ съ мѣстъ своихъ зелены древеса
И составляются въ священныя лѣса;
И звѣрскія сердца слова его пронзаютъ,
Они предъ нимъ лежатъ и ноги лобызаютъ;
И храмы за собой и стѣны водитъ онъ;
Склоняетъ чувственность на сладкій лирный звонъ;
Тамъ мраморы спѣшатъ съ металлами сложиться:
Что взглянетъ на него, въ порядокъ становится.
Такъ сладко Амфіонъ на лирѣ воспѣвалъ,
Когда онъ Ѳивы, градъ прекрасный, основалъ!
Но баснь, которая ту повѣсть украшаетъ,
Довѣренности насъ къ событію лишаетъ,
И только можемъ то одно постигнуть мы,
Что стихотворные обильные умы
Тѣ древни времена, какъ люди въ мракѣ жили,
Примѣромъ дикости звѣриной приложили,
И просвѣщенный Мужъ, смягчая грубость ихъ,
Ученьемъ учинилъ разумну тварь изъ нихъ:
Ко общежитію склоняя ихъ словами,
Къ трудамъ подвигнулъ ихъ, и градъ обвелъ стѣнами;
Законы предписалъ ихъ наглость удержать;
Заставилъ ихъ себѣ въ искуствѣ подражать.
Истолковалъ добра и зла народамъ разность,

Къ полезному труду склонилъ, отгнавши праздность. . . .
Таковъ ученія былъ самый первый плодъ,
Изъ тмы невѣжества какъ вышелъ смертныхъ родъ!
Свирѣпость звѣрская быть видима престала,
И мѣсто варварства невинность заступала.
Ко ближнему любовь учились понимать:
Для блага общаго чужаго не замать;
И правосудіе на тронѣ появилось,
Оно селеніевъ душею учинилось;
Узнали своего блаженства отъ творца,
Что прямо дѣлаетъ спокойными сердца.
Забвенная людьми донынѣ добродѣтель,
Изъ тмы выходитъ въ свѣтъ, и стала душъ владѣтель.
Пріятность, дружба намъ которую даетъ,
Теперь лишь смертныхъ родъ, теперь лишь познаетъ.
И ты, невинна страсть, что души сочетаешь
И нѣжностью сердца возженныя питаешь,
Которой иногда даютъ развратный видъ,
Любовь, которую преображаютъ въ стыдъ,
Ты въ мрачны времяна имѣла чувства звѣрски,
Суровыя слова, имѣла взоры дерзки;
Еще по днесь, любовь, презрѣнна тако ты,
Гдѣ люди любятся какъ грубые скоты.
Едина истина, едино просвѣщенье,
Содѣлались любви вѣнецъ и очищенье.
Разсѣялъ темноту родъ смертныхъ наконецъ;
Ученье стало вождь и мыслей и сердецъ.
Вообразя сей вѣкъ, мы вѣкъ сей почитаемъ.
Но повѣсти сіи во книгахъ лишь читаемъ,
И древность кажется совсѣмъ для насъ темна;
Представимъ въ мысль свою новѣйши времяна,
Не то, что въ книгахъ намъ Исторія внушаетъ:

Вообразимъ, какъ Петръ Россію воскрешаетъ!
По баснословію, что дѣлалъ Амфіонъ,
Въ глазахъ Европы всей не то ли дѣлалъ Онъ?
Не умягчилъ ли Онъ Россіянъ нравы дики?
Не вдругъ ли создалъ градъ и крѣпости велики?
Онъ баснословіе искуствомъ превозшелъ,
И выше смертнаго во славѣ возлетѣлъ;
Вездѣ Петрова мысль, вездѣ Петровы руки.
Посѣянныя имъ приносятъ плодъ науки.
Законы къ нашему спокойствію цвѣтутъ;
Гдѣ пользу только зрю, и Петръ мнѣ зрится тутъ.
Онъ воинство свое, какъ стѣны, утверждаетъ;
Едва раждается оно, и побѣждаетъ.
Каковъ на сушѣ Онъ, таковъ въ срединѣ водъ:
Сталъ флоту сильному Его ужасенъ флотъ.
Преобразивъ народъ, Онъ свой народъ прославилъ,
И души и сердца въ Россіянахъ исправилъ.
Не въ тысячу вѣковъ, то было въ краткій вѣкъ;
Не тысячи, одинъ то сдѣлалъ человѣкъ.
Великій Князь! сіе изчислить мнѣ подробно,
Какъ Прадѣдъ Твой великъ, вовѣки не удобно.
Подобно какъ, взглянувъ къ предѣламъ горьнихъ мѣстъ,
Чѣмъ больше смотримъ мы, тѣмъ больше видимъ звѣздъ:
Дѣла Петровы тамъ, чѣмъ въ мысль вперяю болѣ,
Великихъ дѣлъ Его обширнѣй зрится поле.
Сей даръ, небесный даръ, разсудкомъ что слыветъ,
Возноситъ смертныхъ родъ и въ душу вноситъ свѣтъ.
Находитъ человѣкъ ко благу имъ дорогу:
Уподобляется умомъ священнымъ Богу.
Прямую славу мы находимъ въ свѣтѣ имъ,
Когда съ невинностью разсудки сѣединимъ.

Пріятность жизни онъ и щастіе сугубитъ.
Творецъ его даетъ тому, кого возлюбитъ.
Мѣрило разума коль станетъ Царь блюсти,
Къ блаженству подданныхъ удобенъ привести;
Украсится Монархъ небесными вѣнцами;
Владѣя мыслями, владѣетъ и сердцами.
А подданныи, когда умъ свыше данъ ему,
Познаетъ страхъ и долгъ къ Монарху своему.
Но потушается разсудка освѣщенье,
Когда врожденныхъ силъ не подкрѣпитъ ученье.
Хотя натура есть искусна и сама;
Ученье жезлъ даетъ и крылья для ума.
Искуствомъ прелетѣлъ Петръ къ славѣ скоротечно;
Россію воскресилъ, и жити будетъ вѣчно.
Къ наукамъ насъ ведетъ Твоя преславна кровь:
Имѣй, Великій Князь! имѣй Ты къ нимъ любовь.
Что мы ни вобразимъ, наукой основалось.
О томъ передъ Тобой еще мнѣ пѣть осталось.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Златою жатвою покрыты зримъ поля,
Сокровища свои приноситъ намъ земля;
Обогащенныя плодами видимъ нивы,
Чѣмъ услаждаемъ мы желанья прихотливы.
Цвѣтущіе сады когда мы вобразимъ,
На земледѣльцовы орудія воззримъ,
Увидимъ, что прервать хотяща наше бѣдство,
Механика сіе изобрѣтала средство;
Плоды отъ сѣмяни скорѣй произвести,
Что гибнетъ подъ землей, принудить то цвѣсти.
На вспаханной землѣ обильнѣй класы спѣютъ;
Наукою умы скорѣй цвѣтутъ и зрѣютъ:

Такіе - то умы изобрѣсти могли,
Спокойство что даетъ народамъ на земли.
Учили соружать кругомъ селеній стѣны;
И мужи крѣпости изобрѣли учены;
Дабы рука сильнѣй въ сраженіи была,
Механика свои орудія дала.
Она пространныя моря соединяетъ,
И тяжесть всей земли, какъ мнится, облегчаетъ.
Когда черезъ моря стремятся корабли,
На камни бы они, или на мѣль текли,
Когдабъ черезъ свою великую науку
Намъ Астрономія не подавала руку:
Не знали бы тогда теченія небесъ,
И Божьихъ въ мірѣ семъ не вѣдали чудесъ.
Всеобщій домъ людей знать должно человѣку;
Обѣхать шаръ земный его не станетъ вѣку.
Но Царства и моря подробно описавъ,
На вѣрныхъ чертежахъ намъ кажетъ Географъ.
Хотя способностьми мы свыше награжденны,
Но брать другихъ въ примѣръ и подражать рожденны;
Герой въ урокъ дѣла геройскія бери,
Къ ученому пути ученой отвори.
Ты, сладостный витій, или стиховъ писатель,
Будь славою мужей великихъ подражатель.
Но гдѣ удобнѣе примѣры мы найдемъ,
Когда Исторіи всеобщей не прочтемъ?
Она прошедшія дѣянія вѣщаетъ,
Людей и чувства ихъ предъ нами воскрешаетъ.
Вѣщая о войнѣ, о Царствахъ, о градахъ,
И въ мысляхъ дѣйствуетъ, и дѣйствуетъ въ сердцахъ;
Минуетъ все тогда, когда мы всѣ минемся,
Мы ею долго жить по смерти остаемся.

Поживъ на свѣтѣ семъ во славѣ человѣкъ,
Умретъ, но въ памяти потомковъ будетъ вѣкъ.
Не жалко ли бы то, не жалко ли бы было,
Когда бы время тѣ примѣры истребило:
Какъ Азія сперва науками цвѣла,
Какія Африка войны произвела,
Какія въ Греціи случились перемѣны,
Коль славенъ былъ Египетъ, какъ сильны Карѳагены,
Колико милосердъ ко подданнымъ былъ Титъ,
Какою мудростью Аврелій знаменитъ?
Не стану избирать примѣровъ здѣсь ужасныхъ,
Толико въ чтеніи младымъ сердцамъ опасныхъ;
Мнѣ жизни Титовой милѣе день единъ,
Чѣмъ весь твой громкій вѣкъ, Филипповъ гордый сынъ!
Не жалколь, естьли бы не пѣли намъ витіи
Преславныя дѣла искусной Зиновіи?
Или чрезъ что вознесъ главу въ Европѣ Римъ,
И послѣ каковы премѣны были съ нимъ?
Не жалколь потерять во тмѣ временъ суровыхъ
Божественный примѣръ великихъ дѣлъ Петровыхъ?
О вы, которымъ пѣть Его труба дана!
Промчите слухъ о Немъ въ дальнѣйши времена!
Потомки! жизнь Его Царямъ въ примѣръ представьте,
И нашъ читая вѣкъ, Екатерину славьте!
Подпору здравія въ болѣзняхъ получить,
Мы тѣло слабое стараемся лѣчить;
Грозилабъ въ немощи на всякой часъ кончина,
Когдабъ не знала средствъ къ лѣченью Медицина.
Она, причины всѣ болѣзней изъискавъ,
Намъ здравіе даетъ черезъ составы травъ;

И тѣла нашего изслѣдовавъ сложенье,
Даетъ и крѣпость силъ, даетъ и вспоможенье.
Священны тѣ умы изобразимъ въ стихахъ,
Что учатъ на земли, читая въ небесахъ,
И ближе довести людей ко совершенству,
Отверзли намъ пути къ неложному блаженству;
Вселяются въ умы, вселяются въ сердца,
И открываютъ намъ самихъ насъ и Творца.
Какъ отроковъ ведутъ питомцы ихъ рукою,
Такъ ближе смертныхъ родъ ведутъ они къ покою.
О Божьемъ существѣ, о существѣ своемъ,
Чрезъ Богословіе мы нѣчто познаемъ:
Оно отъ мрака насъ ко свѣту обратило,
Оно и жезлъ для насъ и нашихъ душъ свѣтило.
На мысль свою сердца къ своимъ желаньямъ влечь,
Удобность подаетъ намъ Риторская рѣчь:
Бѣгущихъ воиновъ она остановляетъ,
И храбрость во душахъ геройскихъ распаляетъ;
На жалость и на гнѣвъ удобна преклонять,
Къ смятенью жаръ въ сердцахъ возженный погашать.
Какъ сладко питіе въ сердца людскія входитъ,
Плѣняя ихъ, вездѣ, куда желаетъ, водитъ.
Куда искусна рѣчь Ахеянъ не влекла,
Когда изъ устъ она Улиссовыхъ текла?
Въ правленіи, уже подъ иго пасть готовомъ,
Свободу Демосѳенъ крѣпитъ единымъ словомъ;
Когда раздорами поколебался Римъ,
Достойнаго похвалъ мы тамо мужа зримъ;
Бичъ необузданныхъ, невинныхъ оборона,
На Тибрѣ рѣчь слышна гремяща Цицерона.
Какъ сладкорѣчивый полезенъ намъ языкъ,
Съ Дуная доказалъ то Римлянамъ мужикъ.
Изъ страсти въ страсть сердецъ искусное влеченье,
Есть наилучшее и трудное ученье.

Немногихъ вѣдаемъ витій въ семъ мірѣ мы,
Плѣняющихъ у насъ и души и умы;
Но вѣдаемъ, что гдѣ витійство процвѣтало,
Тамъ корнемъ многихъ благъ во дни грядущи
стало.

Еще въ натурѣ есть сердцамъ пріятный гласъ,
Которой веселитъ и восхищаетъ насъ,
Сей гласъ, или сіи музыкѣ равны слоги,
Которымъ славились Цари и сами Боги;
Отъ таковыхъ людей бываетъ слышимъ отъ,
Которымъ естества открывается законъ:
Сей гласъ мягчитъ сердца, влечетъ, увеселяетъ,
Въ печали радуетъ, въ нещастьѣ подкрѣпляетъ;
Божественнымъ сердцамъ языкомъ говоритъ,
И видимымъ сей гласъ незримое творитъ;
Мягчить и возбуждать сея науки свойство;
Имъ храбрость движется, и движется геройство.
Сей истины въ стихахъ оставилъ намъ примѣръ,
Въ божественныхъ стихахъ, отецъ стиховъ,
Гомеръ.

Глася геройскія дѣла своей трубою,
Читателей на брань влечетъ онъ за собою;
Гнѣвъ, ярость и печаль влагаетъ онъ въ сердца:
Такія качества быть должны у творца!
Онъ долженъ царствовать надъ нашими стра-
стями,
Во правдѣ убѣждать, обворожать мечтами.
Былъ въ давни времена примѣръ тому открытъ,
Какъ жилъ еще Менандръ, Софоклъ и Ѳеокритъ:
Ихъ гласомъ Римъ воспѣлъ и Франція воспѣла;
Въ Россіи наконецъ та Муза преуспѣла.
Куда приличнѣе тронъ Музамъ преносить,
И гдѣ достойнѣйшихъ Героевъ ей гласить?
Гдѣ могутъ ощущать удобнѣй дни златыя?
Гдѣ жить спокойнѣе, какъ не въ тебѣ, Россія?
Петръ создалъ храмъ для васъ обширный при Невѣ,

Преславна Дщерь Его воздвигла и въ Москвѣ.
Возобновленъ Парнассъ въ стѣнахъ Московскихъ нынѣ;
Здѣсь Музы запоютъ хвалы Екатеринѣ!
Ко обузданію коварствующихъ золъ,
Юстиція въ градахъ устроитъ свой престолъ;
Неколебимыми въ рукѣ ея вѣсами,
Законы утвердитъ согласны съ Небесами.
Екатерининыхъ подъ тѣнію щедротъ
Уже златыхъ наукъ обильный зрѣетъ плодъ;
Въ Россіи видимы цвѣтущи Геликоны,
Пріосѣняетъ ихъ Монаршей лучь короны;
Возвысилъ къ небесамъ хребты свои Парнассъ!
А ты, Великій Князь! внимая лирный гласъ,
Воззри, коль надобны для общества науки!
И Петръ и Дщерь Его, свои простерши руки,
Въ свое Отечество науки привлекли;
И се плоды отъ нихъ въ дни наши процвѣли!
Проникъ въ закрытый храмъ натуры испытатель;
И Химикъ дѣйствуетъ, сокровищей податель;
Явилась въ наши дни наука Врачевства,
Для пользы общія въ сіянье торжества;
Не нужны будутъ намъ теперь страны чужія:
Науки преподастъ изъ устъ своихъ Россія.
Въ нашъ вѣкъ златый наукъ примѣровъ я ищу,
Но къ юности Твоей стихъ паки обращу.
Ученья выгоды изобразить подробно,
Не мнѣ, Великій Князь! не мнѣ сіе удобно.
Монаршая душа Тебѣ, Тебѣ дана:
То слѣдственно она къ наукамъ рождена.
Ступай, Великій Князь! наукъ въ пространно поле:
Тамъ Музы ждутъ Тебя; отъ нихъ узнаешь болѣ.

КОНЕЦЪ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Всѣ просвѣщенные народы, уважая памятъ великихъ Писателей своихъ, съ особеннымъ тщаніемъ собираютъ ихъ творенія и издаютъ въ свѣтъ, не щадя иждивенія; — примѣръ ихъ достоинъ соревнованія и похвалы. Желая доставить Любителямъ отечественной Словесности и славы хотя не роскошное, но исправленное изданіе эпическихъ твореній *М. М. Хераскова*, я рѣшился напечатать ихъ въ новомъ видѣ. Кромѣ полнаго собранія всѣхъ сочиненій знаменитаго Поэта нашего, донынѣ не было у насъ хорошаго изданія Россіяды и Владиміра; ибо первыя два изданія въ 1779 и въ 1787 годахъ едва ли соотвѣтствуютъ достоинству сихъ произведеній его Генія, и при всемъ томъ нынѣ сдѣлались очень рѣдки. Для благомыслящихъ Читателей, умѣющихъ цѣнить талантъ *Хераскова*, помѣщено здѣсь краткое описаніе жизни и сочиненій его, и приложена дань усердія извѣстныхъ нашихъ пѣснопѣвцевъ, благоговѣющихъ къ памяти знаменитаго творца Россіяды и Владиміра. — Вразсужденіи тек-

ста и порядка принято здѣсь второе изданіе, печатанное въ 1787 году подъ руководствомъ самаго Сочинителя, и заслужившее похвалу отъ знатоковъ; ибо перемѣны и поправки въ 3 изданіи, по сужденію многихъ, ни мало не усовершенствовали его твореній. Первый Томъ заключаетъ *Россіяду* и *Чесмесскій бой*, а вторый *Владиміра* и *Плоды Наукъ*, Дидактическую Поэму.

А. Ширяевъ.

Михаилъ Матвѣевичь Херасковъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Членъ разныхъ Ученыхъ Обществъ и Кавалеръ. Предки его выѣхали изъ Княжества Волохскаго при Императорѣ Петрѣ I. Отецъ его служилъ въ Кавалергардскомъ корпусѣ; былъ женатъ на Княжнѣ Друцкой, отъ которой имѣлъ троихъ сыновей, изъ коихъ меньшой былъ *Михаилъ Матвѣевичь*, родившійся Октября 25го 1733 года. Въ 1743 году Декабря 30 отданъ былъ въ Кадетскій Корпусъ, изъ коего выпущенъ (Сентября 5, 1751 г.) Поручикомъ, и служилъ въ Ингерманландскомъ полку (по 1754 г.); изъ онаго вышелъ Титулярнымъ Совѣтникомъ въ Коммерцъ-Коллегію; опредѣленъ въ Московскій Университетъ Коллежскимъ Ассесоромъ (1755); произведенъ въ Надворные Совѣтники (1761); пожалованъ Директоромъ Университета (1763); опредѣленъ въ Бергъ-Коллегію Вице-Президентомъ (1770); уволенъ отъ службы съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника (1775); опредѣленъ Кураторомъ Московскаго Университета (1778); учредилъ при Университетѣ Благородный Пансіонъ (1779); пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра 2 й степени (1786); произведенъ въ Тайные Совѣтники (1796); получилъ Орденъ Св. Анны 1 го класса (1799); чинъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника; уволенъ отъ должности Куратора (1802); скончался 27 Сентября 1807 года на 74 году отъ рожденія. — Сочиненія его суть: А) *Въ прозѣ:* 1) *Кадмъ и Гармонія*, древнее повѣствованіе, въ двухъ частяхъ. 2) *Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи*, въ трехъ Частяхъ. 3) *Нума Помпилій, или процвѣтающій Римъ*. 4) *Драмы:* a) *Другъ нещастныхъ*, въ трехъ дѣйствіяхъ. b) *Гонимые*, въ трехъ дѣйствіяхъ. c) *Милена*, съ пѣснями, въ двухъ дѣй-

ствіяхъ. d) *Школа добродѣтели*, въ пяти дѣйст. e) *Изеинительная ревность*, въ трехъ дѣйст. В) *Въ стихахъ:* 1) *Россіяда*, Эпическая Поэма въ 12 Пѣсняхъ, съ присовокупленіемъ разсужденія: *Взглядъ* на *Эпическія Поэмы*. 2) *Владиміръ*, Эпическая Поэма въ 16 Пѣсняхъ. 3) *Пилигримы*, или *искатели щастія*, сочиненіе, писанное разномѣрными стихами, въ 6 Пѣсняхъ. 4) *Плоды Наукъ*, Дидактическая Поэма въ 3 Пѣсняхъ. 5) *Вселенная*, въ 3хъ Книгахъ. 6) *Чесмесскій бой*, Поэма въ 5 Пѣсняхъ. 7) *Царь*, или *спасенный Новгородъ*, стихотворная повѣсть въ 7 пѣсняхъ. 8) *Бахаріана*, или *Неизвѣстный*, волшебная повѣсть, почерпнутая изъ Русскихъ сказокъ, въ 14 Пѣсняхъ, писанныхъ разнымъ размѣромъ. 9) *Селимъ* и *Селима*, небольшая повѣсть. 10) *Трагедіи:* a) *Венеціанская монахиня*, въ трехъ дѣйствіяхъ; b) *Пламена*, c) *Мартезія* и *Фалестра*, d) *Бориславъ*, e) *Идолопоклонники* или *Горислава*. f) *Цидъ*, передѣланная изъ Трагедіи Петра Корнеля, g) *Юліанъ отступникъ*, h) *Освобожденная Москва*, i) *Зареида* и *Ростиславъ*, всѣ въ пяти дѣйствіяхъ. 11) Комедія: *Ненавистникъ*, также въ пяти дѣйствіяхъ, сочинена въ 1770 году. — 12) Разныя торжественныя и похвальныя Оды, числомъ 21. 13) Пять *Одъ* и стихотвореній духовныхъ. 14) Анакреонтическія Оды, числомъ 65. 15) Нравоучительныя Оды, числомъ 32. Лирическія сіи стихотворенія и еще нѣкоторыя другія составляютъ седьмой изъ четырнадцати Томовъ его Твореній, въ разныя времена въ Москвѣ напечатанныхъ.

ДАНЬ БЛАГОГОВѢНІЯ

КЪ ПАМЯТИ

М. М. ХЕРАСКОВА.

. . . . . .
Почій подъ лаврами по ревностныхъ трудахъ!
Да окружатъ тебя прохладно мирны тѣни!
Почилъ ты — но Парнассъ всегда въ твоихъ очахъ.
Уже на мраморѣ нетлѣнномъ,
Самой Минервой освященномъ,
Во храмѣ вѣчности твой зракъ изображенъ,
И тамъ среди Мужей избранныхъ,
Парнасскимъ лавромъ увѣнчанныхъ,
Блистаетъ, славою безсмертной осѣненъ.
Твой тихихъ дней корабль мірскихъ волненій въ морѣ
На полныхъ парусахъ въ пристанище летитъ;
Твой умъ страстей валы и вихри въ бурномъ спорѣ
Владычествомъ своимъ покоитъ и миритъ.
Могу ли въ слѣдъ тебѣ стремиться
И съ скоростью твоей сравниться?
Ахъ, нѣтъ! моя мала и бренна ладія!
Зря предъ собой тебя летяща,
Хвалой и честію гремяща,
Дивиться долженъ я, и въ томъ — судьба моя.

Е. Костровъ.

СТАНСЪ.

Творецъ прехвальный Россіяды,
Любитель и любимецъ Музъ!
Твой гласъ, подъ скипетромъ Паллады,
Удобенъ множить ихъ союзъ.

*

На лирѣ ли когда бряцаешь
Екатеринины дѣла:
Сердца ты сладко проницаешь.
Святится праведна хвала.

*

Желаешь ли ты править нравы:
Перо твое являетъ намъ
Священны Нумовы уставы
За даръ щасливымъ временамъ.

*

Пильпам, Федры, Лафонтены
Тебѣ могли бы подражать;
В храмъ ли вступишь Мельпомены,
Ты можешь страсти возбуждать.

*

Пастушьи-ль игры, или смѣхи,
Иль сельску славишь простоту;
Являешь новы въ ней утѣхи,
Поя природы красоту.

*

Гнушаясь ли когда порокомъ,
Желаешь добродѣтель пѣть:
Твой умъ, въ теченіи широкомъ,
Нигдѣ не можетъ укоснѣть.

*

Твоимъ плѣняясь стихотворствомъ,
И пѣть тобою ободренъ (*),
Къ совѣту твоему упорствомъ
Мой разумъ не былъ отягченъ.

*

Привержен къ Музѣ справедливой,
Я чувствовалъ во времена,
Что стыдно быть безплодной нивой,
Гдѣ пали добры сѣмяна.

*

Но лишь къ Парнассу приближаюсь,
Страшусь Піитовъ я суда,
И въ пѣсняхъ скоро утомляюсь,
И тщетнаго бѣгу труда.

*

(*) Авторъ сей піесы имѣлъ ревностнаго покровителя въ творцѣ Россіяды. „Щастливая звѣзда, говоритъ Г. Карамзинъ, привела молодаго ученика Музъ къ ихъ знаменитому любимцу, который, имѣя самъ великій талантъ, умѣлъ открывать его и въ другихъ. Херасковъ былъ ему полезенъ наставленіями, совѣтами и примѣромъ.“

Коль судишь ты меня не строго,
Воспримешь ревность вмѣсто дѣлъ.
Хоть пѣть тебя не могъ я много,
Но чувствовалъ, когда я пѣлъ.

Ип. Богдановичь.

КЪ ТВОРЦУ КАДМА (*).

Ты въ горнихъ нынѣ обитаешь,
О нѣжный другъ души моей!
Во свѣтѣ изъ свѣта прелетаешь
По мѣрѣ чистоты твоей.

*

А я, еще обремененна
Оковами земныхъ суетъ,
Съ тобою мракомъ раздѣленна.
Со тьмой у свѣта связи нѣтъ!

*

Сражаюсь я съ мірской тщетою,
Сражаюсь я сама съ собой,
И зрю себя вездѣ рабою;
Порокъ владычествуетъ мной.

*

Но, ахъ! души для просвѣщенья,
Для обузданія страстей,
Читаю я твои творенья:
Въ нихъ вижу свѣтъ души твоей.

*

Вездѣ ты таинства глубоки
Изъ сердца глубины извлекъ;
Вездѣ оставилъ намъ уроки,
Сколь слабъ и тщетенъ человѣкъ.

*

Ты вѣдалъ тайны всей природы,
Изгибы зналъ людскихъ сердецъ;
Твой духъ парилъ въ небесны своды,
И славился тобой Творецъ.

*

(*) Сочинительница двоюродная сестра безсмертному творцу Кадма

Скончавъ ты пѣснь кровавыхъ боевъ (*),
Сей жизни скользкій путь воспѣлъ;
По тернамъ велъ своихъ героевъ,
Чрезъ дебри къ мудрости привелъ.

*

Вводилъ ты ихъ во искушенье,
Чтобъ бренность вѣдали свою.
Я, *Кадма* зря въ его паденьѣ,
Себя въ немъ живо познаю.

*

На собственны надѣясь силы,
Онъ при соблазнахъ духомъ палъ;
Онъ палъ въ объятія Таксилы,
И всѣхъ страстей невольникъ сталъ.

*

Но ты къ раскаянью склонишься
Велишь герою своему,
Велишь унизиться, смириться,
Къ Творцу всѣхъ силъ воззвать ему —

*

И льется сила животворна
Съ небесъ на Кадмовъ томный гласъ,
Водѣ цѣлительной подобна: —
Въ ней всѣхъ страстей огонь погасъ.

*

Твои творенья освѣщаетъ
Благій, животворящій лучь;
Онъ съ истины покровъ снимаетъ,
Онъ далъ тебѣ къ познанью ключь.

*

Сей тайны ключь отверзъ конечно
Тебѣ по смерти къ небу дверь;
Чего ты здѣсь искалъ сердечно,
Обрѣлъ то въ вѣчности теперь.

*

(*) Въ Россіядѣ.

Ты чтилъ здѣсь правду, добродѣтель,
Ты блесковъ славы убѣгалъ.
Вся жизнь твоя тому свидѣтель:
Чему училъ, то исполнялъ.

*

Душа твоя коварствъ не знала,
Любила Музъ и тишину,
Себя отъ шумовъ отдаляла,
Вела сама съ собой войну.

*

Впадалъ и ты во искушенье,
Какъ всякой въ мірѣ человѣкъ;
Но къ Богу въ слезномъ умиленьѣ
Твой духъ съ раскаяніемъ текъ.

*

Твой вздохъ единъ, слеза едина,
Склоняли къ благости Творца.
Завидная твоя судьбина!
Щедротамъ Божьимъ нѣстъ конца.

*

И самыя Твои творенья,
Гдѣ яду капли не излилъ,
Тебѣ послужатъ въ очищенье:
Ты ими смертныхъ родъ училъ.

*

Вкушай небесное блаженство,
Гдѣ свѣтится во свѣтѣ свѣтъ,
Гдѣ радость, миръ и совершенство!
Ты кончилъ поприще суетъ.

Княжна Катерина Урусова.

ЖЕРТВА УСЕРДІЯ.

Кто на главѣ своей, лѣтами убѣленной,
Уже толико лѣтъ имѣетъ лавръ зеленой,
На что тому, на что некрасный мой вѣнецъ?
И можетъ ли орла хвалить младой птенецъ? . . .
Пусть такъ! — Но если мы, усердный духъ имѣя,
И всей къ Піеридамъ душей благоговѣя,
Стремимся ихъ друзей въ восторгѣ похвалить,
То должно-ль въ дерзость намъ сердечный жаръ вмѣнить?
Кто чтитъ Любимцовъ Музъ — Музъ самыхъ почитаемъ! . . .

*

Пусть побѣдителей потомство вспоминаетъ;
Пускай ихъ имена чрезъ длинну цѣпь вѣковъ
Гремятъ отзывами убійственныхъ громовъ!
Гдѣ ни прошли они, — остался слѣдъ кровавый!
Не такъ Любимцы Музъ, не такъ въ храмъ идутъ славы. . . .
Сіянье первыхъ есть — ужасный метеоръ,
И на него взглянуть страшится смертныхъ взоръ.
Сіяніе другихъ — то кроткій лучь свѣтила,
Отъ коего течетъ и жизнь, и свѣтъ, и сила. . . .
Се твой, Херасковъ, блескъ! — Твоей ужь жизни день
Склонился къ западу, — но коль твой путь блаженъ! —
Слѣды оставилъ ты прекрасны, знамениты:
Потомству славныя творенія открыты.
Воспомяни свой трудъ, и радуйся душой. . . .
Воззри на плодъ его — поздравь себя съ собой!
Ни какъ не значитъ духъ имѣть самолюбивый,
Когда кто чувствуетъ заслуги справедливы.
На что бы бремя намъ трудовъ переносить,
Когда въ самихъ себѣ отрадъ не находить? . . . .
Награда Генія и грѣетъ и питаетъ;
На крыліяхъ ея онъ въ горній міръ летаетъ.

*

Какуюжъ тотъ себѣ награду заслужилъ,
Кто въ хладномъ Сѣверѣ Гомера намъ явилъ?
Благоговѣй, мой духъ! — . . Потомства гласъ внимаю:
„Поэтъ, Херасковъ, Ты! — Тебя я поставляю
„Гомеровъ, Пиндаровъ, Виргиліевъ въ числѣ.
„Носи безсмертья лавръ ты вѣчно на челѣ!“

П. Политковскій.

НАДПИСИ

къ портрету творца Россіяды и Владиміра.

1.

Любимецъ Россскихъ Музъ! въ немъ нашъ Виргилій цвѣлъ:
Онъ подвиги Царей, дѣла героевъ пѣлъ.
Лица его — сей видъ, души — стихи свидѣтель,
А жизни — добродѣтель.

Державинъ.

2.

Пускай отъ зависти сердца въ Зоилахъ ноютъ!
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, *Іоаннъ* щитомъ его покроютъ,
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Дмитріевъ.

3.

Се зримъ *Хераскова!* — Безсмертный сей творецъ
Военной пѣлъ трубой гремящую Державу,
Царей Россійскихъ славу;
На немъ Виргиліевъ и Пиндаровъ вѣнецъ.

Г. Д. Хвостовъ.

4.

Чѣмъ Греція славна и чѣмъ гордился Римъ,
Марновъ, Пиндаровъ въ *Хераскова* мы зримъ.
Онъ лирой, какъ Гомеръ, своей насъ восхищаетъ,
И лавръ нетлѣнный съ нимъ безсмертья раздѣляетъ.

П. Кайсаровъ.

5.

Гомера свѣтъ съ Анакреономъ
Въ семъ Россскомъ Пѣснопѣвцѣ зритъ;
Какъ громъ — гремитъ онъ звучнымъ тономъ,
Пріятнымъ — какъ ручей журчитъ.

К. Шаликовъ.

ЭПИТАФІИ

Михаилу Матвѣевичу Хераскову,

предложенныя на выборъ его почтенной супругѣ, которой угодно было приказать ихъ вырѣзать на мавзолеѣ.

1.

Здѣсь Дружба слезы льетъ на гробѣ,
И Добродѣтель съ ней скорбитъ:
Пусть прахъ его покоитъ обѣ,
А имя — Слава сохранитъ.

2.

Восплачьте! ужъ Пѣвецъ не дышетъ!
На урнѣ лира возлежитъ!
Но, ахъ! гордитесь, Слава пишетъ:
Онъ былъ и Россъ и былъ Піитъ.

3.

Здѣсь прахъ *Хераскова!* Скорбящая супруга
Чувствительной слезой приноситъ дань ему;
Съ ней Музы платятъ долгъ любимцу своему:
Имъ дорогъ даръ Пѣвца, мила ей память друга.

Вл. Измайловъ.

*

Россія, наклонясь, надъ урной слезы льетъ
Любимца Музъ; вѣнецъ къ подножью повергаетъ,
И въ мысляхъ говоритъ: „Пѣвца Россіи нѣтъ!
„Кто жъ славы днесь моей величіе познаетъ?“

М. Лажечниковъ.

*

Нужна ли слава здѣсь, иль мраморовъ громада?
Довольно слова: *Россіяда.*

. . . . . .

ВОСПОМИНАНІЕ о ЛЮБИМЦѢ МУЗЪ.

1.

И ты оставилъ насъ, Херасковъ, наконецъ,
И ты, любимецъ Музъ и добрыхъ другъ сердецъ?
Еще мы осушить слезъ горькихъ не успѣли,
Какъ стрѣлы рока вновь надъ нами возшумѣли.

*

Давно ли Муравьевъ насъ кротостью плѣнялъ,
Изъ рукъ твоихъ пріявъ, лелѣялъ, охранялъ,
Послѣдователь твой Піеридъ надъ садами?
Онъ скрылся! — скрылся ты! — Мы стали сиротами!

*

И ты не внемлешь намъ! и ты не зришь на насъ!
Тебя не трогаетъ друзей стенящихъ гласъ,
И звукъ твоей трубы уже не раздается!
Увы! твой крѣпкій сонъ вовѣки не прервется!

*

Оплачьте, Музы, смерть любимца своего:
Угасло кроткое свѣтило дней его!
Рыдайте, доблесть, честь, Религія святая!
Умолкнулъ вашъ Пѣвецъ и лира золотая!

Г - нъ.

2.

Пѣвецъ Владиміра, безсмертной Россіяды,
Херасковъ! наступилъ и твой послѣдній часъ!
Уже ли для тебя лишь только и награды,
Чтобъ горстію земли ты былъ сокрытъ отъ насъ?

*

Нѣтъ, знаменитый Мужъ, любимецъ Аполлона!
Душа твоя жива — лишь тлѣетъ бренный прахъ.
Смерть скрыла Пиндара, Гомера и Платона;
Но память ихъ цвѣтетъ и будетъ цвѣсть въ вѣкахъ.

*

Забудутъ ли того, кто съ ревностнымъ раченьемъ
Святилище Наукъ распространялъ, хранилъ;
Для воспитанія полезнымъ заведеньемъ
Кто имя громкое достойно заслужилъ;

*

Кто цвѣлъ умомъ, блисталъ созрѣлымъ просвѣщеньемъ,
Одно любилъ добро, лишь истины искалъ;
Несчастныхъ утѣшалъ своимъ благотвореньемъ,
Не блескомъ почестей, но доблестьми сіялъ?

*

Забудутъ ли того, кто съ чистою душою
Отечество любилъ, Монарховъ прославлялъ,
Лишь добродѣтелей плѣнялся красотою,
Къ Религіи святой любовію пылалъ?

*

Херасковъ! безъ тебя Парнассъ осиротѣетъ,
И Музы по тебѣ слезъ токи будутъ лить;
Но славы блескъ твоей вовѣкъ не потемнѣетъ:
Въ твореніяхъ своихъ ты будешь вѣчно жить!

Дм. Глѣбовъ.

ЧУВСТВО

при извѣстіи о награжденіи, опредѣленномъ Россійскою Академіей за Трагедію: *Зареида и Ростиславъ*, по смерти Автора.

На аломъ западѣ, гдѣ нѣтъ громовыхъ тучь,
Угасъ послѣдній Феба лучь;
Но свѣтъ и жаръ его остались въ атмосферѣ:
Не видимъ ли мы въ семъ разительномъ примѣрѣ
Судьбу — безсмертіе пѣвцовъ —
Утѣхи своего и будущихъ вѣковъ?

К. П. Шаликовъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Россійское Государство въ самыя отдаленныя времена, которыя древніе Историки извѣстными учинили, было сильно, сосѣдамъ страшно, многими народами уважаемо; ни одной Европейской Державѣ славою, силою, обиліемъ и побѣдами, по тогдашнему Государствъ состоянію, оно не уступало; а пространствомъ своимъ всѣ прочія, какъ и нынѣ, превосходило. Но послѣ Великаго Князя Владиміра разторженіе Россіи на разныя владѣнія, удѣльныя Княжества, междоусобія, неустройства и властолюбіе размножившихся Князей, время отъ времени истощали ея силы; а наконецъ позорному игу сосѣдственныхъ Ордъ подвергли. Съ того времени угасла прежняя Россійская слава, и въ цѣломъ мірѣ едва была извѣстна; она подъ развалинами своими будто безчувственна около трехъ вѣковъ лежала. Сіе жалостное и позорное состояніе, въ которое отъ утѣсненія Татаръ и самовластія враговъ погрузилась Россія; отторженіе многихъ Княжествъ, сосѣдами у ней похищенныхъ; внутренніе мятежи, изнурявшіе наше Отечество: такое состояніе къ совершенному паденію ее наклоняло. Оно простерлось до временъ Царя Іоанна Васильевича Перваго, вдругъ возбудившаго Россію, готовившаго ее къ самодержавному правленію, смѣло и бодро свергшаго иго Царей Ордынскихъ, и возставившаго спокойство въ нѣдрахъ своего Государства. Но Царство Казанское при немъ еще не было разрушено; Новогородцы еще не вовсе укрощены были; сосѣдственныя Державы не оказывали еще должнаго уваженія Россіи: неожиданный переходъ сего Государства отъ слабости

въ силу, отъ уничтоженія въ славу, отъ порабощенія въ самовластіе — сія важная и быстрая перемѣна произошла при Внукѣ Царскомъ, Іоаннѣ Васильевичѣ *Второмъ*, Героѣ сей Поэмы.

И такъ царствованіе Іоанна Васильевича *Втораго* не дóлжно ли поставлять среднею чертою, гдѣ Россія, до самаго бѣдственнаго состоянія достигнувъ, снова начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, которая близь трехъ вѣковъ оставалась помраченною? Когда вообразимъ въ мысляхъ нашихъ Государство, совсѣмъ разстроенное, отъ сосѣдственныхъ Державъ угнѣтенное, внутренними безпокойствами раздираемое, несогласіемъ многоначальства волнуемое, иновѣрцамъ порабощенное, собственными вельможами расхищаемое; когда сіе вообразимъ, и представимъ младаго Государя, самодержавную власть пріемлющаго, неустройства въ Отечествѣ изкореняющаго, сильныхъ и страшныхъ непріятелей Державы своей поправшаго, многоначаліе обуздавшаго, мятежниковъ во внутренности владѣнія укротившаго, отторженные сосѣдами города возвращающаго, и цѣлыя Государства своей Коронѣ присовокупившаго; несогласіе и гордость бояръ усмирившаго, благоразумные законы подающаго, воинство въ лучшій порядокъ приводящаго: не почувствуемъ ли тогда уваженія къ Государю толь великаго духа? Таковъ былъ Царь Іоаннъ Васильевичь.

Иностранные писатели, составившіе нелѣпыя басни о его суровости, при всемъ томъ, по многимъ знаменитымъ его дѣламъ, великимъ Мужемъ его называютъ. Самъ Петръ Великій за честь поставлялъ въ мудрыхъ предпріятіяхъ

СОДЕРЖАНІЕ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ: ВЛАДИМИРЪ.

ПѢСНЬ I.

Начальное вступленіе — изложеніе предмета, состоящаго въ описаніи Владимирова просвѣщенія. — Возвышеніе Пѣвца духомъ — воззваніе къ Владимиру — Вѣра Христіанская, блистающая величіемъ и торжествомъ, неизвѣстна въ Россіи. — Владимиръ, гремящій побѣдами и украшенный славою, не позналъ еще великой тайны Божественнаго Закона, и тщетно крестъ былъ водруженъ Апостоломъ Андреемъ на горахъ Кіевскихъ: Россія жертвуетъ идоламъ. — Владимиръ, усмиривъ Сарматовъ, покоривъ народы, обитающіе по берегамъ Дуная, и заставляя трепетать Тавръ и Босфоръ, собралъ дань съ Болгаровъ. — Онъ приноситъ жертвы Перуну; но кумиръ отвергаетъ его приношенія и устами жрецовъ требуетъ на жертву двухъ тайно живущихъ въ Кіевѣ Христіанъ. — Боясь мщенія боговъ, Владимиръ съ печалію соглашается, и жрецы съ воинами идутъ, находятъ двухъ Варяговъ, обитавшихъ на берегу Днѣпра въ пустынѣ. — Ихъ привлекаютъ въ капище Перуна, предлагаютъ смерть, или поклоненіе идоламъ, и послѣ отрицанія съ бѣшенствомъ закалаютъ обоихъ. — Владимиръ ужасается сего злодѣйства, идетъ въ свой вертоградъ и оплакиваетъ смерть праведниковъ. — Поэтъ въ восторгѣ повѣствуетъ о вознесеніи невинно убіенныхъ страдальцевъ въ селенія праведныхъ. — Св. Апостолъ Андрей, благовѣстникъ Евангелія въ странѣ Русской, молитъ Творца о просвѣщеніи Кіева истинною Вѣрою — Господь Богъ изрекаетъ ему, что Россія просвѣтится — слова Всемогущаго несутся на землю и составляютъ надъ Кіевомъ изображеніе Животворящаго Креста — видъ сего Святаго предмета оживотворяетъ Владимира, посреди мрачной ночи въ раскаяніи и слезахъ пребывавшаго: онъ чувствуетъ сердечное умиленіе; но соблазны и грѣхи препятствуютъ ему познать великую тайну открытія.

ПѢСНЬ II.

Зломиръ, волхвъ, обитающій между несчаныхъ горъ, на берегу Днѣпра чародѣйствуя ночью, хотѣлъ узнать будущее, и ужаснулся видѣнія креста, чувствуя приближающееся паденіе боговъ своихъ; онъ спѣшитъ къ Пламиду, жрецу Перунову, возвѣщаетъ ему свое видѣніе, и оба идутъ въ капище Перуна изслѣдовать будущее. Страшныя заклинанія тревожатъ духовъ адской тмы — они тучами прилетаютъ въ капище — князь

тмы предсѣдящей въ кумирѣ Перуна, повѣдаетъ имъ о видѣніи креста Владимиромъ, желаніи Владимира перемѣнить вѣру. Происходитъ ужасный совѣтъ, чѣмъ можно отвратить сію перемѣну. — Чернобогъ предлагаетъ занять Владимира бранями и военною славою; Ній ужасами, разсѣянными въ народѣ; богъ вѣтровъ произведеніемъ бурь, вихрей и опустошеній; Зничь бунтами и волненіями Кіевлянъ; Усладъ роскошами; князь тмы рѣшается употребить соблазны любви, ибо вскорѣ должно было отправлять празднество Лады. — Зломиръ адскими чарованіями представляетъ спящему Владимиру кумиръ Лады, требующій отъ него жертвъ и обѣщающій за то возстановленіе душевнаго спокойствія. — Владимиръ клянется исполнить велѣніе богини. — Жены его, которымъ Зломиръ представилъ такія же видѣнія, умоляютъ Князя о жертвоприношеніи Ладѣ — всѣ страсти бунтуютъ въ сердцѣ Владимира и отвлекаютъ его отъ помышленій перемѣнить вѣру. —

ПѢСНЬ III.

Изображается храмъ и празднество Лады. — Пламидъ видитъ Версону, дщерь жрицы, превосходившую всѣхъ подругъ красотою, и обрекаетъ ее быть орудіемъ для прельщенія Владимира. — Владимиръ съ великолѣпіемъ является во храмѣ, видитъ Версону, и Лель поражаетъ сердце его стрѣлою любви. — Пламидъ позналъ любовную страсть Князя, влечетъ Версону въ его объятія; но юная дѣва ужасается, и хватаясь за жертвенникъ Лады, молитъ защитить, и даже порицаетъ богиню — матерь Версоны и жрецы, оскорбленные хуленіемъ, предлагаютъ ей или супружество съ Княземъ, или смерть. — Законестъ, любимый Версоною и страстно ее любящій, стремится защищать свою невѣсту — ихъ разлучаютъ; въ отчаяніи онъ являетъ себя Христіаниномъ, и Пламидъ съ яростію хочетъ принести его на жертву Перуну — слышенъ на востокѣ громъ. Любовниковъ, не взирая на ихъ сопротивленіе, разлучаютъ — Владимиръ, уловленный позорною страстію, соглашается на предложенія жрецовъ — Законестъ поверженъ въ темницу, а Версона, также объявившая себя Христіанкою, заключена во храмѣ въ присутствіи матери ея и въ надеждѣ, что она склонится и пожертвуетъ Законестомъ Владимиру. — Князь удаляется въ теремъ, чувствуетъ свои нечестія, терзается угрызеніемъ совѣсти и волненіемъ страстей — ему является тѣнь Ярополка, и Владиміръ съ раскаяніемъ повергается въ молитвахъ предъ неизвѣстнымъ еще ему Богомъ — мольбы Князя возлетаютъ въ небеса — Господь повторяетъ обѣтъ явленія свѣта на полночи. — Книга судебъ раскрывается: видно событіе словесъ — и небеса торжествуютъ. — Молва разносится о приходѣ трехъ мужей, желающихъ бесѣдовать съ Владимиромъ о вѣрѣ; жрецы ужасаются, но Владиміръ пожелалъ слышать пришельцевъ.

ПѢСНЬ IV.

Сіи пришельцы были посланники Папы, Израильтянъ Козарскихъ и Магометане. — Владимиръ, чувствуя въ душѣ тайное убѣжденіе, что вѣра, имъ содержимая, не есть истинная вѣра, созываетъ Вельможъ, объясняетъ имъ свои сомнѣнія и предлагаетъ выслушать пришедшихъ чужеземцевъ. — Срацинъ предсталъ первой предъ сонмъ Вельможъ, откуда жрецы были отлучены, и объяснилъ правила вѣры своей; но Кифаръ, другъ Пламидовъ, опровергъ его, и Срацинъ неистовствующій изгнанъ изъ Кіева. — Латинцы предложили свою вѣру; но власть Папы показалась всѣмъ несносною; Добрыня, Князь знаменитаго рода, обличаетъ лесть пришельца, и ни краснорѣчіе, ни стараніе подкупить Вельможъ не помогли ему. Козары, предложившіе свою вѣру, отвергнуты, какъ немогшіе оправдать себя въ смерти Мессіи, и какъ народъ, не имѣющій даже постояннаго обиталища. — Колосаръ, Вельможа Кіевскій, совѣтуетъ остаться при прежнемъ служеніи, ибо разсмотрѣніе показало несообразность другихъ вѣръ; — Владимиръ упрекаетъ его злодѣйскими жертвами, приносимыми Перуну, и удаляется. — Смущеніе Князя увеличивается. — Ангелъ-Хранитель, низпустившійся съ небесъ, наводитъ на него сонъ и являетъ чудесное видѣніе, представляющее небесный градъ и Версону съ Законестомъ, которые подаютъ Владимиру крестъ, и возлагаютъ на рамена его; но крестъ тяготитъ Князя, онъ падаетъ — и пробуждается. — Видѣніе небеснаго града восхищаетъ Владимира; онъ воспоминаетъ Версону и Законеста, хочетъ освободить ихъ изъ темницъ и въ душѣ его является начало свѣта. —

ПѢСНЬ V.

Между тѣмъ Пламидъ, видя гибель свою и боговъ своихъ гибель, старается уловить Версону мірскими забавами. — Она представляетъ себя покорною, проситъ только позволить ей проститься съ Законестомъ, обреченнымъ на жертву. — Юношу приводятъ въ Перуновъ храмъ, и въ то самое время, когда Пламидъ подъемлетъ мечь на Законеста, Версона закрываетъ его грудью и хочетъ принять смерть — неистовый жрецъ рѣшается заклать обоихъ; но Владимиръ вбѣгаетъ во храмъ, удерживаетъ руку жреца, предлагаетъ богатыя жертвы; но Пламидъ неистовствуетъ. — Братъ Пламида Идолемъ изходитъ изъ толпы и изъясняетъ ему, что Законестъ есть родный сынъ его, скрытый Идолемомъ. — Пламидъ клянется не пощадить своего сына; но Законестъ обезоруживаетъ жреца — и злодѣй въ ярости проклинаетъ боговъ своихъ, требуетъ мщенія; перуны, держимые кумиромъ, поражаютъ Пламида и земля пожираетъ трупъ его. — Мракъ распространился въ храмѣ, кумиръ завылъ и жертвенный пламень разсѣлся на по-

лы — народъ видитъ безсиліе и ничтожность Перуна. — Владиміръ обьемлетъ Законеста, утѣшаетъ его, отдаетъ ему Версону и приглашаетъ ихъ и Идолема къ своей трапезѣ. — Здѣсь бесѣдуетъ съ ними о вѣрѣ, о видѣніи небеснаго града. — Идолемъ разсказываетъ исторію Версоны и Законеста, и Владиміръ желаетъ посѣтить уединенное ихъ жилище, за три стадіи отъ Кіева отстоящее. — Путь долженъ совершиться ночью; Идолемъ даетъ ему таинственный пламенникъ; но князь тмы видитъ покушеніе Владимира и готовитъ новыя препятствія.

ПѢСНЬ VI.

Разсмотрѣніе могущества и способовъ, коими дѣйствуетъ князь тмы. — Его отчаяніе при видѣ наступающей благодати въ Кіевѣ. — Онъ видитъ Святаго мужа, Философа Кира, изъ Византіи грядущаго для введенія въ Россіи Христіанской Вѣры, и рѣшается погубить старца: летитъ къ волхву Зломиру, укоряетъ его въ бездѣйствіи. — Злодѣй повинуется внушеніямъ духа тмы, обращаетъ пещеру свою въ пріятное уединеніе, себя являетъ почтеннымъ Анахоретомъ и приглашаетъ мимо грядущаго Кира успокоиться; но, едва старецъ вступилъ въ обиталище волхва, какъ Зломиръ заложилъ входъ, и пламень и ужасныя зміи являются Киру во мракѣ, громъ гремитъ — и Киръ видитъ свою гибель. — Молитва Праведника услышана: Св. Апостолъ Андрей изводитъ его изъ ужаснаго Зломирова жилища, вручаетъ таинственный свитокъ съ изображеніемъ и провождаетъ его ко прагу Законестова дома. — Между тѣмъ Владиміръ при наступленіи ночи тайно изшелъ изъ града. — Его окружаетъ тма, и безъ сіянія пламенника Идолемова погибель его неизбѣжна. — Разныя видѣнія представляются ему: Сластолюбіе, Гордость, Корыстолюбіе — при осіяніи пламенникомъ онѣ превращаются въ чудовищь и изчезаютъ. — Ужасное страшилище останавляетъ Князя; онъ борется съ нимъ, почти погибаетъ; спѣшитъ открыть пламенникъ, и видитъ самаго князя тмы бѣгущаго, посрамленнаго. — Восходитъ солнце, Владиміръ побѣдилъ всѣ препятствія. —

ПѢСНЬ VII.

Приходъ Князя въ долину, гдѣ обитаютъ новые друзья его. — Аллегорическое изображеніе духовнаго міра; бесѣда съ Идолемомъ. — Явленіе Версоны и Законеста. — Духовная трапеза — самопознаніе Владимира. — Князь изъявляетъ желаніе просвѣтиться, и Киръ является ему.

ПѢСНЬ VIII.

Бесѣда Владимира съ Киромъ — старецъ повѣствуетъ о сотвореніи міра, о таинствахъ Божіихъ, будущей жизни, наказаніи злыхъ, награжденіи добрыхъ — мудрость Святаго му-

жа, открытыя истины вѣры плѣнили Князя. — Вдругъ раздается ужасный звукъ трубъ, и Князь трепещетъ, помышляя, не приближились ли къ Кіеву во время отсутствія его враги и не произошелъ ли мятежъ — онъ сожалѣетъ о своемъ отлученіи — все изчезаетъ: Киръ, Идолемъ, Персона, Законестъ скрываются, и прелестныя мѣста превращаются въ мрачную дубраву. —

ПѢСНЬ IX.

Смущенный Владимиръ спѣшилъ въ Кіевъ; но звукъ трубъ совсѣмъ не означалъ непріятельскаго нашествія — князь тмы, видя согласіе Владиміра и сладостную его бесѣду со Идолемомъ, повелѣлъ Чернобогу произвести бранные звуки. — Кіевляне въ смятеніи; — Князь, идущій по дубравѣ, встрѣчаетъ воина, возвѣщающаго ему о приходѣ дикихъ Ордъ къ Кіеву, что градъ обложенъ врагами и одна тайная только малая тропа осталась незанятою. — Воинъ ведетъ Князя по сей тропѣ, но ужасы, оную окружающіе, вразумляютъ Владимира; воинъ влечетъ его силою — Князь сражается — шлемъ падаетъ съ воина, открывается прелестная дѣва — гласъ свыше напоминаетъ Владимиру о новомъ искушеніи; вдругъ дѣва превращается въ змію, и Князь погибъ бы безъ помощи Кира. — Святый мужъ вразумляетъ Князя, что страсти въ сердцѣ его еще не укрощены: во образѣ дѣвы лесть и звукъ браней пробудили ихъ въ одно мгновеніе; Киръ ведетъ Князя въ Кіевъ и повѣствуетъ ему, что Идолемъ съ собесѣдниками удалены грѣхами его Владиміра, и явятся только послѣ чистосердечнаго раскаянія. Между тѣмъ наступилъ каждогодно празднуемый въ лѣсу подъ Кіевомъ язычниками обрядъ, гдѣ заколали на жертву младенца и призывали надъ дымящеюся кровію его тѣни предковъ; только избранные допускаемы были жрецами къ сему ужасному таинству. Кифаръ вводитъ сына своего Зарема и жениха дочери своей Стенара въ таинство. — Всѣ соучастники спѣшатъ ночью въ назначенное мѣсто; Зломиръ, подвигнутый княземъ тмы, совершаетъ обрядъ — представляетъ лживыя явленія — тѣнь Пламида, явившаяся среди сонмища, возвѣщаетъ о крещеніи нѣкоторыхъ Кіевлянъ, въ сіе мгновеніе совершившемся. — Кифаръ клянется ихъ истребить, принуждаетъ къ сей клятвѣ Зарема и Стенара и идетъ на богопротивный подвигъ; а сонмище язычниковъ погружается въ ужасное, необузданное веселіе и буйство. Кифаръ съ сынами притекшій къ берегу Днѣпра, видитъ новыхъ Христіанъ изъ воды исходящихъ, стремится, юноши ему послѣдуютъ и поражаютъ кинжалами — Киръ скрывается — но ужасъ, отчаяніе объемлетъ убійцъ, когда увидѣли они, что поразили супругу Кифара, дочь его и супругу Зарема — Киръ, являясь имъ, силою молитвъ воскрешаетъ убіенныхъ, и Кифаръ, убѣжденный чудесами, пріемлетъ крещеніе обще съ семействомъ своимъ. Слухъ о семъ произшествіи разносится по Кіеву; но Владимиръ медлитъ обращеніемъ.

ПѢСНЬ X.

Сомнѣніе отъ Стигійскихъ водъ прелетаетъ полвселенной и приходитъ въ Кіевъ. — Ревностнымъ послѣдователямъ сего ужаснаго грѣха является Рогдай, знаменитый, храбрѣйшій богатырь Владимира, которой много странствовалъ по отдаленнымъ странамъ, вездѣ гремѣлъ славою; но гордостію и тщеславіемъ омраченный, не позналъ святости Христіанскаго закона. — Сей воинъ является къ Владиміру, вливаетъ ядъ сомнѣнія въ его сердце, остерегаетъ отъ Кира и разсѣваетъ ложныя мнѣнія о Христіанахъ; далѣе повѣствуетъ о увѣданномъ имъ намѣреніи Греческихъ Царей отдать Царевну Анну въ супруги Владимира, совѣтуетъ не размышлять о вѣрѣ и поспѣшить наказать Херсонъ, гдѣ страждутъ въ плѣну многіе неправедно пограбленные и утѣсненные Россіяне. — Владимиръ, обольщенный гордостію и страстями, рѣшается мстить Херсону, побѣдить Греческихъ Царей и принудить ихъ отдать ему въ супруги Царевну Анну, а потомъ по разсмотрѣнію и уже какъ побѣдитель, принять и Вѣру Христіянскую; но мечта славы изгладила всѣ его добрыя намѣренія и о новой брани несется по Россіи. — Киръ предсталъ предъ Князя и таинственными словами предвозвѣстилъ ему, что Херсонъ будетъ побѣжденъ, что Владимиръ умретъ, родится вновь и потомъ соединится бракомъ съ Греческою Княжною — такъ вѣщалъ Киръ, и оставилъ Кіевъ. — Воинство собралось и выступило въ походъ.

ПѢСНЬ XI.

Описаніе войска и богатырей. — Воинство остановляется для отдыха; Владимиръ съ Рогдаемъ уходитъ въ дубраву бесѣдовать о Греческой Царевнѣ, многократно Рогдаемъ видѣнной. — Они находятъ юнаго Стенара, который послѣ принятія Христіянской Вѣры удалился въ пустыню, и лишившись супруги, оплакиваетъ смерть ея, упражняясь въ постѣ и молитвахъ. — Рогдай укоряетъ его тунеядствомъ и бездѣйствіемъ, и раздраженный отвѣтами пустынника, хочетъ убить его; но Князь удерживаетъ неистоваго и идетъ обратно въ станъ. — Мщеніе кипитъ въ сердцѣ Рогдая — ему нощію представляется Зломиръ, хвалитъ за отвлеченіе Князя отъ размышленій о вѣрѣ и предлагаетъ для довершенія успѣховъ злочестія идти въ Черную долину, гдѣ воздвигнутъ престолъ Суесвятства; — Рогдай не соглашается отлучиться отъ войска, когда Отечество имѣетъ нужду въ рукѣ и силѣ его; но соблазнъ величайшей славы, которую пріобрѣтетъ онъ, получа отъ Суесвятства дивный рогъ, побѣждаемъ Рогдая. — Нѣсколько богатырей, возбужденныхъ княземъ тмы, слѣдуютъ за Рогдаемъ безъ дозволенія Владимира. —

ПѢСНЬ XII.

По утру примѣчено ушествіе воиновъ, и Всеволодъ посланъ искать ихъ; а Владимиръ, продолжая путь къ Херсону, встрѣтилъ подкупленныхъ Херсонцами Печенѣговъ, которые подъ предводительствомъ Сагана напали на Русское воинство; — произошло кровопролитное сраженіе, гдѣ Владимиръ подвергался великой опасности — Печенѣги разбиты, но уронъ Россіянъ значителенъ; Владимиръ сокрушается о погибели храбрыхъ, что еще болѣе увеличилось, когда посолъ Сагана возвѣстилъ ему намѣреніе Печенѣговъ выставить съ обѣихъ сторонъ двухъ ратоборцевъ, съ тѣмъ, что если Печенѣгъ поразитъ Русскаго, то Печенѣги будутъ въ теченіи трехъ лѣтъ опустошать Россію; а въ противномъ случаѣ, должны уступить и не препятствовать походу Россіянъ. — Великій Князь принимаетъ условіе, но, по отпускѣ Печенѣга, размышляетъ, кого можно избрать къ единоборству; онъ сожалѣетъ объ уходѣ Рогдая, дѣлаетъ предложенія Торкамъ, и наконецъ рѣшается выступить самъ; но Добрыня успокоиваетъ Князя, и на другой день по утру извѣщаетъ его, что нашелся для брани нѣкій неизвѣстный воинъ и требуетъ опыта своей силѣ. — Владиміръ не могъ узнать воина, ибо лице его было закрыто — подвигъ воина, когда онъ убиваетъ свирѣпаго вола, убѣждаетъ воинство. — Началось единоборство и ужасный великанъ, изшедшій отъ стороны Печенѣговъ, убитъ — Печенѣги бѣгутъ, и Владимиръ восхищается, когда узнаетъ, что побѣдитель есть сынъ его Всеволодъ, отправленный искать Рогдая. — Воинство безпрепятственно переходитъ Днѣпръ и спѣшитъ къ Херсону.

ПѢСНЬ XIII.

Рогдай, преодолѣвъ многія трудности въ пути, приходитъ въ Черную долину, гдѣ царствуетъ Суесвятство. — Ему является Чистая Совѣсть, и гордый богатырь отвергаетъ ее. — Онъ проходитъ таинственный лѣсъ, и предводимый зміемъ седмиглавнымъ, оставляетъ въ долинѣ спутниковъ своихъ, достигаетъ храма Суесвятства, приноситъ въ жертву чернаго врана и видитъ самую богиню съ ея ужасными принадлежностями. — Богиня вручаетъ Рагдаю рогъ чернаго овна, въ который можетъ богатырь трубить только одинъ разъ. Богиня обѣщаетъ ему великую славу. Рогдай находитъ спутниковъ своихъ въ долинѣ, побѣждаетъ страшныя мечтанія и спѣшитъ удалиться. — Въ это время Владимиръ пришелъ съ воинствомъ подъ Херсонъ и облегъ сей обширный градъ. — Желая отвратить кровопролитіе, посылаетъ Пословъ съ предложеніемъ сдать Херсонъ безъ битвы. Начальствовавшій въ Херсонѣ, Князь Ферид, тѣмъ болѣе ненавидящій Владимира,

что слышалъ о предполагаемомъ бракѣ Князя съ Греческою Княжною, которую любитъ и даже самъ дерзаетъ мыслить о брачномъ союзѣ, старается уловить лестію Пословъ Россійскихъ. — Между тѣмъ приготовляетъ тайное нападеніе на Россіянъ; но Владиміръ, подозрѣвая его умыслы, бодрствуетъ съ воинствомъ своимъ. — Истина является среди мраковъ ночи Князю и предвѣщаетъ ему великія бѣдствія, если онъ не будетъ внимать гласу Божію — Владиміръ остается въ недоумѣніи. —

ПѢСНЬ XIV.

Съ утромъ началась кровавая битва. — Россіяне, обманутые коварнымъ Феридомъ, стѣсняются Греками — Добрыня, не смотря на храбрость, попадается въ плѣнъ, множество воиновъ погибаетъ, Всеволодъ израненъ и самъ Владиміръ въ великой опасности; но Рогдай съ своими сопутниками внезапно является на полѣ брани и храбрость его одушевляетъ полки; Херсонцы разбиты, бѣгутъ — страшная буря и гроза съ дождемъ воспрепятствовали Россіянамъ. Воинство возвратилось въ станъ — Владиміръ награждаетъ храбрость Рогдая золотою цѣпію и повелѣваетъ воинамъ предать сожженію тѣла, на полѣ лежавшія. — Херсонцы умоляютъ не предавать огню тѣлъ ихъ соотечественниковъ и въ вознагражденіе за то выдаютъ плѣннаго Добрыню, который повѣствуетъ, что будучи въ Херсонѣ, онъ еще лучше прежняго разсмотрѣлъ невозможность взять градъ, ибо съ моря доставляютъ въ оный и ратниковъ и припасы; но что одинъ старецъ открылъ ему тайну, отъ которой зависитъ взятіе града: Херсонъ имѣетъ водные ключи подъ градскою стѣной; по пресѣченіи тока воды жители невольно должны сдаться, ибо другихъ источниковъ во градѣ вовсе нѣтъ. — Владиміръ соглашается употребить въ пользу сіе извѣстіе; но Рогдай буйствуетъ; упрекаетъ Добрыню въ малодушіи и хочетъ тайно съ нѣкоторыми богатырями сдѣлать нападеніе на градъ.

ПѢСНЬ XV.

Еще была ночь, когда Рогдай съ дружиною богатырей перешелъ Херсонской ровъ и взбирался на стѣну; но Богъ не восхотѣлъ вѣнчать побѣдою гордаго, и Рогдай упалъ съ отломившимся подъ его рукою зубцомъ стѣны — весь Херсонъ, слыша шумъ, взволновался, множество воиновъ вышло изъ града; богатыри, положа израненнаго Рогдая на травѣ, напали на Херсонцевъ, прогнали ихъ въ городъ, но сами попали въ тайную въ стѣнѣ сдѣланную темницу и остались въ плѣну. — Воины Руские, отправленные снимать валъ, нашли лежащаго Рогдая и принесли въ станъ. — Трубы для провода потоковъ водныхъ во градъ тайно ночью разрушены, и ужасное бѣдствіе жажды принудило Херсонцевъ прибѣгнуть къ великодушію Влади-

міра. — Видѣніе Св. Ольги разсѣяло сомнѣніе Князя — онъ вступилъ побѣдителемъ въ Херсонъ; но, тщетно ожидая Кира и исполненія его предвѣщаній, смущается. — Вскорѣ показались на морѣ корабли — опасаясь враждебнаго нападенія, Владимиръ спѣшилъ на морской брегъ, и Киръ предсталъ очамъ его. — Князь видитъ Царевну, плѣняется ея красотою; но она отвѣчаетъ, что не пріемлетъ короны Русской, и не вступитъ въ бракъ, доколѣ Князь не оставитъ идолопоклонства и не приметъ Христіанской Вѣры — восхищенный Владимиръ соглашается; но Киръ провидя, что согласіе сіе происходило отъ дѣйствія любви, отлагаетъ исполненіе, вручаетъ Князю лавровую вѣтвь и говоритъ, что только послѣ бодрственнаго преодолѣнія соблазновъ онъ будетъ супругомъ Княжны; что въ сію нощь предстанутъ ему великія искушенія, и что лавръ, завядшій на груди его, покажетъ Владимиру близкую опасность и грѣхъ. Князь удаляется, и мечтая о прелестяхъ юной Греческой Царевны, предается волненіямъ любовной страсти. — Рогдай, едва изцѣленный отъ ранъ, предстаетъ Владимиру и вызывается показать пещеру, гдѣ онъ найдетъ и Царевну и Кира — смущенный Владимиръ соглашается, и нося на груди лавръ, данной Киромъ, идетъ съ Рогдаемъ за градскія стѣны. —

ПѢСНЬ XVI.

Владимиръ грядущій съ Рогдаемъ встрѣчаетъ видѣніе, которое являетъ имъ таинственную пещеру. — Тамъ видѣнъ Зломиръ во образѣ Суесвятства; Владимиръ, примѣчая окрестъ его ужасныя и развратныя видѣнія, познаетъ, что пришелъ не въ храмъ истинной вѣры; но Рогдай трубитъ въ рогъ, и Владимиръ останавливается; лавръ данный Киромъ вянетъ; Зломиръ простираетъ къ Князю ухищренную рѣчь — при зрѣніи завядшаго лавра, и когда Зломиръ и Рогдай съ дружиной стремятся оный сорвать, Князь поражаетъ Рогдая и бѣжитъ изъ пещеры. Онъ видитъ храмъ; возбуждаемый любопытствомъ, стремится разкрыть запону, закрывавшую Святый Олтарь — и поражается слѣпотою. — Тогда, признавъ онъ свой грѣхъ, раскаевается и молитъ пришедшаго Кира освятить его крещеніемъ. — Между тѣмъ князь тмы во образѣ Зломира извѣщаетъ Русское воинство о мнимой погибели Владимира и смерти Рогдая, будто бы отъ Грековъ учиненной — воины спѣшатъ за градскія стѣны къ уединенному храму; Владимиръ выходитъ къ нимъ въ сопровожденіи Кира и извѣщаетъ съ горестію о наказаніи Божіемъ за его невѣріе и грѣхи — Зломиръ падаетъ и умираетъ въ виду всѣхъ воиновъ — ужасная смерть чародѣя и слова Князя вразумляютъ ихъ — лучь благодати проницаетъ въ сердца: всѣ ждутъ прозрѣнія Владимирова, какъ знаменія истины Христіанской Вѣры. — Князь крещается, и возрожденный духомъ и плотію, зритъ въ восторгѣ грядущія времена, видитъ Идолема, Берсону, Законеста, исходитъ къ воин-

ству, и всѣ, узрѣвши его здрава, восклицаютъ: *Великъ, великъ твой Богъ!* — Всѣ требуютъ крещенія, и Киръ назначаетъ имъ принять крещеніе во градѣ — молва извѣщаетъ Херсонянъ о принятіи Россіянами Христіанской Вѣры и наименованіи Владимира Василіемъ — толпы народа текутъ на встрѣчу Князю и воинству его! Царевна имъ предшествуетъ и изъявляетъ согласіе свое на бракъ; всѣ въ торжествѣ вступаютъ въ Херсонъ. — Поэма заключается бракомъ Царевны съ Владимиромъ, всеобщимъ просвѣщеніемъ и радостію въ Россіи.